

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

51 2020
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (341) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаяева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Валерий Александрович Подорога* (1946–2020), советский и российский философ, художественный критик, преподаватель.

Валерий Александрович родился в Москве. Он окончил философский факультет МГУ и аспирантуру Института философии АН СССР; был кандидатом философских наук, а также доктором философских наук. В 1992 году защитил докторскую диссертацию на тему «Выражение и смысл: коммуникативные стратегии в философской культуре XIX–XX веков. С. Кьеркегор, Ф. Ницше, М. Хайдеггер». Много лет Подорога проработал в Институте философии РАН, заведовал сектором аналитической антропологии. Также преподавал в РГГУ, МГУ, НИУ ВШЭ, университетах США, Франции и Германии.

Главным достижением Валерия Подороги считается разработка аналитической антропологии как философской дисциплины.

В сферу его научных интересов входили философская и политическая антропология, история философии, философия искусства, психоанализ.

Он написал более 20 монографий, в том числе «Метафизика ландшафта», «Мимесис», «Вопрос о вещи», «Антропограммы», «Второй экран», и около 200 научных статей и эссе, посвященных самым разным темам, в том числе идеям западных философов, проблеме телесности, вопросам русской и зарубежной литературы, мирового кино.

Валерий Александрович являлся лауреатом премии Андрея Белого 2001 года «за тексты в книгах «Мастерская визуальной антропологии» и «Авто-био-графия. Тетради по аналитической антропологии».

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Первых А. А.

Формы участия третьего лица в исполнении
гражданско-правового обязательства 271

Петрова Т. Н.

Проблемы использования при расследовании
материалов других уголовных дел 272

Полякова Е. В.

Взыскание судебных издержек после
рассмотрения дела в арбитражном суде 274

Привалова А. В.

Правовая природа договора социального найма
жилого помещения 276

Пулкачева П. К., Кравцов Д. А.

Проблемы взаимодействия молодого сотрудника
Следственного комитета Российской Федерации
с несовершеннолетними, содержащимися
в следственных изоляторах 278

Сапронов Ю. Э., Щетинин В. Э.

Деятельность Федеральной службы безопасности
в области противодействия коррупции 280

Седых Е. А.

Эффективные механизмы защиты
конституционных прав несовершеннолетних
органами прокуратуры РФ 281

Сиркина А. В.

Основные различия публичных и непубличных
акционерных обществ 283

Сиркина А. В.

Правовые особенности покупок на всемирных
онлайн-площадках 285

Скрипова Е. В.

Права и обязанности сторон по договору
поставки 286

Смирнова Л. Н., Тошматова Н. Н.

Особенности объективной стороны убийства,
совершенного в состоянии аффекта 288

Старовойтова А. Ю.

Правовой режим земель и земельных
участков 291

Сугурова Э. Х.

История развития понятия «недееспособность»
в отечественном гражданском праве 293

Тихонова А. В.

Понятие и значение срока исковой
давности 295

Усачёва Е. Б., Кирса А. С.

Право в условиях цифровой реальности 298

Ушникова В. П., Кравцов Д. А.

Проблемы осуществления следователем
Следственного комитета Российской Федерации
допроса лиц, неоднократно судимых, в условиях
следственного изолятора 300

Фаизов А. В.

Юридическая ответственность субъектов
образовательных правоотношений при
реализации права на получение среднего
общего образования несовершеннолетними
гражданами 302

Фомочкина И. В.

Взаимодействие субъектов нотариальной
деятельности с органами исполнительной власти
в Российской Федерации 306

Чернышова Е. А., Зайцева И. Н.

Осуществление предпринимательской
деятельности без государственной
регистрации 307

Честных Д. Н.

Проблема обратной отсылки в международном
частном праве 309

Шараухова К. А.

Отграничение преступного сообщества
(преступной организации) от организованной
группы и объединений, предусмотренных
Особенной частью УК РФ 311

Шемякина Л. Н.

Незаконная миграция как угроза национальной
безопасности Российской Федерации 316

Шепелёва О. А.

Перспективы развития исполнительного
производства 318

Шепелева О. А.

Эффективность исполнительного
производства 319

Шнайдер Л. А.

Договоры в российском праве в период
COVID-19 321

Яшин А. Д.

Вопросы местного значения как предметная
основа референдума, проводимого
в муниципальном образовании 323

Яшонов А. А.

Пределы доказывания оказания помощи
в предотвращении террористического акта ... 326

Яшонов А. А.

Проблемы квалификации террористического
акта..... 328

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Формы участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства

Первых Анастасия Александровна, студент магистратуры
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Рассматривая конструкцию третьего лица, которая может быть встроена в классическую конструкцию гражданско-правового обязательства, представляющего собой устойчивую правовую связь кредитора и должника, очевидным является, что третье лицо может принимать участие в исполнении гражданско-правового обязательства либо на стороне кредитора, либо на стороне должника.

В случае же отсутствия правовой связи третьего лица со стороной гражданско-правового обязательства, поведение лица, влияющего на динамику правоотношения, будет рассматриваться через призму иных гражданско-правовых норм (например, о неосновательном обогащении), нежели через нормы о третьем лице в обязательстве.

Таким образом, присутствует явная необходимость правильной квалификации конкретных действий субъектов гражданского оборота и как следствие влияние этих действий на дальнейшую судьбу обязательства.

Однако при всей, казалось бы, очевидности форм участия третьего лица в обязательстве, в доктрине гражданского права видится смешение понятий форм участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства с иными смежными формами вовлечения в динамику обязательства иных лиц отличных от третьего лица — участника обязательства.

Данная проблема исходит из начал исследования определения видов и форм участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства.

Так, Е. Л. Невзгодина, говорила о том, что представительство является одной из форм участия третьих лиц в правоотношении «представительство... являет собой один из случаев исполнения обязательства третьими лицами» [1]. Однако высказанная точка зрения не соответствует действительности. В представительстве представитель не выступает в качестве третьего лица в обязательственном правоотношении, поскольку фигура представителя полностью поглощается фигурой одной из сторон, а в результате действий представителя права и обязанности возникают непосредственно у представляемого.

Суханов Е. А. по критерию субъектного состава обязательства выделяет регрессное обязательство и относит его к числу обязательств с участием третьих лиц.

В свою очередь регрессное обязательство не может подлежать рассмотрению через механизм участия третьего лица в обязательстве, поскольку в регрессном обязательстве третье лицо возникает в случае возложения должником исполнения своего обязательства на другое лицо или кредитор обозначит исполнение в пользу третьего лица.

Приведенные примеры классификации обязательств с участием третьих лиц говорят об особенностях вовлечения третьего лица в исполнение обязательства, которые зависят в том числе и от характера обязательства. Например, Сарбаш С. В. писал о возможности участия третьего лица в исполнении как договорных, так и внедоговорных обязательств, в том числе в обязательствах из неосновательного обогащения, деликтных и алиментных обязательствах [2].

В связи с этим, имеется необходимость произведения четкой классификации участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства с помощью критерия, состоящего из двух элементов: первый — сторона обязательства, на которой выступает третье лицо, второй — интерес участников обязательственного правоотношения, посредством реализации которого в это правоотношение вовлекается третье лицо.

Таким образом, можно выделить две формы участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства: первая — участие третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства на стороне должника, вторая — участие третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства на стороне кредитора.

Первая форма участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства (участие на стороне должника) представляет собой исполнение обязанности должника в обязательственном правоотношении должника и кредитора, причем связано такое участие третьего лица с его интересом в участии такого обязательства.

Интерес третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства на стороне должника, как правило, проявляется в виде возникновения интереса в погашении существующей правовой связи кредитора и должника; в возникновении имущественной выгоды у должника, за счет сбережения на его стороне того, что он должен был исполнить кредитору; в возникновении новой правовой связи — связи должника и креди-

тора, которая в свою очередь трансформируется с связь кредитора (третьего лица) и должника; в сохранении имущественной сферы третьего лица, которое подвергнуто опасности утраты своего права на имущество.

Вторая форма участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства (участие на стороне кредитора) проявляется в наличии правовой связи, существующей между кредитором и третьим лицом. Участие третьего лица на стороне кредитора в исполнении гражданско-правового обязательства как правило обусловлено наличием какой-либо договорной связи между кредитором и третьим лицом и выражается в получении определенных материальных благ третьим лицом, что и характеризует интерес третьего лица в его участии в исполнении гражданско-правового обязательства на стороне кредитора. Однако, наличие одного лишь интереса третьего лица недостаточно, для участия в исполнении обязательства необходима воля кредитора, направленная на вовлечение третьего лица на участие третьего лица в испол-

нении гражданско-правового обязательства на стороне кредитора.

Таким образом, во второй форме участия третьего лица в исполнении гражданско-правового обязательства третье лицо должно быть вовлечено в обязательство по воле кредитора в качестве субъекта имущественной выгоды.

Из вышеизложенного следует, что в случае, если третье лицо выступает на стороне должника, то реализация интереса третьего лица оказывает квалифицирующее воздействие на определение последствий его участия в динамике основного обязательства. В случае участия третьего лица на стороне кредитора, квалифицирующее значение для определения специфики его участия в динамике основного обязательства и тех последствий, которые возникают вследствие удовлетворения его интереса, отводится содержанию интереса кредитора. При этом важно понимать, что участие третьего лица на стороне как кредитора, так и должника, не формирует ни активной, ни пассивной множественности лиц в основном обязательстве.

Литература:

1. Невзгодина Е. Л. Представительство как универсальная форма гражданско-правового посредничества: монография / под ред. А. И. Казанника. Омск: Ом. гос. ун-т. С. 143.
2. Сарбаш С. В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005, С. 125.
3. Чурилов А. Ю. Правовые проблемы исполнения обязательств третьим лицом при возложении исполнения // Юридические исследования. 2016. № 6. С. 12–22.
4. Чурилов А. Ю. Пределы возложения исполнения обязательства на третье лицо в свете изменений гражданского законодательства // Наука 21 века: новый подход: материалы 13 молодежной международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 20–21 мая 2015 г, North Charleston, 2015. С. 208–210.

Проблемы использования при расследовании материалов других уголовных дел

Петрова Татьяна Николаевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Шайхлисламов Эдуард Робертович, кандидат юридических наук, доцент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В статье рассматриваются проблемы присоединения материалов одного уголовного дела к другому и использование этих материалов в качестве доказательств, которые не урегулированы нормами уголовно-процессуального законодательства, предлагаются пути решения этих проблем.

Ключевые слова: уголовное дело, соединение, выделение материалов, допустимость доказательств, преюдиция.

Довольно часто доказательства, полученные в рамках расследования одного уголовного дела, имеют доказательственное значение и по другому уголовному делу. Если эти уголовные дела ранее составляли единое целое, и одно было выделено из другого в порядке, предусмотренном ст. 154 или ст. 155 УПК РФ, то проблем с оценкой таких доказательств с точки зрения их допустимости не возникает, так как, согласно ч. 5 ст. 154 и ч. 2 ст. 155 УПК РФ, материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, допускаются в качестве доказательств по данному уголовному делу.

Проблемы возникают, если уголовные дела ранее не составляли единое целое либо если доказательства, имеющие зна-

чение для нескольких уголовных дел появились в одном из них, после выделения одного уголовного дела из другого.

Каким образом использовать при расследовании обстоятельства, установленные по одному уголовному делу, в ходе следствия по другим делам без их выделения и соединения, уголовно-процессуальный закон не регламентирует.

У следователя, согласно положениям ст. 155 УПК РФ, имеются полномочия по выделению из уголовного дела в отдельное производство материалов для последующего принятия на их основании решения в соответствии со статьями 144 и 145 УПК РФ. После такого выделения следователь обязан составить рапорт, предусмотренный ст. 143 УПК РФ, зарегистриро-

вать его в книге учета сообщений о происшествиях, провести доследственную проверку и на основании выделенных материалов, а также дополнительно собранных в ходе доследственной проверки материалов принять одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ. Однако, во-первых, такое решение, в частности, решение о возбуждении уголовного дела, уже принято, раз существует уголовное дело, к которому выделенные материалы необходимо приобщить. Во-вторых, полномочия по соединению с уголовным делом отдельных материалов другого уголовного дела Уголовно-процессуальным кодексом не предусмотрены.

М. А. Зеленский по анализируемому вопросу пишет следующее: «Используя данные, установленные при расследовании других дел, необходимо иметь в виду, что нельзя обосновывать свои выводы только ссылками на обвинительные заключения или иные документы из других дел, содержащие выводы, к которым пришло следствие, так как эти документы сами по себе не могут являться источниками доказательств. Используя сведения, установленные при расследовании других дел, необходимо, чтобы в основном следственном производстве содержались все необходимые фактические данные, позволяющие суду прийти к определенным выводам по тому или иному вопросу» [1 с. 17]. Каким образом приобщить к уголовному делу эти необходимые фактические данные, чтобы они выдержали проверку с точки зрения их допустимости, автор не указывает.

Некоторые следователи выходят из положения путем производства осмотра другого уголовного дела, приобщения заверенных копий с протоколов тех или иных следственных действий, признание этих копий вещественными доказательствами [2, ч. 318].

Насколько такой порядок соответствует нормам уголовного-процессуального законодательства, вопрос спорный.

Необходимость приобщения копий доказательств из другого уголовного дела возникает в случае невозможности получить аналогичные доказательства в том, уголовном деле к которому приобщаются копии. Как правило, это показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, которые в дальнейшем изменили свои показания, скрылись от следствия или скончались, вследствие чего их невозможно вновь допросить по другому делу. Возможно ли, огласить такие показания в рамках нового уголовного дела путем осмотра протокола допроса свидетеля, допрошенного в рамках иного дела, и последующего оглашения этого протокола осмотра. Из анализа норм УПК РФ, следует, что нельзя. В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательством являются именно показания подозреваемого, а не протокол его допроса. Согласно ст. 76 УПК РФ показания подозреваемого — сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями статей 187–190 настоящего Кодекса. В рамках же уголовного дела, к которому эти «показания» приобщаются путем их осмотра и признания вещественными доказательствами, они получены не в ходе допроса подозреваемого, проведенного в соответствии с требованиями статей 187–190 УПК РФ, а в ходе осмотра документов, проведенного в соответствии с положениями статей 176, 177, 180 УПК РФ, поэтому они противоречат статье 76 УПК РФ и должны быть признаны не-

допустимыми доказательствами. Вопрос с допросами обвиняемого и свидетелей должен решаться аналогично.

Экспертизы, допросы свидетелей, не меняющих свои показания, следственные эксперименты можно провести заново. Вещественные доказательства также можно осмотреть в рамках другого уголовного дела и приобщить их в качестве таковых к этому делу. Проблемы могут возникнуть с осмотром места происшествия, если изменилась обстановка, а также с освидетельствованием.

Таким образом все следственные действия, которые необходимы для другого уголовного дела, при невозможности выделения их протоколов, лучше вновь провести в рамках этого уголовного дела, чтобы не возникало вопросов об их допустимости.

Если же это сделать не получается по вышеуказанным причинам, то из сложившейся ситуации правильнее будет выйти путем выделения материалов уголовного дела в порядке, предусмотренном ст. 155 УПК РФ, с дальнейшим приобщением этих материалов к другому уголовному делу на основании рапорта составленного в соответствии с ведомственными инструкциями. Например, пунктом 48 Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, утвержденной Приказом МВД России от 29.08.2014 № 736, предусмотрено, что если по одному и тому же преступлению поступили два и более заявления (сообщения), то в случае подтверждения в результате проверки этого факта, все заявления и сообщения после регистрации в КУСП по решению руководителя территориального органа приобщаются к первому зарегистрированному заявлению (сообщению). Таким образом, выделенные в соответствии со ст. 155 УПК РФ материалы в дальнейшем приобщаются к зарегистрированному заявлению (сообщению), которое явилось поводом для возбуждения того уголовного дела, для расследования которого имеют значение приобщаемые материалы, со ссылкой на п. 48 вышеуказанной Инструкции или аналогичной инструкции другого правоохранительного органа. Если нормами закона указанный вопрос не урегулирован, то он регулируется ведомственными нормативно-правовыми актами.

В ряде случаев материалы, необходимые для следствия, содержатся в делах, по которым приговоры уже вступили в законную силу, соответственно, выделить из них материалы, опираясь на положения ст. 155 УПК РФ, невозможно, так как подобные процессуальные действия совершаются лишь по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя (дознателя). Здесь можно воспользоваться преюдицией (ст. 90 УПК РФ), согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьей 226.9, 316 или 317.7 УПК РФ, либо иным вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках гражданского, арбитражного или административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом такие приговор или решение не могут предрешать виновность лиц, не участвовавших ранее

в рассматриваемом уголовном деле. Используя правило о преюдиции, возможно в уголовном деле сослаться на приговор по другому делу, если этим приговором, установлены обстоятельства, имеющие значение для следователя. Это даже упростит процесс доказывания.

С. А. Лопатин относительно использования в доказывании ранее вынесенных судебных решений полагает, что преюдиция — это способ упростить доказывание, но это упрощение допустимо только в условиях отсутствия сомнений в достоверности установленных ранее судом обстоятельств, а также при обеспечении максимального объема процессуальных гарантий заинтересованным участникам (сторонам), в том числе права на

справедливое судебное разбирательство, гарантированное ст. 6 Конвенцией о защите прав и свобод человека. При наличии сомнений фактические обстоятельства, ранее установленные судом по другому делу при участии тех же лиц, устанавливаются путем доказывания в общем порядке [3, с. 122].

Если для расследования ссылки на имеющийся приговор недостаточно, а требуются именно доказательства, содержащиеся в другом уголовном деле, для их последующего исследования, то стоит признать, что урегулированного порядка приобщения к материалам уголовного дела и легализации в нем таких доказательств не имеется, поэтому, на наш взгляд, этот вопрос требует урегулирования на законодательном уровне.

Литература:

5. Зеленский М. А. Расследование многоэпизодных групповых преступлений: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2003.
6. Егорова А. В. Доказательственное значение материалов одного уголовного дела в другом уголовном деле // Молодой учёный. 2017. № 22 (156). С. 317–320.
7. Лопатин С. А. К вопросу о юридической истине в случае применения преюдиции в уголовно-процессуальном доказывании // Юридическая истина в уголовном праве и процессе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, под общ. ред. К. Б. Калиновского, Л. А. Зашляпина. Петрополис. 2018. С. 117–124.

Взыскание судебных издержек после рассмотрения дела в арбитражном суде

Полякова Екатерина Викторовна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Очень важным значением для процессуального права является правовой институт взыскания судебных расходов. Он является одним из инструментов обеспечения баланса интересов сторон, одновременно играя при этом важную роль экономического стимула и барьера при реализации права на судебную защиту. Без исполнения судебного решения, а именно взыскания в пользу выигравшей стороны судебных расходов, не может быть исполнен в полной мере принцип защиты прав, свобод и законных интересов и гражданина в Российской Федерации, указанный в ст. 45 Конституции Российской Федерации [1].

В российском же законодательстве правовую основу исполнительного производства составляют: Конституция Российской Федерации [1], Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 318–332) [2], Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ст. 428–446) [3], Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [4], а также принятые в соответствии с ними нормативные акты Президента РФ, отдельные постановления Правительства Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, в т. ч. приказы и административные регламенты Министерства юстиции Российской Федерации.

Механизм исполнения решений суда на сегодняшний момент сравнительно не сложный.

Суд, рассмотрев дело по существу, выносит судебное решение или постановление, которое обязывает ответчика его

исполнить, когда оно вступит в законную силу. Вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, граждан, организаций и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации [2].

В случае, когда судебное решение не исполнено в добровольном порядке, то истец, который на данном этапе уже является взыскателем, обращается в суд, вынесший данное решение, с заявлением о выдаче исполнительного листа [2]. Исполнительный лист выдается взыскателю лично или по его просьбе, указанной в заявлении, направляется судом для исполнения в службу судебных приставов. В нашей стране именно Федеральная служба судебных приставов и ее территориальные органы занимается принудительным исполнением судебных решений.

По мнению С. А. Савченко и И. М. Вставской, исполнительное производство это юридическая деятельность, осуществляемая за рамками судебного процесса, призванная обеспечивать принудительное исполнение актов различных юрисдикционных органов [6, с. 15].

О. В. Исаенковой под исполнительным производством понимает деятельность судебных приставов-исполнителей и других участников, заключающаяся в процессе реализации су-

дебных исполнительных листов и иных исполнительных документов, при помощи государственного принуждения [5, с. 110].

На сегодняшний день, несмотря на массу изменений, направленных на повышение эффективности исполнительного производства, самая большая проблема исполнения судебных актов кроется в неэффективности исполнении актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции, а также актов иных органов.

За 2019 г. в исполнительном производстве находилось всего 104 343 450 производств, из которых 62 297 919 прекращено и окончено, в свою очередь 40 554 695 производств так и не завершились [9].

Исходя из вышеперечисленных данных, можно сделать вывод о том, что более 40 процентов исполнительных производства остались не завершёнными, что говорит о неэффективности исполнительного производства в целом.

Таким образом, исходя из анализа ведомственной статистики Федеральной службы судебных приставов можно сделать вывод, что в Российской Федерации существует глобальный кризис системы исполнения решений судов [8].

В нашем законодательстве предусмотрена возможность не исполнения решения суда в законном порядке, то есть, законодателем создан целый комплекс мер поддержки должников, которые не исполняют судебные решения.

К примеру, процедура банкротства физических и юридических лиц, которым позволено не исполнять решения судов в связи с отсутствием средств для такого исполнения, вполне подходит под подобную меру.

Из отчёта УФССП РФ по Омской области по результатам деятельности за 2019 г. установлено, что в 2019 г. на исполнении

в Федеральной службе судебных приставов находилось порядка 103 млн исполнительных производств, что на 18% больше, чем в 2018 г. (87,6 млн исполнительных производств). Из них свыше 48 млн исполнительных производств — на основании судебных решений [10].

Таким образом, на плечи штатного пристава-исполнителя службы ложится огромный груз исполнительных производств, иногда переходя за 3000 дел в год.

Чтобы в дальнейшем избежать таких цифр в Ведомственной статистической отчётности по показателям взысканности, государству нужно идти на устранение недостатков нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу общественных отношений путем исправления уже созданных законодательных положений, а также расширять структурный состав работников данной сферы.

Также, при решении данной проблемы можно пользоваться практикой европейских государств, где успешно функционируют как негосударственная система принудительного исполнения (например, во Франции, Нидерландах, Польше), так и государственная (например, в Австрии, Германии, Швеции). Это показывает, что и государственная система принудительного исполнения может быть эффективной. Однако в условиях, сложившихся в нашей стране, проблематично будет быстро добиться эффективности государственной системы исполнения. Невозможно в ближайшее время создать модернизированную систему государственного исполнения, поскольку в первую очередь для этого необходимо увеличить количественный состав ФССП РФ и повысить квалификацию ее сотрудников, на что требуется длительное время [7].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020).
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.12.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020).
4. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 02.10.2002 № 229-ФЗ (действующая редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.12.2020).
5. Постатейный комментарий в Федеральный закон от 02.10.2002 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» под ред. О. В. Исаенковой. Доступ из справ.-правовой системы «ГарантПлюс» (дата обращения 10.12.2020).
6. Вставская И. М., Савченко С. А. Исполнительное производство: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2010. — С. 15.
7. Кузнецов В. Ф., Ярков В. В. Проблемы реализации судебных решений о признании // Правоведение. 1988. № 3. С. 73.
8. Чобанян А. Г. Некоторые вопросы розыска должников и их имущества в развитых зарубежных странах // Российский следователь. — 2011. — № 9. — С. 36–39.
9. Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов [Электронный ресурс] // <http://fssprus.ru/>. — Режим доступа: <http://fssprus.ru/statistics/> (дата обращения 10.12.2020).
10. ФССП отчиталась о работе в 2019 году [Электронный ресурс] // ДОЛГ.РФ. Новости. URL: https://долг.рф/news/sudebnye_pristavy/v_sukhom_ostatke_fssp_otchitalas_o_rabote_v_2019_godu/ (дата обращения 10.12.2020).
11. <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolnitelnoe-proizvodstvo-kak-stadiya-arbitrazhnogo-protssesa-ispolnenie-sudebnyh-aktov-arbitrazhnyh-sudov>
12. <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemnye-aspekty-ispolneniya-sudebnyh-aktov-v-sovremennoy-rossii>

Правовая природа договора социального найма жилого помещения

Привалова Анастасия Владимировна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право на жилище, закрепляя необходимость создания дополнительных условий для его реализации нуждающимися гражданами путем предоставления жилья бесплатно или за доступную плату. Данное конституционное положение воплощается посредством заключения договора социального найма жилых помещений. На сегодняшний день одним из дискуссионных вопросов является правовая природа указанного договора.

В науке не сложилось единого мнения ученых относительно данного вопроса. Так, согласно одной из точек зрения, договор социального найма является подвидом административного договора. Данной позиции придерживается, в том числе И.А. Остапенко. Рассмотрим данную точку зрения более подробно.

Итак, статья 60 Жилищного кодекса РФ содержит определение договора социального найма, из которого четко прослеживается его субъектный состав. Обязательным участником (наймодателем) рассматриваемых отношений является публично-правовое образование, от имени которого выступают уполномоченные органы. Другой стороной договора, а именно нанимателем, всегда выступает гражданин, являющийся нуждающимся и признанный малоимущим. При этом Жилищный кодекс РФ не содержит исчерпывающий перечень субъектов, которым может быть предоставлено жилое помещение, а лишь указывает на возможность предоставления данного права федеральным законом, Указом Президента РФ или законом субъекта и иным гражданам. Таким образом, договор социального найма и административный договор обладают сходным субъектным составом в части обязательного участия органов государственной власти.

Цель договора вытекает из конституционных положений, а также из вышеуказанного понятия и заключается в использовании жилого помещения для проживания в нем граждан. Однако в связи со спецификой субъекта, выступающего на стороне нанимателя, цель необходимо рассматривать масштабнее. Поскольку нанимателем являются граждане, которые не в силах самостоятельно реализовать право на жилище, то в рамках договора социального найма жилище следует рассматривать не как недвижимое имущество, а как социальное благо, следовательно, договор служит удовлетворению общественно значимых потребностей, как и административный договор.

Следующим признаком договора социального найма, сближающим его с административным договором, является особый порядок заключения. Анализ жилищного законодательства позволяет сделать вывод о том, что заключению договора между нанимателем и наймодателем предшествует цепочка обязательных правоотношений организационного характера. А именно: постановка на учет граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях органом местного самоуправления по

месту жительства заявителя и принятие компетентным органом решения о предоставлении жилого помещения по договору социального найма. Установление многоступенчатого порядка объясняется необходимостью проверки соответствия обратившихся граждан обязательным критериям, установленным Жилищным кодексом РФ и детализированным на уровне региональной и муниципальной власти.

Помимо строго определенного порядка заключения договора, социальному найму также не свойственен такой принцип, как свобода договора. Так, например, стороны ограничены в выборе размеров предоставляемого жилого помещения. Невозможность отказаться от нормирования жилья П.В. Крашенинников объясняет наличием их дефицита, а также тем, что жилье предоставляется «на условиях, гораздо более благоприятных, нежели обычно существующие» [5]. Наниматель и наймодатель ограничены, в том числе в определении условий договора, поскольку его форма регламентирована и утверждена постановлением Правительством РФ от 21 мая 2005 года № 315 «Об утверждении Типового договора социального найма жилого помещения».

Таким образом, анализ вышеперечисленных признаков позволяет сделать вывод о том, что договор социального найма жилого помещения имеет административно-правовую природу. Однако полностью согласиться с точкой зрения И.А. Остапенко об отнесении данного соглашения к административному договору невозможно ввиду следующего. Имея публично-правовые признаки, договор социального найма жилого помещения включает в себя и элементы гражданско-правовых договоров.

В соответствии со статьей 4 Жилищного кодекса РФ жилищное законодательство регулирует отношения по поводу возникновения, осуществления, изменения, прекращения права владения, пользования, распоряжения жилыми помещениями государственного и муниципального жилищных фондов [1]. Иными словами, отношения в сфере предоставления жилых помещений по договору социального найма, в том числе, относятся к жилищным правоотношениям.

При этом согласно позиции О.А. Городова, жилищное законодательство регулирует различные по правовой природе отношения: одни «выступают предметом гражданско-правового регулирования и являются собственно жилищными отношениями», другие составляют предмет административного права [4]. О комплексности данных отношений говорит и И.А. Фаршатов, классифицируя их на следующие виды: организационные, управленческие и имущественно-стоимостные [7].

Рассмотрим подробнее относимость договора социального найма жилых помещений к предмету гражданско-правового регулирования. Предметом гражданского права, как и жилищного, выступают имущественные и личные неимущественные отношения. При этом под имущественными понимают отно-

шения по поводу имущественных благ, характеризующиеся такими признаками, как имущественно-распорядительная самостоятельность сторон, равное положение сторон по отношению друг к другу и возмездность [3].

Договор социального найма жилого помещения, как и жилищные правоотношения, носит имущественный характер ввиду следующего. Как известно, наниматель по договору социального найма не приобретает право собственности на предоставляемое жилое помещение и, как следствие, не может совершать некоторые распорядительные действия в отношении него. Так, такое жилое помещение не может стать предметом гражданско-правовых договоров [6]. В то же время Жилищный кодекс РФ содержит правила, предоставляющие нанимателю право совершать некоторые сделки в отношении жилого помещения. К ним можно отнести право нанимателя на заключение договора поднайма, а также право на обмен занимаемого жилого помещения. В свою очередь наймодатель тоже не лишен распорядительных возможностей в отношении жилых помещений. Так, он уполномочен давать согласие нанимателю на вселение новых членов семьи, на обмен жилого помещения и на заключение договора поднайма.

Правоотношения по договору социального найма отвечают и второму признаку имущественных отношений. В гражданском праве равное положение сторон означает отсутствие между ними субординационных отношений. В рамках договора социального найма наличие на стороне наймодателя органа государственной власти или органа местного самоуправления не приводит к возникновению между сторонами договора отношений власти и подчинения. Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2019 года № 83-КГ19-15, законодательство РФ не предусматривает возможность понудить граждан в судебном порядке к заключению договора социального найма, тем самым против их воли возлагая на них права и обязанности нанимателя [2]. Таким образом, отношения

между нанимателем и наймодателем характеризуются равенством сторон.

Несмотря на ярко выраженную социальную направленность рассматриваемого договора, нельзя говорить о его безвозмездности. Согласно Конституции РФ жилые помещения предоставляются, в том числе за доступную плату. В связи с этим Жилищный кодекс РФ закрепляет право наймодателя требовать от нанимателя своевременно вносить плату за жилое помещение, которому корреспондирует соответствующая обязанность нанимателя. Следовательно, отношения по социальному найму не лишены экономической составляющей.

К личным неимущественным отношениям в жилищной сфере ученые относят право граждан на неприкосновенность жилища. Данное право рассматривается в качестве элемента личной жизни граждан, а не объекта прав нанимателя по договору социального найма [5]. Статья 3 Жилищного кодекса РФ закрепляет также принцип недопустимости произвольного лишения жилища, который, в том числе, относится к неимущественным отношениям. Так, наниматели не могут быть произвольно лишены жилого помещения, их выселение допускается лишь в установленных законом случаях и только в судебном порядке. Таким образом, отношения, возникающие по договору социального найма, имеют признаки гражданско-правовых отношений.

Таким образом, проведя анализ особенностей правоотношений по договору социального найма, можно сделать вывод о неоднозначности правовой природы рассматриваемого договора. Правоотношения социального найма облечены в конструкцию гражданско-правового договора, однако обладают целым рядом особенностей, которые носят публично-правовой характер. Применение административно-правового метода объясняется тем, что договор социального найма является исключительным способом удовлетворения жилищных потребностей граждан. Высокая социальная значимость указанного договора определяет особенность его правовой природы, которая выражается в сочетании частно-правовых и публичных начал.

Литература:

1. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2019 года № 83-КГ19-15. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Гонгало Б. М. Гражданское право: учебник. — М.: Статут, 2017. — 511 с.
4. Городов О. А. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. — М.: Проспект, 2018. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Крашенинников П. В. Постатейный комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. — М.: Статут, 2012. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Мыскин А. В. Собственник и социальный наниматель жилого помещения: сравнительный анализ гражданского и жилищно-правового статуса: монография. — М.: Статут, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Фаршатов И. А. Комментарий к Жилищному кодексу Российской Федерации. — М.: Городец, 2006. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Проблемы взаимодействия молодого сотрудника Следственного комитета Российской Федерации с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах

Пулкачева Полина Константиновна, студент;

Кравцов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва)

В статье затрагиваются важные вопросы относительно взаимодействия молодого сотрудника Следственного комитета Российской Федерации и несовершеннолетних, содержащихся в следственных изоляторах. Приведены статистические данные, полученные в ходе мониторинга и анализа количества несовершеннолетних лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Даны практические рекомендации, оптимизирующие процесс взаимодействия молодого сотрудника Следственного комитета с несовершеннолетними, содержащимися в следственных изоляторах.

Ключевые слова: молодой сотрудник Следственного комитета, несовершеннолетний, следственный изолятор, допрос, рекомендации по взаимодействию.

Анализ официальных статистических данных Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации о количестве несовершеннолетних, содержащихся в следственных изоляторах, позволил проследить динамику снижения численности несовершеннолетних, находящихся в условиях следственного изолятора. Так, в 2015 году в следственных изоляторах Российской Федерации содержалось 1382 подозреваемых, обвиняемых, осужденных несовершеннолетних, в 2016 году — 1151 несовершеннолетний, в 2017 году — 1034 несовершеннолетних, в 2018 году — 982 несовершеннолетних, а на 2019 год количество несовершеннолетних составило уже 927 человек. Несмотря на это, уровень совершения преступлений несовершеннолетними остается по-прежнему высоким [1]. Генеральная Прокуратура Российской Федерации 23.09.2020 провела координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении их, в рамках которого было отмечено, что несовершеннолетними в настоящее время все чаще и чаще совершаются деяния насильственного характера, возросло количество совершенных тяжких и особо тяжких преступлений с участием подростков [2].

На сегодняшний день особую озабоченность вызывает тот факт, что подавляющее большинство преступлений, совершенных несовершеннолетними, имеют корыстную мотивацию, носят насильственно-агрессивный характер и сопряжены с посягательствами на жизнь и здоровье граждан [3, с.124]. Следователями Следственного комитета проводится активная, целенаправленная работа по предупреждению, раскрытию и пресечению преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Допрос данной категории лиц является непростой задачей даже для опытных следователей, имеющих обширные знания и навыки общения с трудными подростками. Несомненно, для молодого сотрудника Следственного комитета данное следственное действие в отношении несовершеннолетних представляет особую сложность, как при его подготовке, так и при проведении. Это обусловлено не только спецификой самого субъекта — несовершеннолетнего, но и тем, что молодой следователь, не имея необходимого опыта и знаний для проведения допроса, теряет, выбирает неверную тактику его проведения и тем самым не может расположить к себе, завладеть

вниманием, доверием допрашиваемого лица. Именно поэтому особую важность имеет подготовительный этап проведения допроса. Здесь имеет место изучение личности допрашиваемого несовершеннолетнего, его поведения, психологических особенностей. С этой целью целесообразно провести встречу с сотрудником психологической лаборатории следственного изолятора, в ходе которой молодой сотрудник следственного комитета может получить интересующую его информацию о личностных качествах, семейной ситуации, круге общения в котором тот находился, увлечениях, хобби и иных необходимых сведениях. Помимо этого в рамках данной встречи молодой следователь может получить необходимые рекомендации по индивидуальным психологическим особенностям несовершеннолетнего. В дальнейшем это позволит более грамотно расставить акценты при проведении допроса. Для получения более полной информации о личности несовершеннолетнего лица, молодой следователь запрашивает дополнительную характеризующую информацию, как с места учебы, так и с места жительства. Наличие данной информации позволяет сформировать общее представление о лице, подлежащем допросу [4, с.275]. Все это также необходимо для установления психологического контакта с допрашиваемым лицом, понимания и объяснения отдельных поступков и высказываний, оценки достоверности показаний и для выбора эффективного приема проведения допроса. Сотрудник Следственного комитета должен не только знать и понимать всю процедуру проведения допроса лиц данной категории, но и владеть определенными психологическими навыками общения с ними.

Сама процедура проведения допроса несовершеннолетних в условиях следственного изолятора не имеет существенных различий от допроса лиц иных категорий, но имеет свои особенности. Во-первых, сотрудник следственного комитета обязан обеспечить участие педагога или психолога специалиста при проведении допроса несовершеннолетнего лица. Во-вторых, допрос несовершеннолетнего не может проводиться более 2 часов подряд и не более 4 часов в день в общей сложности. В-третьих, при допросе несовершеннолетнего подозреваемого обязательно должен присутствовать его защитник. Помимо вышеперечисленных особенностей необходимо учитывать и уровень социально-педагогической запущенности несовершенно-

нолетнего лица, которая проявляется в деформации личности несовершеннолетнего и его социальной дезадаптации. Несовершеннолетний становится труднообучаем и трудновоспитуем. В этом случае следователь должен формулировать свои вопросы простым для понимания языком, избегая сложных речевых конструкций, повторять несколько раз один и тот же вопрос с целью уяснения его несовершеннолетним. Также учитывается и уровень его криминализации при проведении допроса, то есть уровень вовлеченности подростка в преступную среду. Необходимо выяснить, впервые несовершеннолетний совершил преступление или у него уже имеется криминальный опыт, и он уже отбывал наказание в местах лишения свободы. Важным является также наличие близких родственников или друзей с судимостью, оказывающих негативное влияние на личность несовершеннолетнего. Употребляет ли подросток в своей речи тюремный жаргон или иной сленг. Для поддержания психологического контакта следователю необходимо показать, что он понимает несовершеннолетнего, находится с ним «на одной волне». Поэтому, молодой сотрудник Следственного комитета должен иметь широкий кругозор, в том числе понимать молодежный сленг и знать тюремный жаргон. Все это, безусловно, следователь должен учитывать для успешного проведения допроса несовершеннолетнего.

Нередко следователь сталкивается с противодействием при проведении допроса несовершеннолетнего, что обуславливается нежеланием говорить правду или вообще давать показания по делу, желанием ввести следователя в заблуждение относительно истины обстоятельств совершенного преступления, а также в результате добросовестного заблуждения в силу возрастных, умственных и психофизических особенностей. Частым явлением при допросе несовершеннолетнего является их речевая пассивность, когда допрашиваемый не желает общаться со следователем или сам по себе является неразговорчивым и малообщительным лицом [5. с. 18]. В данном случае перед следователем стоит задача активизировать речь несовершеннолетнего, расположить его к разговору с помощью вопросов, которые должны предполагать развернутый и однозначный, а не предположительный ответ по какому-то конкретному обстоятельству дела. Вопросы при этом должны быть простыми для понимания, четкими и конкретными. Еще одним видом противодействия является чрезмерная гладкость показаний и несвойственные возрасту слова и выражения, что

может свидетельствовать о том, что допрашиваемое лицо находится под влиянием иных лиц. В данных случаях следует попросить несовершеннолетнего пересказать все события своими словами, что в свою очередь позволит установить достоверность получаемой следователем информации. Еще одним способом выяснения истинности показаний допрашиваемого лица может быть его пересказ произошедшего в обратной последовательности, от конца к началу, при этом желательно разбить факт произошедшего события на фрагменты, несколько раз акцентировать внимание на непосредственном произошедшем преступлении.

Большинство подростков в силу недостатка воспитания и негативно влияющего окружения могут специально грубить и оскорблять следователя, особенно молодого, что серьезно может сказываться на обстановке в которой проводится допрос. В этом случае наиболее целесообразно оставить высказанное оскорбление без ответа, не вступать в дискуссию, демонстрируя уверенность в необходимости проведения следственного действия. Кроме того, необходимо разъяснить подозреваемому тот факт, что данные действия важны для установления истины по делу, и что он при этом является заинтересованным лицом.

Основной формой проведения допроса была и остается беседа, эффективность которой переоценить сложно. Для качественного проведения допроса молодому специалисту приходится преодолевать ряд трудностей. Правильное установление психологического контакта с несовершеннолетним и выбранная следователем тактика проведения следственного действия — все это невозможно без знаний о психологических особенностях личности несовершеннолетнего, учета его социально-педагогической запущенности и криминальной зараженности. Все перечисленные особенности индивидуальны у каждого конкретного лица, и соответственно тактику общения с ними молодой специалист должен подбирать сообразно каждому случаю. Поэтому к молодым сотрудникам Следственного комитета Российской Федерации предъявляются повышенные требования в области знания законодательства России, коммуникативной компетентности, стрессоустойчивости, которые являются профессионально важными для следователя качествами. Для успешного выполнения своих обязанностей молодой специалист должен постоянно совершенствовать свои знания, умения и навыки, накапливать профессиональный опыт и развивать нравственный потенциал.

Литература:

1. ФСИН России. Режим доступа: <https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/Xar-ka%20v%20CIZOiT/>
2. Генеральная Прокуратура РФ. Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1890336/>
3. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71). № 2. — С. 124–130.
4. Рязанова Н. В. Изучение личности как элемент подготовки к допросу очевидца экстремального события // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 58. С. 274–277.
5. Корнакова С. В. Вопрос как эффективное средство познания в процессе доказывания по уголовному делу // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — № 3. — С. 17–23.

Деятельность Федеральной службы безопасности в области противодействия коррупции

Сапронов Юрий Эдуардович, студент;

Щетинин Владислав Эдуардович, студент

Научный руководитель: Корнилов Александр Васильевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

Рассмотрено современное состояние коррупционной угрозы в Российской Федерации, предложены пути совершенствования деятельности Федеральной службы безопасности Российской Федерации в области противодействия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, Федеральная служба безопасности.

Коррупция включает в себя широкий спектр негативных для общества действий — от получения взяток для сокрытия преступлений до получения процентов за использование методов «нецивилизованного» лоббизма. Отмечается, что в ближайшие годы можно прогнозировать развитие коррупции в еще более изощренных формах [4, с. 6].

По оценкам ВЦИОМ за 2020 год, россияне считают коррупцию самым серьёзным противозаконным действием после употребления наркотиков [9]. Несмотря на то, что деятельность органов государства по борьбе с коррупцией становится более заметной (о позитивных результатах работы говорят 55% граждан, а об ухудшении ситуации — 13%) [8], проблема требует от государственных органов мобилизации всех усилий в деле противодействия коррупции. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2019 году зарегистрировано 30 991 преступлений коррупционной направленности, в том числе совершенных в крупном или особо крупном размере (в 2019 году — 5 408) [7]. Безусловно, важную роль в противодействии коррупционной угрозы играет именно Федеральная служба безопасности.

Федеральная служба безопасности организует и осуществляет обеспечение безопасности в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях, их органах управления и в органах, в которых предусмотрена военная служба, в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, таможенных органах и войсках национальной гвардии [1]. В соответствии с Указом Президента, оперативно-розыскные мероприятия с применением технических средств, например, с целью контроля почтовых отправлений, возлагаются на органы федеральной службы безопасности [2]. Должностные лица Службы наделены полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы РФ и органы, осуществляющие го-

сударственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции [3]. Вышеперечисленные возможности свидетельствуют о том, что Федеральная служба безопасности может взять на себя функции координатора оперативно-розыскных мероприятий в сфере противодействия коррупции.

Ученые по-разному относятся к выделению отдельного органа по борьбе с коррупцией. Например, Р.В. Дронов высказывает мнение о создании нового органа в рамках ФСБ, который условно можно назвать Службой по борьбе с коррупцией [5, с. 5]. Однако О.Ю. Таибова отмечает риск ухудшения ситуации в сфере противодействия коррупции вследствие замены системы органов, противодействующих коррупции, единственным органом [6, с. 94]. Мы считаем, что в структуре ФСБ РФ целесообразно создание специализированного органа по борьбе с коррупцией, оставляя у органов прокуратуры полномочия по координации правоохранительных органов в этой сфере. Новая силовая структура может быть уполномочена на мероприятия по противодействию коррупции и координации деятельности иных органов государства в рамках оперативно-розыскных мероприятий. Создание этого органа позволит существенно снизить финансовые и материально-технические издержки на содержание силовых ведомств, повысить эффективность и ускорить процесс принятия решений по противодействию коррупции. Однако, создавая новую силовую структуру, необходимо обеспечить возможность контроля ее деятельности со стороны других государственных органов и со стороны общества. Например, верным решением будет назначение и освобождение от должности руководителя специализированного органа Советом Федерации по представлению Президента, обеспечив этим соблюдение принципа сдержек и противовесов. Также необходимо обеспечить гласность, в допустимых пределах, в работе специальных служб.

Литература:

1. О федеральной службе безопасности: Федеральный закон от 03.04.1995 N40-ФЗ
2. Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств: Указ Президента РФ от 1 сентября 1995 г. N891
3. О наделении должностных лиц органов федеральной службы безопасности полномочиями по направлению запросов в кредитные организации, налоговые органы Российской Федерации и органы, осуществляющие государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции: Приказ Федеральной службы безопасности Российской Федерации от 07.12.2017 № 684
4. Быков С. А. Функции ФСБ России в борьбе с коррупцией и организованной преступностью // Журнал правовых и экономических исследований. — 2010. — № 3. — С. 5–8.

5. Дронов Р. В. Перспективы развития деятельности ФСБ России в области нейтрализации коррупционной угрозы // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2010. № 2. С. 4–8.
6. Таибова О. Ю. Управление в сфере государственной безопасности в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. — 2019. — № 2. — С. 90–96. (с94)
7. Генеральной прокуратурой Российской Федерации проанализировано состояние коррупционной преступности по итогам 2019 года. — Текст: электронный // Генеральная прокуратура Российской Федерации: [сайт]. — URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1817130/> (дата обращения: 10.11.2020).
8. Коррупция в России: мониторинг. — Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korrupciya-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 15.11.2020).
9. Россияне определились с моралью. Топ-5 аморальных поступков. — Текст: электронный // ВЦИОМ: [сайт]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-opredelilis-s-moralju-top-5-amoralnykh-postupkov> (дата обращения: 14.11.2020).

Эффективные механизмы защиты конституционных прав несовершеннолетних органами прокуратуры РФ

Седых Екатерина Алексеевна, студент магистратуры
Московский университет имени С. Ю. Витте

Актуальность исследования определяется конституционно закрепленным приоритетом детей в государственной политике и низкой эффективностью защиты прав несовершеннолетних. В данной статье рассматриваются правоотношения, возникающие при защите конституционных прав несовершеннолетних органами прокуратуры РФ. Проанализирована нормативно-правая база в исследуемой области. Перечислены основные механизмы защиты прав несовершеннолетних, применяемые органами прокуратуры РФ. Оценена эффективность средств прокурорского реагирования. По результатам исследования, были выдвинуты проблемы исследуемой теме и предложения по их решению.

Ключевые слова: конституционные права, несовершеннолетние, прокуратура РФ, защита прав несовершеннолетних.

В настоящее время в Российской Федерации конституционно закреплен приоритет детей в государственной политике. РФ в статье 38 Конституции РФ установлено, что материнство, детство и семья находятся под защитой государства. Пунктом 2 статьи 7 гарантируется государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [1]. Именно дети, в силу своего возраста, физической или умственной незрелости, нуждаются в надежной правовой защите со стороны государства в лице его уполномоченных органов.

Объявленное Указом Президента РФ от 29.05.2017 N240 [3] Десятилетие детства подтверждает актуальность и важность исследования правоотношений в сфере защиты конституционных прав несовершеннолетних.

Говоря о правах несовершеннолетних, необходимо отметить, что отдельно они не закреплены в Основном Законе Российской Федерации, а отождествляются с правовым статусом личности, установленным главой 2 Конституции РФ. Это позволяет нам предположить, что законодатель тем самым обеспечивает гарантию равной защиты прав любого человека, независимо от возрастных признаков. Однако, В. И. Абрамов подчеркивает, что ребенок — существо специфическое и в политическом, и в материальном, и в процессуальном плане, поэтому нужен специальный механизм правового закрепления и регулирования его прав [6, с.81].

В современной России законодательно обеспечены основные субъективные права несовершеннолетних: на жизнь,

охрану здоровья и медицинскую помощь, защиту чести и достоинства, социальное обеспечение, образование, жилище и т.д.

Однако, исходя из статистических данных за 2018 год, представленных Генеральной прокуратурой РФ, внушительная часть правонарушений в сфере соблюдения прав и интересов детей, совершены теми, кто формально определен законодателем создавать условия для реализации этих прав, а также защищать их (образовательными учреждениями, органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, органами публичной власти субъектов и муниципалитетов). Как утверждает Дегтярева Л. Н., это обусловлено декларативностью ювенального законодательства и низкой степенью эффективности правовой защиты детей [5, с. 4]. Авторскую позицию по этому вопросу высказывает в своей статье «Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи как приоритетное направление надзорной деятельности современной российской прокуратуры» Г. Н. Королев: «В какой-то мере такое положение является следствием того, что органы государственной власти и управления, на которые законом возложены обязанности по созданию нормальных условий воспитания и обучения несовершеннолетних, охране их прав и интересов, должным образом не выполняют установленные законом обязанности» [7, с. 294]. Таким образом, во многих случаях прокуратура РФ как надзорный орган обладает исключительным правом на защиту конституционных прав несовершеннолетних.

Рассматривая реализацию полномочий прокурора по судебной и внесудебной защите конституционных прав несовершеннолетних, необходимо опираться на Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», Семейный кодекс РФ, нормативно-правовые акты Генеральной прокуратуры РФ. В существующем законодательстве за прокурором закреплены следующие механизмы защиты прав детей:

- возможность предъявления в суд, орган опеки и попечительства заявления с требованием о восстановлении (признании) нарушенного (оспоренного) права ребенка (ст. 21 ФЗ «О прокуратуре РФ»);
- возможность предъявления иска о лишении, ограничении родительских прав, об отмене усыновления (ст. 70, 73, 142 СК РФ);
- обязательное участие прокурора в рассмотрении судом определенных категорий дел о защите прав ребенка (ст. 35 ФЗ «О прокуратуре РФ»; ст.ст. 72, 73, 125, 140 СК РФ);
- предостережение о недопустимости нарушения прав ребенка в дальнейшем (ст. 24 ФЗ «О прокуратуре РФ»);
- представление об устранении нарушений закона (ст. 25.1 ФЗ «О прокуратуре РФ»);
- протесты на акты других административных органов, имеющих прямое отношение к защите прав детей (ст. 23 ФЗ «О прокуратуре РФ»).

В соответствии с приказом Генеральной прокуратуры РФ «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» на сотрудников надзорного ведомства возложены полномочия по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних практически во всех сферах жизнедеятельности, это образование, здравоохранение, уголовная сфера и ряд других. В частности, согласно статистике по состоянию законности в сфере соблюдения прав несовершеннолетних на октябрь 2020 года всего было выявлено 573 465 нарушений (АППГ 579805, —1,1%), из них по 55 871 нарушению прокурорами были внесены соответствующие протесты (АППГ 52 440, +6,5%), по 137 134 нарушениям — представления (АППГ 129 856, +5,6%). Несмотря на некоторый спад совершаемых правонарушений, данная тема все же остается весьма актуальной, поскольку число нарушений продолжает оставаться высоким.

Основанием для внесения акта прокурорского реагирования является правонарушение, выявленное в ходе прокурорской проверки, зачастую инициированной благодаря обращению гражданина (или его законного представителя), чьи права были ущемлены. Однако, статья 21 федерального закона «О прокуратуре РФ» предписывает прокурорам не подменять контролирующие органы, назначенные законодателем осуществлять прямой надзор в определенной сфере правоотношений. Соответственно, прокуратура правомерно начнет осуществлять проверочные мероприятия после принятого решения специального контролирующего органа или по факту его бездействия в установленные законом сроки.

Так, например, Прокуратура г. Горно-Алтайска Республики Алтай провела проверку по обращению матери ребенка о необоснованном отказе в назначении ежемесячной выплаты на ребенка. Проверкой установлено, что местная жительница обратилась в казенное учреждение Республики Алтай «Управление

социальной поддержки населения города Горно-Алтайска» с заявлением о получении ежемесячной денежной выплаты на ребенка в возрасте от 3 до 7 лет. Чиновники приняли решение об отказе в назначении выплаты из-за неправильного расчета среднедушевого размера дохода семьи. Прокурор внес представление директору учреждения, по результатам рассмотрения которого женщине назначена социальная выплата с даты возникновения права на ее получение. Денежные средства перечислены матери ребенка. Виновное должностное лицо привлечено к дисциплинарной ответственности.

Так же распространенным средством прокурорского реагирования на данном участке является предъявление исков: об обязании органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации обеспечить детей инвалидов лекарственными препаратами; об обязании Фонда социального страхования Российской Федерации предоставить путевку на санаторно-курортное лечение ребенка; об обязании медицинской организации получить лицензию на осуществление медицинской деятельности; об обеспечении ребенка-инвалида техническими средствами реабилитации; о возмещении вреда здоровью, причиненного ребенку-инвалиду, и компенсации морального вреда; об обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к административным, жилым, общественным, производственным зданиям, учреждениям культуры, спорта, местам отдыха и другим учреждениям; об оборудовании автобусов специальными приспособлениями и устройствами для беспрепятственного пользования детьми-инвалидами и др.

Еще один эффективный механизм защиты конституционных прав несовершеннолетних — это законодательная инициатива органов прокуратуры РФ. Зачастую акты прокурорского реагирования и иски — это предметные действия в защиту конкретных граждан. Тогда как правотворческая деятельность затрагивает интересы неопределенного круга лиц.

В качестве примера, в Республике Алтай по законодательной инициативе прокурора принят закон о дополнительной социальной поддержке детей, воспитываемых в семьях опекунов (попечителей). Прокурор Республики Алтай в порядке законодательной инициативы направил Главе Республики Алтай, Председателю Правительства Республики Алтай законопроект, предусматривающий увеличение размера денежных выплат на содержание детей в семьях опекунов (попечителей) и приемных семьях. Правительство Республики Алтай поддержало законодательную инициативу прокурора. Глава Республики Алтай внес в Государственное Собрание — Эл Курултай Республики Алтай проект закона. Депутаты представительного органа законодательную инициативу прокурора республики единогласно поддержали. В Законе о республиканском бюджете на 2021 г. и плановый период 2022–2023 гг. предусмотрены расходы на социальную поддержку семей в регионе на сумму более 50 млн рублей.

Таким образом, можно утверждать о наличии различных алгоритмов защиты конституционных прав детей органами прокуратуры РФ. Однако, эти механизмы — это реакция надзорного ведомства на правонарушения, достаточно часто совершаемые в отношении несовершеннолетних органами, организациями и должностными лицами, наделенными зако-

нодателем правом обеспечивать права детей. Возможно, усиление ответственности лиц, отвечающих за обеспечение прав ребенка или вопросов, касающихся их защиты, то есть устра-

нение формалистского подхода должностных лиц и организаций в целом поможет в решении проблем защиты материнства и детства.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N6-ФКЗ, от 30.12.2008 N7-ФКЗ, от 05.02.2014 N2-ФКЗ, от 01.07.2020 N11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 01.07.2020, N31, ст. 4398.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N2202-1 (ред. от 09.11.2020) «О прокуратуре Российской Федерации». — Текст: электронный // consultant.ru: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (дата обращения: 18.12.2020).
3. Указ Президента РФ от 29.05.2017 N240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрание законодательства РФ, 05.06.2017, N23, ст. 3309
4. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 ноября 2007 г. № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» // Законность, 2008, № 2
5. Дегтярева, Л. Н. Теоретико-правовые основы защиты конституционных прав и свобод несовершеннолетних в России: монография. М-во образования и науки РФ, ЦФ РГУП / Л. Н. Дегтярева. — Тамбов: ООО «Консалтинговая компания Юком», 2017. — 78 с. — Текст: непосредственный.
6. Абрамов, В. И. Правовая политика современного Российского государства в области защиты прав детей / В. И. Абрамов. — Текст: непосредственный // Государство и право. — 2007. — № 8. — С. 79–84.
7. Королев, Г. Н. Прокурорский надзор за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи как приоритетное направление надзорной деятельности современной российской прокуратуры / Г. Н. Королев. — Текст: непосредственный // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Социально-правовая защита детства как приоритетное направление современной государственной политики». — Чебоксары: Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2018. — С. 291–297.

Основные различия публичных и непубличных акционерных обществ

Сиркина Ангелина Вячеславовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются отличительные черты публичных и непубличных акционерных обществ, а также нормативно-правовые акты, регулирующие их.

Ключевые слова: публичные акционерные общества, непубличные акционерные общества, акции, реестр акционеров, отчуждение акций, отчетность.

До 1 сентября 2014 года в Российской Федерации существовало несколько больше форм предпринимательской деятельности (ООО, ОАО, ЗАО), однако, после внесения поправок в Гражданский кодекс, в соответствии с Федеральным законом № 99-ФЗ от 05.05.2014 [1], они прекратили свое существование и были введены другие формы, а именно:

— ПАО (Публичное акционерное общество) — это акционерное общество, акции которого находятся в открытом доступе и приобрести их может любой желающий

— АО (Непубличное акционерное общество) — это акционерное общество, акции которого распределяются между учредителями организации.

В данной статье мы рассмотрим основные различия (табл. 1).

По способу размещения акций основное различие, что в ПАО ценные бумаги и акции размещаются путем открытой подписки с возможностью приобретения их третьими лицами.

В АО же ценные бумаги и акции размещаются путем закрытой подписки и их невозможно приобрести третьим лицам.

В письме ЦБ РФ от 18 августа 2014 г. [2] указано, что данные признаки представляют собой события, продолжительность которых ограничена (публичное размещение) или может быть прекращено по разным причинам (публичное распространение). Если компания соответствует установленным критериям, но была основана до вступления в силу Закона № 99-ФЗ, она будет признана публичной независимо от того, что указано в ее названии. Также важно отметить, что непубличное АО имеет право вносить в Единый государственный реестр юридических лиц информацию о том, что компания является публичной. ПАО может размещать акции по открытой подписке с момента внесения информации о наименовании компании, отражающей ее публичный характер, в единый реестр юридических лиц государства. Центральный банк также реко-

Таблица 1. Различия АО и ПАО

	АО	ПАО
Число акционеров	Не более 50	Неограниченно
Уставной капитал	Не менее стократной суммы МРОТ	Не менее тысячекратной суммы МРОТ
Способ размещения акций	Обращаются публично	Обращаются не публично
Ведение реестра акционеров	Обязаны предоставить	Не обязаны
Перераспределение акций	Среди учредителей	Третьим лицам
Отчуждение акций	Нельзя предусматривать	Можно предусмотреть
Публикация отчетности	Не обязательна	Обязательна

мендовал компаниям, которые соответствуют критериям ПАО и чьи ценные бумаги находятся в процессе размещения, раскрыть информацию о соответствии характеристикам ПАО.

В то же время указание на публичность от имени компании приводит к тому, что к этой компании применяются положения законодательства об акционерных обществах, даже если компания в настоящее время не является публичной.

С 1 октября 2014 года ведение реестра акционеров передано профессиональным регистраторам (Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ) [3]. Однако ПАО обязаны вести реестр акционеров независимо от любой организации, имеющей юридическую лицензию. В случае непубличных акционерных обществ обязательного требования независимости регистратора нет.

Что касается утверждения протокола, следует отметить, что состав присутствующих участников общества и принятые решения подтверждаются:

- регистратор (лицо, ведущее реестр акционеров общества и выполняющее функции счетной комиссии) — для ПАО;
- регистратор или нотариус — для негосударственных корпораций.

В Уставе Центрального Банка РФ указано, что регистратор подтверждает решение и состав акционеров, выполняя обязанности счетной комиссии, установленной п. 4 ст. 56 Закона № 208-ФЗ [4].

Различия между АО и ПАО заключаются в том, что акционеры публичных корпораций не обязаны соглашаться с кем-либо на продажу акций компании, которой они владеют. Если

это непубличная форма АО, закон может налагать определенные ограничения. В ПАО не может быть никаких ограничений на количество акций, которыми может владеть акционер. Невозможно ограничить количество ценных бумаг, которыми может обладать конкретный акционер, или установить номинальную стоимость акций. НАО имеет право вводить определенные ограничения, которые должны быть указаны в уставе компании.

АО или ПАО обязано вести реестр акционеров, в частности, компания должна иметь договор с компанией, уполномоченной вести учет. Такая организация должна иметь соответствующую лицензию. АО также вправе привлечь уполномоченное лицо для ведения реестра акционеров. Однако такое обязательство может быть возложено и на нотариуса.

АО не обязаны публиковать свою годовую финансовую отчетность. Публичным АО повезло меньше, им приходится публиковать регулярные (годовые) отчеты о своей финансово-хозяйственной деятельности на собственном официальном сайте. Сначала необходимо пройти аудит.

На сегодняшний день не все предприниматели привели организационно-правовую форму своей компании в соответствие с действующими нормативными актами, поскольку в этом отношении нет сроков. Однако это должны сделать все компании, не исправившие свои правоустанавливающие документы. Кроме того, необходимо будет провести только общее собрание, скорректировать юридический фонд и заключить соглашение с будущим регистратором.

Литература:

1. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»
2. Письмо ЦБ РФ от 18 августа 2014 г. N06-52/6680
3. Федеральный закон от 02.07.2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. Федеральный закон от 26.12.1995 N208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах»

Правовые особенности покупок на всемирных онлайн-площадках

Сиркина Ангелина Вячеславовна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье рассматриваются достоинства и недостатки покупок в интернет-магазинах, а также нормативно-правовые акты, регулирующие их.

Ключевые слова: права и ответственность, дистанционная продажа, договор купли-продажи, идентификация, персональные данные, электронная подпись.

Сегодня можно смело утверждать, что человечество вышло на качественно новый уровень развития: производится глобализация информационного общества. Еще несколько лет назад, чтобы встретиться и поговорить с родственниками или друзьями, находящимися в другой стране или на другом континенте, нужно было покупать билеты, проводить много времени в дороге. Сейчас же достаточно взять в руки телефон и позвонить по видеосвязи. То же самое касается и покупок. В связи с массовой вовлеченностью людей в Интернет, все большее их количество производят покупки в онлайн-магазинах. Рассмотрим основные достоинства и недостатки онлайн-сделок.

Достоинства: огромный ассортимент, выгодная стоимость товара (вследствие экономии продавца на аренде торговых площадок), а также безналичная оплата посредством банковских карт или электронных кошельков.

Недостатки: только после доставки покупатель сможет сопоставить товар, который у него есть и товар, изображенный на фотографии в магазине, а также выявить все недостатки покупаемого товара, и зачастую нарушаются права, указанные в законе «О защите прав потребителей» [1].

«Продажа товаров дистанционным способом — продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или с использованием сетей почтовой связи, сетей электросвязи, в том числе информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также сетей связи для трансляции телеканалов и (или) радиоканалов, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора». [2]

Также недостатком является и то, что при совершении онлайн-сделки не заключается договор купли-продажи, в некоторых магазинах достаточно пройти регистрацию, а достоверность информации о продавце и покупаемом товаре остается под вопросом.

Третьим недостатком является возврат товара, купленный на онлайн-площадках, условия возврата, как для продавца, так и для покупателя. Основные критерии возврата и получения денежных средств:

- Товар куплен на данной площадке
- Ненадлежащего качества, не соответствует представленному на фотографии или видео
- Заказ не был получен по вине продавца

Для возврата средств в онлайн-магазине, нужно создать «спор», в течение суток с момента получения товара с приложением доказательств ненадлежащего вида товара (–ов). Только после рассмотрения спора принимается решение о возврате денежных средств полностью или же частично.

И четвертым недостатком является сложность идентификации участников отношений в сети.

Интернет обеспечивает доступ к информационным ресурсам, которые доступны под псевдонимом или анонимно. «Анонимность» поведения в Интернете является причиной трудности идентификации субъектов: субъект может назвать свое имя (псевдоним), но трудно проверить их подлинность и понять, действительно ли действия были выполнены одним и тем же лицом.

Статья 19 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — Гражданский кодекс Российской Федерации) устанавливает право и обязанность использовать, как правило, имя своего гражданина в гражданско-правовых отношениях, оговаривает, что гражданин имеет права и обязанности по собственному усмотрению. В случаях и в порядке, предусмотренных законом, вы можете использовать псевдоним. Закон называет электронную подпись юридическим случаем использования псевдонима в электронных документах, в котором фактические паспортные данные пользователя используются вместе с псевдонимом. Существенным моментом в транзакциях купли-продажи через Интернет является то, что для того, чтобы быть действительными, необязательно однозначно идентифицировать стороны договора. Во время выполнения договора купли-продажи стороны все же каким-то образом идентифицируют себя: либо через адрес электронной почты, либо псевдоним в коммуникационных программах, либо путем регистрации на сайте продавца. Идентификация не всегда должна происходить по имени. Например, при розничных продажах предполагается, что контрагент — это любой, кто может представить документ, подтверждающий уплату покупной цены. Таким образом, сложность идентификации стороны транзакции связана не с проблемой определения того, кто находится «на другом конце линии», а с проблемой незаконного использования чужого идентификатора.

Опасность данных сделок может быть заключена в недобросовестности продавца, вследствие чего покупатель может потерять денежные средства или не получить товар. Поэтому целесообразным является внесение дополнений для всех интернет-площадок, в том числе и международных:

1. Выдача документа, подтверждающую оплату (электронный чек).

2. Для купли-продажи дорогого товара должен быть заключен договор с электронной подписью обеих сторон, так как сделка является действительной, если она заключена в той форме, которая требуется законодательством, прежде всего Гражданским кодексом. Иначе говоря, если не соблюдена обязательная письменная форма, сделка может быть признана недействительной и не имеющей правовых последствий.

3. А также, особая защита персональных данных (в том числе банковских реквизитов).

Литература:

1. «Закон о защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 08.12.2020)
2. Постановление правительства РФ от 27.09.2007 № 612 (ред. От 16.05.2020) «Об утверждении правил продажи товаров дистанционным способом»
3. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 23.06.2016) «Об электронной подписи»
4. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

Итак, в данной статье мы рассмотрели достоинства и недостатки покупок на всемирных онлайн-площадках, особенности договора купли-продажи на них. Данный вид покупок, несомненно, удобен, экономит время и деньги каждого из нас и внесение поправок в Законодательство РФ приведет к надежности использования международных онлайн-платформ и в долгосрочной перспективе поспособствует мировому процессу глобализации.

Права и обязанности сторон по договору поставки

Скрипова Елена Владиславовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается содержание правоотношения, возникающего в результате заключения договора поставки в российском гражданском праве.

Ключевые слова: права, обязанности, договор поставки, покупатель, поставщик, момент исполнения, срок.

Права и обязанности субъектов правоотношения — это содержание этого правоотношения, данный факт постулируется в общей теории права. Права и обязанности сторон договора поставки являются содержанием правоотношения, которое возникает после подписания данного договора [4]. В данной статье предлагается остановиться несколько подробнее на некоторых правах и обязанностях участников договорных отношений по поставке товаров.

Необходимо отметить основные права и обязанности поставщика:

- право требовать полной и своевременной оплаты поставленной продукции — основное право поставщика товара;
- поставка продукции контрагенту обусловленного договором и законом качества, не нарушая при этом договорных сроков — основная обязанность поставщика продукции.

Гражданское законодательство в целях развития предпринимательской деятельности позволяет внести пункты в договор поставки, определяющие возможность отсрочки или рассрочки оплаты товара. С другой стороны, законодательством предусмотрена возможность внесения поставщиком в договор максимально приемлемых для него способов, гарантирующих исполнение покупателем обязательств по оплате продукции. Гражданский кодекс предоставляет большие возможности в данном направлении. Статья 329 ГК РФ предусматривает

такие способы как неустойку, поручительство, независимую гарантию, страхование от невыплаты.

Отгрузка (передача) продукции по договору либо контрагенту по договору, либо указанным в договоре третьим лицам называется поставкой товара. Отгрузка продукции конкретным лицам производится согласно отгрузочным разнарядкам, существование которых предусматривается договором и дает право покупателю осуществлять распоряжения поставщику по порядку отгрузки. Отгрузочная разнарядка определяет перечень лиц, которым покупателем по договору обозначено получение товара. Договор поставки регламентирует все основные положения отгрузочной разнарядки. Также в договоре поставки необходимо прописать срок передачи отгрузочной разнарядки от покупателя к поставщику (ст. 509 ГК РФ). Договор поставки может не содержать положений об отгрузочной разнарядке. В данной ситуации законодательство предусматривает конкретный срок предоставления отгрузочной разнарядки покупателем поставщику, который не может быть меньше 30 дней до начала поставки продукции.

Выполнение обязанностей поставщиком в порядке встречного требования происходит если в договоре поставки имеются положения об отгрузочных разнарядках покупателю по поставке продукции. Нежелательные последствия возникают в случае пропуском покупателем сроков предоставления по-

ставщику отгрузочной разнарядки. В данном случае действующее законодательство предоставляет поставщику возможность остановить процесс отгрузки продукции, а то и вовсе расторгнуть договор поставки (Постановление Арбитражного суда Кировской области от 18 апреля 2017 г. по делу № А28–1263/2017; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12 февраля 2015 г. N Ф04–14255/14 по делу N А70–5561/2014).

Договором поставки определяются два вида определения сроков поставки. Может быть указаны либо конкретное число, месяц, год, либо временной период, который не выходит за сроки действия самого договора. Гражданское законодательство в статье 508 ГК РФ [1] предоставляет возможность вести предпринимательскую деятельность в случае отсутствия сроков в договоре поставки. Согласно положениям данной статьи поставщик вправе самостоятельно определять партии товара и сроки их поставки. Например, поставки товара может производиться один раз в месяц равными частями. Экономическая деятельность придерживается следующей классификации периодов:

- декадные;
- месячные;
- квартальные и др.

Отрезки времени, в течение которых осуществляется поставка продукции, согласно положений договора поставки, являющиеся одинаковыми по продолжительности называются периодом поставки продукции, которая согласно договора разбивается на оговоренные части.

В реальной жизни имеет место быть недопоставка товаров по договору поставки. Порядок допоставки товаров является существенной частью договорного процесса. Недопоставка товара в каком-либо периоде вызывает обязательство поставщика доставить необходимый по договору объем товарной массы в последующий временной отрезок. Недопоставка товара должна быть произведена в период действия договора поставки. Законодательством предусмотрена возможность осуществить допоставку вне рамок действующего договора если это напрямую предусмотрено самим договором. Также возможен иной договорный процесс доставки недопоставленного товара, а именно, в последний месяц действия договора поставки. Выплата неустойки за просроченную поставку продукции или за поставку товара не в полном объеме производится поставщиком до момента фактического исполнения обязательства. Данное правило установлено в статье 521 ГК РФ [1] и является диспозитивной нормой. Иной порядок выплаты неустойки может быть установлен законом или договором (Решение арбитражного суда Самарской области от 5 июня 2020 г. по делу № А55–7215/2020; Решение Арбитражного суда Сахалинской области от 25 июня 2020 г. по делу № А59–127/2020).

Покупатель или получатель обязаны осуществлять качественную и количественную проверку продукции, поставленную по договору поставки (ст. 513 ГК РФ). Договором поставки устанавливается порядок приемки товаров получателем при доставке продукции. Также договором прописываются конкретные сроки извещения поставщика о претензиях покупателя к товару. Возможен договорный порядок уведомления поставщика.

Обязанности поставщика по договору поставки продукции в ассортименте, который прописан в договоре, и с выполнением требований качественных и количественных показателей, регламентируются действующим законодательством и имеют некоторые нюансы с общими положениями договора купли-продажи.

Пунктом 3 статьи 511 ГК РФ [1] предусмотрено право покупателя на отказ от принятия продукции при просрочке ее поставки. Ввиду диспозитивности данного положения отказ покупателя возможен, если иные варианты не предусмотрены договором. Покупатель может отказаться от принятия товара при нарушении сроков его поставки только в случае уведомления поставщика об отказе. В случае отсутствия уведомления об отказе в принятии товара имеется законодательная обязанность покупателя принятия и оплаты товара (Постановление Арбитражного суда Самарской области от 18 июня 2020 г. по делу № А55–24904/2018).

Только периоды поставки продукции, предусмотренные договором поставки, дают возможность для отказа покупателем от просроченной поставки, такой вывод напрашивается из анализа ст. 511 ГК РФ. Хотя судебная практика предоставляет нам примеры возможности аналогичных действий покупателя и при единовременной поставке (Постановления АС Северо-Кавказского округа от 15.01.2015 N Ф08–8814/14, ФАС Московского округа от 10.02.2014 N Ф05–17777/13). В случае отказа покупателем от принятия товара по основаниям, предусмотренным в ст. 511 ГК РФ, последствия аналогичны как при отказе покупателя от исполнения договора поставки. С другой стороны, законодательство сохраняет права и обязанности сторон по поставке и принятию товара следующих партий, если они предусмотрены в договоре поставки, даже в случае отказа покупателя от определенной просроченной партии (Постановления ФАС Волго-Вятского округа от 20.03.2012 N Ф01–762/12, Шестого ААС от 19.12.2012 N06АП–5254/12).

Нарушение качества и комплектности поставки по договору регулируются специальными правилами. Поставщик, который получил от покупателя извещение об изъянах в качестве или количестве поставленного товара имеет следующие варианты действий, чтобы не получить отрицательных последствий, вызванных ст. 475 и 480 ГК РФ [1]:

- имеется возможность заменить партию товара;
- имеется возможность довести количественный состав до предусмотренного договором.

Выполненное с соблюдением правил уведомление покупателем поставщика о поставке некачественного и (или) не в полном объеме поставленного товара, с приведением доказательств несоответствия товара договорным условиям, дает возможность покупателю реализовать нормы, заложенные в п. 1 ст. 519 ГК РФ [1]. Факт должного оформления уведомления может подтверждаться документами, подтверждающими факт отправки и получения уведомления правомочным представителем поставщика по адресу, который указан в ЕГРЮЛ (п. 3 ст. 54, ст. 165.1 ГК РФ). Не является фактом направления уведомления поставщику переписка по электронной почте (постановление АС Северо-Западного округа от 19.02.2016 N Ф07–1885/15).

Законодательно закреплено (п. 2 ст. 456 ГК РФ), что при поставке продукции продавцом он передает покупателю принадлежности товара, которые предусмотрены действующим законодательством, договором или иными нормативно-правовыми актами. К таким принадлежностям товара могут относиться следующие документы: инструкция по эксплуатации, технический паспорт, сертификат качества, и пр. Договором поставки могут быть определены к передаче документы, имеющие отношение к товару и имеющие отношение к таможенному оформлению, бухгалтерской отчетности, налоговой отчетности и т.п. Как пример таких документов можно привести счета-фактуры, накладные, копии грузовых таможенных деклараций и другие необходимые хозяйствующим субъектам документы. Законом не ограничивается перечень документов для передачи с товаром, стороны сами определяют необходимую сопроводительную документацию в договоре [3].

Статья 464 ГК РФ позволяет покупателю осуществить отказ от поставленного товара, в случае если необходимые к нему документы, предусмотренные договором, не будут доставлены в разумный срок. Данная законодательная норма и коррелирующие с ней пункты договора служат для защиты интересов покупателя.

Договор должен содержать перечень документов, которые относятся к товару, иные документы, необходимые для ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности покупателя. Также договор должен содержать сроки и время поставки документации покупателя. Выполнение вышеназванных условий служит условием надлежащего согласования документооборота. С другой стороны, п. 2 ст. 456 ГК РФ запрещает покупателю требовать документы, которые не предусмотрены действующим законодательством и договором. Таким образом,

во избежание проблем необходимо тщательно согласовывать условие о документах в договоре.

Статья 516 ГК РФ осуществляет защиту прав поставщика в части оплаты поставленного товара, а именно: покупатель не освобождается от обязательств по оплате поставленного товара, который получил получатель, но безосновательно его не оплачивает в оговоренные сторонами договора сроки.

Статья 481 ГК РФ обязывает поставщика передать упакованный или затаренный товар. Исключение составляет группа товаров по своей природе не требующие затаривания. Отгрузка товара в контейнерах позволяет не применять его затаривания и (или) упаковки [2].

Из вышеприведенного анализа прав и обязанностей контрагентов по договору поставки можно сделать вывод, что доскональная проработка всех пунктов договора поставки при его заключении позволяет создать хорошую защиту прав как покупателя, так и поставщика товара. Неотъемлемой задачей разработки договора поставки является детализация прав и обязанностей контрагентов, где учтены все особенности поставляемого товара. В договор необходимо заложить положения о справедливой для обеих сторон договорной неустойки. Предусмотреть подсудность с учетом удобства для покупателя. Разработать действующие процедуры уведомления контрагентов по договору. При выполнении всех вышеназванных условий и соблюдения установленного гражданским законодательством принципа равенства сторон договора правоотношения в области поставки товаров, регулируемые договорами, права контрагентов и субъектов предпринимательской деятельности будут соблюдаться и защищаться соответствующими органами с большим эффектом.

Литература:

5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. — 1996. — 06 февраля. — № 23.
6. Лоханова А. А. Проблемы регулирования отношений по договору поставки // Теория и практика современной юридической науки: материалы VII всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 211.
7. Тарасенко В. В. Права и обязанности поставщика по договору поставки // Вестник магистратуры. — 2017. — № 12–3 (75). — С. 149–150.
8. Шмелев Р. В. Институт договора поставки в современном российском гражданском праве // Аграрное и земельное право. — 2018. — № 8 (164). — С. 110–112.

Особенности объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта

Смирнова Людмила Николаевна, кандидат юридических наук, доцент;
Тошматова Наргиза Нумоновна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

Анализируются признаки объективной стороны убийства, совершенного в состоянии аффекта. С учетом уголовного закона, научных воззрений, судебной практики рассматриваются признаки, имеющие доказательственное значение относительно наличия состояния аффекта. Определяется содержание причинной связи, устанавливается значение способа, орудий и средств совершения преступления при квалификации деяния по ст. 107 УК РФ.

Ключевые слова: квалификация, преступление, убийство, аффект, объективная сторона, деяние, причинная связь.

Объективная сторона преступления — это совокупность внешних элементов и их признаков, характеризующих общественно опасное поведение индивида в реальной действительности.

Выделение в едином поведении человека внешней и внутренней стороны носит условный характер, но это помогает понять природу человеческих поступков. Объективную сторону преступления образует именно внешняя сторона преступного поведения человека и она, являясь актом поведения человека, характеризуется рядом признаков: обязательных (деяние, преступные последствия и причинная связь между деянием и последствием) и факультативных (место, время, обстановка, способ, орудия и средства совершения преступления) [1, с. 114]. В контексте состава преступления, предусмотренного ст. 107 УК РФ, указанные признаки приобретают особое значение.

Стоит отметить, что объективная сторона убийства состоит в лишении жизни другого человека. По общему правилу, такое деяние может выражаться как в активных действиях, так и бездействии. Но применительно к убийству, совершенному в состоянии аффекта, имеется особенность — данное деяние, по мнению большинства ученых, может быть совершено только посредством активных действий. Это связано с тем, что зародившемуся и мгновенно прогрессирующему аффекту всегда необходима разрядка, и он находит ее в действиях, состоянии покоя во всех проявлениях аффекта исключается [2, с. 58].

Но имеется и иная точка зрения. Так, по мнению А. Н. Попова, возможна ситуация, когда в ответ на неправомерное поведение потерпевшего у виновного возникает состояние аффекта и он не выполняет то действие, которое обязан был выполнить. В качестве примера автор приводит ситуацию, когда электрик получает от бригадира указание о скорейшем отключении сети от питания, высказанное в оскорбительной форме. Вместо выполнения указания он, будучи в состоянии аффекта, убегает, не обесточив сеть, безразлично относясь к возможным последствиям своих действий. В этот момент бригадир задевает контактную линию и погибает [3, с. 101].

Более близкой представляется первая точка зрения. Связано это в том числе и с тем, что активные действия виновного в момент совершения преступления приобретают доказательственное значение относительно наличия состояния аффекта.

Так, по мнению Б. В. Сидорова, к признакам, имеющим доказательственное значение относительно наличия состояния аффекта, можно отнести отсутствие успокоения, выражающееся в сильных, стремительных и порывистых, непрерывно продолжающихся, автоматизированных движениях, носящих выраженный характер и непосредственно связанных с намерением причинить какой-то физический вред потерпевшему [4, с. 8].

Следующим признаком объективной стороны преступления являются общественно опасные последствия. Поскольку состав преступления, предусмотренный ст. 107 УК РФ, относится к категории материальных, постольку общественно опасные последствия преступного деяния являются обязательным признаком объективной стороны.

Общественно опасные последствия представляют собой причиненные действием (бездействием) лица вредные изменения в охраняемых уголовным законом объектах [5, с. 133]. Общественная опасность убийства в конечном счете заключается именно в причиненном вреде — смерти потерпевшего. Наступление смерти — обязательный признак объективной стороны убийства.

Момент смерти непосредственно связан с моментом окончания жизни.

Так, законодателем в ст. 66 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 N323-ФЗ определено: «Моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека) [6]. Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех его функций, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких. Биологическая смерть человека устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений».

Современные достижения медицины показывают, что моментом завершения жизни человека является биологическая смерть вследствие того, что в коре головного мозга происходят необратимые процессы (распад белковых тел) и прекращается функционирование центральной нервной системы. Следствием этих процессов становится невозможность восстановления жизнедеятельности организма. В таких случаях констатируется наступление биологической смерти человека, означающей одновременно конец его жизни. Точкой такого отсчета выступает момент фиксации смерти головного мозга, то есть состояние необратимой гибели организма как целого [7, с. 23].

Следующим обязательным признаком объективной стороны является причинная связь между действием виновного и наступившей смертью потерпевшего. Под причинной связью понимает такое развитие событий, вызванное общественно-опасным действием или бездействием, которое привело к преступному результату и которое происходило без присоединения других человеческих поступков [8, с. 38].

С. В. Бородин отмечает, что причинная связь должна являться объективной, существующей вне зависимости от нашего сознания связью, в силу которой действие (бездействие) порождает и обуславливает возникновение последствия. Ее отсутствие либо исключает полностью уголовную ответственность за лишение жизни, либо влечет иную квалификацию деяния [9, с. 73].

Но кроме этого для убийства, совершенного в состоянии аффекта, характерна следующая особенность. Помимо наличия причинной связи между действием виновного и наступившей смертью потерпевшего также необходимо, чтобы действия виновного находились и в причинной связи с предшествующими действием или бездействием потерпевшего, и с состоянием аффекта.

Т. е., как верно отметил Тухбатуллин Р. Р., доказыванию подлежат причинно-следственные связи двух порядков. Во-

первых, что аффективная реакция и совершенные на ее основе действия были причинно обусловлены отрицательными действиями потерпевшего, указанных в диспозиции ст. 107 УК РФ. Во-вторых, что инкриминируемые последствия (смерть потерпевшего) находились в причинной связи именно с аффективными действиями виновного, а не совершены в ином эмоциональном состоянии (стресса, фрустрации и т.д.) [10, с. 30].

Обращая внимание на способ, орудия и средства совершения преступления, необходимо отметить следующее.

Достаточно широкий круг исследователей отмечают, что для лица, совершающего убийство в состоянии аффекта, характерен выбор случайных орудий и средств совершения преступления. По мнению Б.В. Сидорова, виновный хватает предметы, которые «попадают ему под руку», если таковых нет, задействует свои руки и ноги, наносит множественные беспорядочные удары в различные части тела потерпевшего. «Виновный, — отмечает автор, — готов задушить обидчика голыми руками» [4, с. 81].

Также Р.Р. Тухбатуллин полагает, что орудия совершения данного преступления специально виновным не приспособляются, используются в основном предметы бытового назначения, попавшие под руку [10, с. 31].

Такие выводы подтверждаются и данными судебной практики. Так, согласно обстоятельствам уголовного дела по обвинению У. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ, между ней и ее супругом возникла ссора на почве злоупотребления им спиртными напитками. Также потерпевший ранее и в процессе ссоры оскорблял У. грубой нецензурной бранью, угрожал убийством, своим поведением вызвал у виновной состояние аффекта. У. нанесла ему не менее 58-ми ударов рабочей частью лопаты [11].

Данный пример одновременно иллюстрирует и способ совершения убийства в состоянии аффекта. Представляется возможной неправильная квалификация убийства, совершенного в состоянии аффекта, как убийства с особой жестокостью. Это связано с характером совершаемых виновным действий под влиянием аффекта. Как следует из вышеприведенного примера, убийство совершается нанесением большого числа ран, причем, беспорядочно и в различные части тела. Виновный не в полной мере контролирует действия и может нанести большое количество повреждений. Он может, в том числе, причинить смерть потерпевшему в присутствии его близких, что подтверждается и данными судебной практики.

Так, согласно обстоятельствам уголовного дела по обвинению М. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 107 УК РФ, между ним и сыном его супруги возникла ссора на почве систематического аморального поведения потерпевшего, вызванного употреблением последним спиртных напитков и наркотических средств, а также угроз в адрес супруги виновного. Данными действиями было вызвано состояние аффекта у М., и он нанес ножом множественные удары по лицу, шее и грудной клетке потерпевшего в присутствии его матери, супруги М. [12].

Также значение имеет и время совершения преступления. В контексте исследуемого состава преступления вызывает интерес вопрос о возможности разрыва во времени между мо-

ментом возникновения состояния аффекта и непосредственными действиями виновного, направленными на реализацию умысла. Внезапность возникновения состояния аффекта состоит в том, что оно возникает немедленно как реакция на насилие и издевательства, тяжкое оскорбление, иные противоправные или аморальные действия потерпевшего. Поэтому необходимо отсутствие длительного временного разрыва между действиями потерпевшего и возникшим аффектом [9, с. 225]. По мнению Б.В. Сидорова, допустимый промежуток во времени должен служить показателем и быть следствием нормального развития аффективного процесса после внешнего воздействия. Действия виновного должны быть «непосредственно», «как бы в ответ» на действия потерпевшего [4, с. 49–50].

Как полагает О.Д. Ситковская, однозначное для всех случаев определение конкретного промежутка времени между поводом и ответной реакцией не представляется возможным. Решение вопроса о внезапности в каждом конкретном случае должно опираться на всестороннее изучение всех имеющихся обстоятельств; учитывается и временной промежуток между моментом возникновения аффекта и совершения преступления [13, с. 91–92]. Данное суждение представляется справедливым, поскольку аффект обладает ситуативным характером, и рассматривать его следует с учетом всех обстоятельств имеющегося дела. В этой связи представляется верной точка зрения, согласно которой разрыв во времени между моментом возникновения аффекта и моментом убийства возможен, но при непременном условии сохранения в этот период аффективного состояния [10, с. 31].

Относительно обстановки и места совершения преступления стоит отметить, что в доктрине уголовного права исследователи не выделяют каких-либо специфических моментов при рассмотрении данных категорий. Однако это не исключает того, что они имеют доказательственное значение и изучаются наряду с другими обстоятельствами, в том числе и для установления наличия состояния аффекта у виновного на момент совершения преступления.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Убийство в состоянии аффекта может быть совершено только посредством активных действий, имеющих такие признаки, как отсутствие успокоения, выражающееся в сильных, стремительных, непрерывно продолжающихся движениях, носящих выраженный характер и непосредственно связанных с намерением причинить какой-то физический вред потерпевшему. Наличие общественно опасного последствия в виде наступления смерти — обязательный признак объективной стороны убийства. Также необходимо, чтобы действия виновного находились и в причинной связи и были обусловлены отрицательными действиями (бездействием) потерпевшего, указанных в диспозиции ст. 107 УК РФ, а инкриминируемые последствия находились в причинной связи именно с аффективными действиями виновного. При убийстве, совершенном в состоянии аффекта, характерен выбор случайных орудий и средств совершения преступления; оно совершается, как правило, нанесением большого числа ран. При этом разрыв во времени между моментом возникновения аффекта и моментом убийства возможен, но при непременном условии сохранения в этот период

аффективного состояния. Все признаки объективной стороны имеют доказательственное значение и изучаются в том числе для установления наличия состояния аффекта у виновного на момент совершения преступления.

Литература:

1. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Сундукова Ф. Р., Тарханова И. А. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Статут, 2016. — 864 с.
2. Сысоева, Т. В. Субъективные признаки убийства, совершенного в состоянии аффекта / Т. В. Сысоева // Вестник ТюмГУ. — Тюмень: Изд-во ТГУ, 2003. — № 3. — С. 56–63.
3. Попов, А. Н. Преступление, совершенное в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ) / Попов А. Н. — С.-Пб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ. — 2004. — 132 с.
4. Сидоров, Б. В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение / Б. В. Сидоров. — Казань: Изд-во Казанского университета, 1978. — 160 с.
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, И. М. Тяжковой, Н. Е. Крыловой. — М.: Статут, 2012. — 879 с.
6. Федеральный закон от 21.11.2011 N323-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2020).
7. Романовский, Г. Б. Право на жизнь. Монография / Г. Б. Романовский. — Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 2002. — 167 с.
8. Кудрявцев, В. Н. К вопросу о причинной связи в уголовном праве / В. Н. Кудрявцев // Советское государство и право. — М., 1950. — № 1. — С. 37–44.
9. Бородин, С. В. Преступления против жизни / С. В. Бородин. — С.-Пб.: Издательство Юридический центр Пресс, 2003. — 467 с.
10. Тухбатуллин, Р. Р. Особенности объективной стороны составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 107 и 113 УК РФ / Р. Р. Тухбатуллин // Российский следователь. — М.: Юрист, 2005. — № 3. — С. 29–33.
11. Приговор Междуреченского городского суда Кемеровской области от 21.09.2012 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).
12. Приговор Ворошиловского районного суда г. Ростова-на-Дону от 24.01.2018 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 20.11.2020).
13. Ситковская, О. Д. Аффект: криминально-психологическое исследование / О. Д. Ситковская. — М.: Юрлитинформ, 2001. — 240 с.

Правовой режим земель и земельных участков

Старовойтова Анастасия Юрьевна, студент
Сибирский юридический университет (г. Омск)

Понятие «правовой режим земель» является одной из основных правовых категорий российского земельного права, широко используемое в земельном и других отраслях законодательства в качестве общего понятия, позволяющего выделить особенности правового регулирования использования и охраны земель РФ в целом и отдельных их разновидностей. Определение содержания «правовой режим земельных участков» является важным, поскольку законодатель постоянно им оперирует, но не раскрывает содержательного смысла.

На наш взгляд, понятие правового режима земель и земельных участков является комплексным. Содержание правового режима земель определяется ст. 42 Земельного кодекса Российской Федерации (далее — ЗК РФ), которая устанавливает обязанность пользователей земельных участков использовать их, во-первых, в соответствии с целевым назначением, во-вторых, не причинять вред окружающей среде [1]. Согласно п. 2 ст. 7 ЗК РФ, правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного

использования в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Между тем, действие данной нормы не может быть распространено на все категории земель. Например, Д. В. Козлов считает, что разрешенное использование, определяемое путем территориального зонирования, устанавливается главным образом в отношении земель поселений (населенных пунктов) [2]. Соответственно, данное положение нельзя применить в отношении всех категорий земель и использовать его как общее.

Также принцип определение правового режима земель, закрепленные в ст. 7 ЗК РФ устанавливает не все способы, с помощью которых определяется правовой режим земельного участка. В ст. 7 ЗК РФ выделены такие способы как зонирование, разрешенное использование и деление на территории. Однако законодатель в данной статье не учел такие правовые средства как установление сервитута и ограничения прав на

землю. К таким ограничениям относятся, например, ограничения использования земельных участков в зонах с особыми условиями использования территорий.

О. И. Крассов сформировал определение правового режима всех земель с учетом особенностей, которые не учтены в ст. 7 ЗК РФ. По мнению О. И. Крассова: «Правовой режим земель (всех земель, отдельных категорий и их видов) представляет собой определение в законодательстве содержания права собственности, иных прав на земельные участки, управления использованием и охраной земель, мер по охране земель, посредством установления основного целевого назначения земель, территориального зонирования, ограничения прав, публичных сервитутов и установления разрешенного использования» [3].

В настоящее время земельные участки обладают тремя видами оборотоспособности. Земельные участки могут быть полностью оборотоспособными, ограниченно оборотоспособными и изъятыми из оборота. Степень оборотоспособности земельного участка регулируется ст. 27 ЗК РФ.

Правовой режим земель носит исключительно публично-правовой характер, в отличие от правового режима земельных участков, который имеет частноправовой характер. Публичная составляющая распространяется на все земли без исключения, однако частная составляющая правового режима действует только в отношении земельных участков, то есть частноправовой режим применяется только к тем объектам, которые прошли процедуру кадастрового учета с установлением определенных границ.

Следует отметить то, что поскольку земельные участки входят в состав земельного фонда Российской Федерации, то на них распространяется и частная и публичная составляющие правового режима.

Регулирование правового режима регулируется не только земельным, но и гражданским законодательством. В соответствии с п. 1 ст. 129 ГК РФ, земля и земельные участки, являясь объектами гражданских прав, могут свободно отчуждаться или переходить от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства или иным не запрещенным законом способом. Особенность земельных участков, земли и иных природных ресурсов состоит в том, что они могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах (п. 3 ст. 129 ГК РФ) [4].

Составными частями земельного участка являются природные объекты и ресурсы. В соответствии с п. 2 ст. 261 ГК РФ, «если иное не установлено законом, право собственности на земельный участок распространяется на находящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и во-

дные объекты, находящиеся на нем растения». Кроме того, п. 3 ст. 261 ГК РФ определен правовой режим и иных объектов, включая природные, в части того, что «собственник земельного участка вправе использовать по своему усмотрению все, что находится над и под поверхностью этого участка, если иное не предусмотрено законами о недрах, об использовании воздушного пространства, иными законами и не нарушает прав других лиц».

Целевое назначение, разрешенное использование и требования законодательства по использованию и охране земель и земельных участков являются основными и неотъемлемыми элементами правового режима земельных участков, имеющими постоянный характер.

Но правовой режим земельного участка определяется также и наличием специальных правовых режимов, устанавливаемых в публичных целях, — зон с особыми условиями использования, публичных сервитутов и др., предусматривающих дополнительные по отношению к общему правовому режиму ограничения прав в виде запретов на совершение определенных видов деятельности или дополнительных обязанностей по совершению каких-либо действий; обременений земельных участков, вводимых в частных интересах, — частных сервитутов, аренды, залога и т.д.

В качестве специфического элемента правового режима земельных участков можно назвать требования земельного законодательства к образованию новых земельных участков, содержащиеся в ст. 11.9 ЗК РФ, установление предельных (максимальных и минимальных) размеров земельных участков, которые не должны нарушаться при совершении сделок с земельными участками.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что к элементам правового режима земельных участков и земель можно отнести: категорию земель, разрешенное использование земельного участка, общие и специальные требования земельного и других отраслей законодательства по использованию и охране земель и земельных участков, ограничения прав на земельный участок, обременения земельного участка в пользу частных лиц.

По нашему мнению, статью ст. 7 ЗК РФ необходимо дополнить способами, в соответствии с которыми определяется правовой режим земельного участка, а именно, установление сервитута и ограничение прав на землю.

Пункт 2 ст. 7 ЗК РФ требует конкретизации относительно тех категорий земель, к которым он применим. Также назрела необходимость в законодательной дефиниции понятий «правовой режим земель» и «правовой режим земельного участка» в целях недопустимости правовой неопределенности в области правового регулирования.

Литература:

1. Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ. Доступ СПС «Консультант Плюс»
2. Козлов Д. В. Совокупный (комплексный) правовой режим земельных участков: монография. — 2012 г. Доступ СПС «Гарант»
3. Крассов О. И. Земельное право: учебник. М., 2004. С. 38.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. Доступ СПС «Консультант Плюс»

История развития понятия «недееспособность» в отечественном гражданском праве

Сугурова Эльвира Харматулловна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье рассматривается история развития понятия «недееспособность» в отечественном гражданском праве.

Ключевые слова: недееспособность, душевнобольной, психическое расстройство.

Появление института государства повлекло за собой возникновение таких юридических институтов как гражданство, права и обязанности гражданина, право собственности гражданина. Для полного анализа вышеперечисленных институтов возникла необходимость в решении вопроса недееспособности. В случае, если гражданин теряет способность осознавать значение своих поступков и управлять ими, по причине имеющегося у него психического расстройства, то к данный гражданин лишается дееспособности (ст. 29 ГК РФ).

Процесс развития правоохранительной практики идет параллельно со становлением культуры общества, формированием представления народных масс о психических нормах. Таким же образом происходит постепенное построение критериев недееспособности гражданина в законодательных актах, а именно в ГК РФ. Недееспособность граждан выделилась в обособленные нормы ГК РФ в процессе развития общественного строя. Сформировались основания и признаки определения недееспособности гражданина. Важную роль в формировании юридического понятия недееспособности сыграло развитие медицинской науки в области психиатрии. С другой стороны, не стоит забывать о том, что развитие общества не остановилось и совершенствование института недееспособности не закончено.

Экономическая ситуация, общественный менталитет, преобладающая в обществе идеология, философские идеи и политика власти в данный исторический момент, оказывает огромное влияние на жизнь членов этого общества с ослабленным интеллектом и психическими отклонениями от установленной нормы. Опыт прошлых поколений, сопровождавшийся великими деяниями и трагическими ошибками заложил фундамент развития наук современного права и психиатрии.

Римское право является своеобразной точкой отсчета для исчисления истории юридической науки. Психически нездоровые люди со времен Древнего Рима занимали немалую нишу в цивилистических вопросах. Относительное принятие факта психического нездоровья отдельных граждан началось с времени правления Нумы Помпилия.

Взаимоотношения с людьми психическими и умственными отклонениями регулируются в правовых документах с VIII — VII веков до н.э. Люди, лишённые разума, получали необходимую заботу и уход в Римской империи на основании действующего закона «12 таблиц» [2, с. 283]. Доказательством терпимости к людям с психическими и интеллектуальными отклонениями в период «сытой» жизни общества является «скапывание» Римской империи в эпоху заката, сопровождавшейся уничтожением семейных ценностей. Умственно отсталые члены общества, дети-инвалиды предоставлялись сами себе, лишались ухода и заботы, в иных случаях даже уничтожались.

Понятие «психического расстройства» являлось главенствующим в римском праве. «Психическое расстройство» являлось основанием для оспаривания определенной гражданской сделки. Только судебное решение являлось основанием для признания недееспособности лица, которая, в свою очередь, применялась только к расточителям. К другим людям с психическими расстройствами, основание в виде судебного решения для признания их недееспособными не применялось. Факт их болезни, который подлежал доказыванию и мог быть оспорен, являлся основанием для признания их недееспособными, и не являлся препятствием законности совершенных гражданских сделок.

Особенно удручающей стала правовая ситуация для лиц, подверженным психическим отклонениям, в период средневековья. Римское право выбрало правовое направление на освобождение от юридической ответственности «слабоумных» и «сумасшедших» (трактровка психического расстройства в римском праве). Средневековая Европа практически полностью закрывает данное направление развития юридической науки [1, с. 156].

В первоначальный период становления государственности и права не имелось достоверной информации о различии правового аспекта последствия психических и телесных заболеваний. Более того, в период средневековья, достаточно сильно ограничивалась как дееспособность, так и правоспособность физически ограниченных людей, а именно: низкорослых, с отсутствием конечностей, слепых, глухих, пожилых лиц. Причиной того являлось превалирующее значение физической силы человека для проживания и возможности нести государственные обязанности.

Лишь к XVII–XVIII вв. появляются два способа поддержки людей, имеющих психические расстройства — оказание медицинской помощи и некоторая социальная опека. Гуманизм в отношении психически нездоровых лиц отсутствовал. Дома опеки и приюты — это максимальная социальная поддержка недееспособных лиц. Данные заведения организовывались для бедных граждан, которые попадали туда из-за физических или психических недугов, а также по причине старости. Заболевания лечились характерными для своего времени и достатка гражданина средствами.

Современный научный подход в областях юриспруденции и медицинской науки начал формироваться в конце XIX в. Данный период примечателен тем, что в это время произошли научные описания (последовательные и научно-обоснованные) основных психических состояний. А. Бейль выделил прогрессивный паралич в отдельное заболевание; Э. Крепелин и Е. Блейлер определили и классифицировали такое психиче-

ское расстройство как шизофрения; С. С. Корсаков ввел диагноз маниакально депрессивный психоз [4, с. 22]. Принимаются юридические положения в законодательство о необходимости принимать во внимание мнение пациента о его принудительной госпитализации для принятия решение судебными органами.

Правоспособность и дееспособность (за некоторыми ограничениями, вызываемыми болезнями, которые вызывают крайние состояния сознания, отрицающими возможность осознанного подхода к совершению юридических сделок) не имеет связи с физической силой и способностью к государственной службе по теории гражданского права, которое разграничено с публичным. Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что согласно гражданскому праву физические отклонения не имеют влияния на дееспособность граждан.

В истории Российского государства не наблюдается преследований душевнобольных людей, которые происходили в Европе. Душевнобольные люди, а также самые социально незащищенные слои населения, а именно: больные проказой, слепые, нищие, находили приют и заботу в православных монастырях, ставших первыми учреждениями опеки.

Правление Петра I было отмечено внесением достаточно прогрессивных норм в области института дееспособности. Справедливости ради нужно сказать, что процедура введения в правовые нормы понятия дееспособности и правовых норм регулирования данного института было обусловлено не решением социальных задач по защите нуждающихся людей, а являлось ответом на действия дворян по уклонению от государственной службы. Ссылка на «слабоумие» стало поводом для отказа отправки родителями своих детей на учебу за границу. Причем, согласно действующим правилам и законам, данное действие не имело никаких юридических последствий для молодого дворянина. Уклонившись таким образом от государственной службы они не ограничивались в матримониальном праве, праве наследования и праве распоряжения имуществом.

После принятия поправок в законодательство Петром I при признании человека недееспособным гражданин получал ограничение в гражданских правах и по государственной службе. Конкретные ограничения коснулись права наследования и возможности связывать себя узами брака. С другой стороны, слабоумные сохраняли некоторые права, которые не позволяли не попасть им в финансовую кабалу. Лишение имущества было невозможно в отношении женатых граждан, имеющих детей. Судебное решение о признании гражданина «безумным» влекло за собой включение механизма опеки над душевнобольным. Место работы сроком один год сохранялось за государственными служащими, который проходил лечение в медицинском учреждении. На период излечения в медицинском учреждении за государственным человеком закреплялась выплата заработной платы. Период болезни включался в срок исчисления выслуги лет для выхода на пенсию.

Институт дееспособности в послепетровское время получает все большее развитие и более серьезное внимание науки гражданского права. Каждая конкретная сделка требовала установления наличия или отсутствия душевной болезни как основания, препятствовавшего заключению данной сделки. Опреде-

ленный порядок признания недееспособности существовал для подтверждения наличия заболевания у лица для признания недействительности всех совершенных этим лицом сделок. Имел место административный порядок освидетельствования лица на наличие признаков душевной болезни или слабоумия. Врачебное отделение губернского правления проводило освидетельствование гражданина по запросу родственников, опекунов, наследников или попечителей. Врачебное отделение губернского правления составляло протокол с вопросами и ответами и на основании этого протокола выносило заключение о наличии психического заболевания. Протокол отправлялся в департамент Сената. Недееспособность гражданина наступала с момента положительного вердикта Сената. Недостатком такой процедуры, по мнению Г. Ф. Шершеневича, является достаточно большое время ее проведения, что являлось серьезной угрозой для имущества обследуемого гражданина, а также находились под вопросом проводимые им гражданско-правовые сделки [5, с. 130]. Исходя из вышеперечисленных рисков сложилось правило признания недееспособности на основании заключения о душевной болезни врачебным отделением губернского правления.

Административному порядку признания недееспособности гражданина было достаточно заключения о душевной болезни врачебным отделением губернского правления. Советское законодательство частично переняло процедуру определения недееспособности гражданина в административном порядке. С развитием психиатрического направления медицинской науки, которая научилась определять степени тяжести заболеваний относительно юридической науки, появилась возможность помощи увеличивающемуся числу людей с психическими расстройствами, у которых наблюдается эпизодичность и незначительность расстройств, данные расстройства поддаются терапевтической коррекции [3, с. 12].

Видные отечественные психиатры такие как В. Х. Кандинский, С. С. Корсаков и В. П. Сербский стали основоположниками научной дефиниции недееспособности граждан. Основу научного фундамента под понятие недееспособности гражданина заложил В. П. Сербский, который практически не претерпел изменений до наших дней. По мнению В. П. Сербского, основой признания гражданина недееспособным служит не любое психическое заболевание. Определенная черта, являющаяся мерилем степени тяжести душевного заболевания, может служить «маяком» для признания недееспособности. Дееспособность гражданина подвергается воздействию со стороны не всех психических расстройств. Название расстройства не всегда является необходимым и достаточным доказательством недееспособности (хотя, в отношении прогрессивного паралича это утверждение имеет место быть), важно наблюдение за глубиной поражения болезненными процессами возможности мышления и контроля своего поведения обследуемым гражданином.

Гражданскому праву молодой советской власти была присуща двойственность в определении недееспособности гражданина. Последствия от психического заболевания или слабоумия разделялись на два фактора: неспособность к здравому ведению правовых отношений; неразумное отношение к иму-

ществу, выраженное в расточительстве и, как следствие, утрате принадлежащего гражданину имущества. Расточитель не лишился дееспособности, а был в ней ограничен. Он мог работать и зарабатывать себе средства на жизнь, сделки совершались им с согласия опекунов, он нес ответственность за причиненный им вред третьим лицам.

Современный ГК РФ не имеет в своем тексте определений «душевнобольной» и «психическое заболевание» (ст. 29 ГК РФ). Современное российское законодательство использует понятие «лица, страдающие психическими расстройствами». Данное понятие является объединяющим для лиц, которым необходимы психиатрические исследования. Законодатель данным понятием включил в общую группу следующих лиц: больных с психосоматическими отклонениями; страдающих пограничными нервно-психическими срывами и непосредственно психиатрических пациентов.

Статья 29 ГК РФ устанавливает судебный порядок установления недееспособности гражданина. Статья 22 ГК РФ определяет ничтожность сделок, направленных на ограничение дееспособности, и подчеркивает лишь законодательное основание для возможности ограничения дееспособности. Статья 14 СК РФ видит препятствием для заключения брака не само психическое расстройство, а установленную судом недееспособность.

Таким образом, институт недееспособности в Российской Федерации развивался несколько медленным образом в сравнении со странами западного мира. Гражданско-правовое положение недееспособных формировалось на протяжении нескольких столетий. Огромное и решающее значение в развитии института недееспособности внесли такие научные направления психиатрии как непосредственно сама психиатрия, судебная и судебно-медицинская. В настоящее время охрана и защита прав психически нездоровых лиц осуществляется в несколько уровней, а именно: установлен судебный порядок признания недееспособности; судебно-психиатрическая экспертиза является основным доказательством в суде; контроль за процессом осуществляет надзорный орган в виде прокуратуры; в обязательном порядке участвуют в процессе органы опеки и попечительства

Литература:

1. Бахмутов А. В. Развитие подходов к определению категории «Недееспособность» в российском гражданском праве // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. — 2008. — № 14 (54). — С. 155–159.
2. Дождев Д. В. Римское частное право. — М.: Норма, 2008. — 685 с.
3. Дмитриева Т. Б. Альянс права и милосердия: О проблеме защиты прав человека в психиатрии. — М., 2001. — 154 с.
4. Психически больной и гражданский закон / Б. Н. Алмазов, Л. М. Звягинцева, Л. Я. Иванова, И. В. Решетникова. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1992. — 94 с.
5. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Издательство Юрайт, 2016. — 532 с.

Понятие и значение срока исковой давности

Тихонова Анна Витальевна, студент магистратуры

Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Красногорск, Московская обл.)

В статье рассматривается сущность исковой давности. В исследовании было обращено внимание на значение закрепления исковой давности в качестве института гражданского права. На основании анализа мнения ученых предлагается понятие исковой давности.

Ключевые слова: исковая давность, срок, требование, защита прав и законных интересов.

Вопросы, возникающие при защите прав и законных интересов субъектов, всегда вызывали интерес ученых. Однако, несмотря на это, многие вопросы остались не решены и до настоящего времени. Вопросы, связанные с защитой гражданских прав и законных интересов, являются актуальными как для отраслей материального, так и процессуального права.

Каждая из таких отраслей права предусматривает и определённые способы их защиты, а наиболее общие выражены в гражданском праве, а именно, в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту ГК РФ) [1]. Способ защиты гражданских прав — это категория материального (регулятивного) права.

Значение сроков в гражданском праве состоит в том, что с помощью сроков происходит упорядочивание оборота, а также сроки способствуют выполнению отдельных обязательств. Кроме того, в качестве значения сроков можно назвать то, что законодатель для защиты нарушенного права устанавливает определенные сроки.

Исковая давность выступает в качестве одного из центральных институтов гражданского права, значимость которого состоит в определении временных рамок защиты нарушенного субъективного права. Возможность применения исковой давности к отношениям, которые регламентированы различными отраслями права, а также правовая природа срока

исковой давности представляют особый интерес для теории гражданского права.

В настоящее время институт исковой давности широко используется практически во всех правовых системах мира. В зависимости от правовой системы исковая давность может выступать как в качестве института материального права, так и в качестве процессуального права.

Так, например, в российской правовой системе, которая относится к числу континентальных, исковая давность выступает институтом гражданского материального права. В системе англосаксонского права институт исковой давности рассматривается в качестве процессуального права.

Вопросы, касающиеся института исковой давности, всегда привлекали большое внимание ученых юристов-практиков. В настоящее время данные вопросы также вызывают большой теоретический и практический интерес.

Перед непосредственным рассмотрением вопросов исковой давности, стоит рассмотреть возможные цели введения в законодательство данного правового института. В законодательстве Российской Федерации, как и в законодательстве других стран, данный вопрос не имел подробного освещения. Возникновение данного института может быть вызвано следующими причинами.

В первую очередь, происходит затруднение установления истины, так как длительный срок рассмотрения дела может привести к ухудшению физического состояния документов, выступающих доказательствами по делу, стирание информации из памяти свидетелей. Также, наличие данного положения позволяет опровергать презумпцию невиновности достаточно длительное время, что ограничивается сроком исковой давности и как следствие предоставляет истцу дополнительную защиту нарушенных прав. В данном случае можно говорить о том, что истечение срока исковой давности, говорит о гарантии незыблемости судебного решения.

Третьей причиной выступает тот факт, что применение такого срока позволяет придать устойчивость и определенность тем отношениям, которые складываются в процессе гражданского оборота. Данная цель находит свое подтверждение в основных началах и смысле гражданского законодательства. Однако, необходимо уточнить, что средства, используемые для достижения данной цели, не должны нарушать основополагающий принцип гражданского законодательства — свобода рассмотрения при осуществлении гражданских прав.

Цели исковой давности при разных подходах отличаются. Целью исковой давности при материальном подходе является восстановление нарушенного права, а при процессуальном — разрешение спора.

Вопросы о правовой природе исковой давности являются дискуссионными уже длительное время. И. Б. Новицкий определял правовую природу исковой давности как юридический факт, который порождает юридические последствия. В своих исследованиях он отмечал, что не обращение к суду, несмотря на нарушение прав управомоченного лица влечет за собой утрату права на иск [6, с. 127].

О. С. Иоффе предлагал рассматривать исковую давность в качестве времени, после истечения которого возможность

принудительного осуществления права путем подачи иска погашается. Такое определение было широко распространено в советской цивилистике [7, с. 18].

С позицией О. С. Иоффе не соглашался Е. А. Крашенинников, который писал о том, что «дефиниция опирается на традиционное воззрение, которое приписывает регулятивным субъективным гражданским правам способность быть реализованными юрисдикционным органом помимо и против воли нарушителя» [5, с. 28].

В защиту позиции О. С. Иоффе можно высказать то, что такая позиция была сформирована исходя из позиции законодателя, которым было сформулировано определение исковой давности в Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 года. Данное определение отличается от определения существующего в действующем ГК РФ.

ГК РФ дает следующее определение исследуемому понятию: исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Современное определение исковой давности, данное законодателем также подвергается критике ученых [3, с. 323]. Сторонником позиции лаконичного определения, данного законодателем является Ю. К. Толстой, который указывал, что такое определение уже выдержало испытание временем.

Ученым, который внес весомый вклад в формировании представления о современном понятии исковой давности, был М. И. Брагинский. М. И. Брагинским отмечается, что под сроком исковой давности следует понимать срок, который гарантируется государством для защиты нарушенного права, через принуждение к исполнению, совершению действий обязанного лица-должника. Далее ученым говорит о том, что именно в период до истечения срока исковой давности возможна судебная защита права [2, с. 258].

Кроме того, следует отметить, что в теории гражданского права существуют исследования, в которых не только критикуется существующее определение исковой давности, но и предлагается внесение изменений в действующее законодательство в части уточнения определения исковой давности.

Одно из таких предложений связано с тем, что законодатель необоснованно сузил круг лиц, которые могут обратиться за судебной защитой, указав только лицо, чье право нарушено. Так, П. А. Ильичев пишет о том, что, исходя из такого определения, законодатель ограничивает права лиц, которые не имеют материально-правовой заинтересованности [4, с. 37].

В качестве примера он приводит случаи обращения в суд в интересах третьих лиц и предлагает дополнить п. 1 ст. 195 ГК РФ «и иного уполномоченного в соответствии с Федеральным законом лица».

С указанным предложением следует согласиться, так как данное понятие более точно отражает сущность исковой давности и субъектов, которые управомочены на обращение за судебной защитой.

Стимулирование граждан к реализации прав является главной задачей исковой давности. Сроки исковой давности устанавливаются на основании ГК РФ, и в случае их пропуска, принудительную защиту нарушенного права истца в суде осу-

щество будет гораздо сложнее, поскольку суд вправе отказать в иске (ст. 199 ГК РФ) с обоснованием решения утратой истца возможности судебной защиты.

Перед тем, как подавать иск в суд, неважно, это исковое заявление о взыскании долга, о наследовании имущества или иные виды гражданско-правовой ответственности, в первую очередь необходимо установить, не пропущен ли срок исковой давности по данному гражданскому делу.

По общим правилам, истец вправе требовать защиты или восстановления своих прав в течение 3 лет с момента выявления оснований иска. Такой срок сокращен для защиты трудовых прав (подробнее, заявление о восстановлении срока по трудовым правам), по искам о признании сделки недействительной и т.п. Ссылаться на пропуск срока исковой давности может только ответчик.

Установив в ГК РФ институт исковой давности, законодатель определил, что она распространяет свое действие на все требования гражданско-правового характера. Согласно позиции Конституционного Суда Российской Федерации, законодатель имеет право вводить исключения из общего правила о применении исковой давности, если необходимость таких изъятий определяется природой и социальной значимостью сложившихся в обществе правоотношений [8].

Так, на некоторые случаи срок исковой давности не распространяется совсем: личные неимущественные права — товарный знак, фирму, честь и достоинство; требования вкладчиков на выдачу вкладов; обращения иждивенцев за выплатами в связи с потерей кормильца. Этот список неисчерпывающий, законодательство все время регулирует как сроки исковой давности, так и дополняет бессрочные требования. Не следует путать сроки исковой давности с претензионными, пресекательными и приобретательными сроками.

Претензионный срок устанавливается для урегулирования спора между участниками гражданских правоотношений, и он входит в срок исковой давности.

Приобретательный срок давности регулирует отношения, по которым гражданин получает право собственности на имущество. Например, на практике гражданин (организация), добросовестно владеющий недвижимым имуществом 15 лет или иным имуществом не менее 5 лет, получают на него права собственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание Законодательства РФ от 05.12.1994 г. — № 32. — Ст. 3301.
2. Брагинский, М. И. Исковая давность / М. И. Брагинский // Гражданский кодекс Российской Федерации: Комментарий. — М., 1995. — 450с. — Текст: непосредственный.
3. Гаппоев, С.Р., Джикаева, Ф. З. Проблемы практики применения сроков исковой давности / С. Р. Гаппоев, Ф. З. Джикаева // Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова. — Т. 3. — № 10. — 2017. — С. 322–326. — Текст: непосредственный.
4. Ильичев, П. А. Исковая давность. Проблемы теории и правоприменительной практики: специальность 12.00.03.: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Ильичев, П.А.; — Москва, 2014. — 171 с. — Текст: непосредственный.
5. Крашенинников, Е. А. Понятие и предмет исковой давности / Е. А. Крашенинников; М-во общ. и проф. образования РФ. Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль: ЯрГУ, 1997. — 85 с. — Текст: непосредственный.

Пресекательный срок предоставляется законом на защиту своих интересов. Его отличие от срока исковой в том, что по истечению пресекательного срока — право на защиту интересов пропадает. Пресекательный срок схож со сроком для предъявления претензий или сроком гарантийного обслуживания.

Говоря о признаках исковой давности можно выделить, в первую очередь, то, что этот термин применим лишь к субъектам правоотношений. Например, срок исковой давности не применим к процедурам оспаривания нормативных документов. Как не парадоксально, но исковая давность применяется только в случаях, если право гражданина в действительности нарушено, также, срок исковой судебной защиты ограничен, в случаях непредъявления иска в течение указанного срока, право на подачу иска погашается.

Итак, срок исковой давности относится к юридическим фактам в гражданском праве. В теории понятие и содержание исковой давности является дискуссионным. Ряд исследователей критикуют лаконичности законодателя и вносят предложения по совершенствованию действующего законодательства. ГК РФ под исковой давностью понимается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Основной задачей исковой давности является стимулирование граждан к реализации их прав.

Согласно нормам законодательства, исковая давность подразделяется на 2 основные группы: общие и специальные сроки. Общий срок исковой давности составляет три года. Специальные сроки указываются в отдельных статьях в ГК РФ и других нормативных актах. Анализ ГК РФ свидетельствует о том, что в данном законе имеется немало норм, регламентирующих применение сроков исковой давности. И, учитывая, что в законодательстве четко не определен круг правоотношений, для которых установлены сокращенные сроки исковой давности, есть все основания полагать, что их количество будет увеличиваться до тех пор, пока внимание законодателя не будет обращено на недопустимость бесконечного роста подобных норм, закрепленных в различных нормативных актах. Срок исковой давности имеет двойную структуру (субъективный и объективный элемент). Субъективным элементом выступает то, что с момента начала течения срока по общему правилу отсчитывается три года. Объективным элементом является ограничение течения указанного срока максимально допустимым пределом в 10 лет.

6. Романчук, С. В. Традиции и новации дефиниции «исковая давность» в гражданском праве Российской Федерации / С. В. Романчук // В сборнике: Московский юридический форум. VI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» — «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции» Редакционная коллегия: С. А. Соменков, Е. Б. Подузова, Д. О. Шнигер; Ответственный редактор: Л. Ю. Василевская. — 2014. — С. 123–130. — Текст: непосредственный.
7. Эрделевский, А. М. Исковая давность в гражданском праве России и Германии: сравнительно-правовой аспект [Текст] / А. М. Эрделевский // Экономика. Право. Общество. — 2015. — № 1 (1). — С. 17–20. — Текст: непосредственный.
8. Постановление Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]: от 20.07. 2011 г. N20-П — Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Право в условиях цифровой реальности

Усачёва Евгения Борисовна, студент;

Кирса Александр Сергеевич, студент

Научный руководитель: Кутепов Олег Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент
Калужский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Активное развитие компьютерных технологий, постоянный рост объёмов информации, широкое внедрение цифровых массивов в различные стороны общественной жизни, в компетентную деятельность субъектов правовых отношений, является важным фактором не только развития правовой системы, но и общественного развития в целом. В настоящее время право и цифровая реальность являются взаимодополняющими и взаимозависимыми понятиями. Целый ряд нормативно-правовых актов регулирует данную сферу. Право является не только средством и инструментом, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате чего оно меняет свои свойства, формы, структуру. Вниманию читателей предлагаются некоторые размышления о взаимовлиянии права и цифровых технологий друг на друга, оригинальные рабочие гипотезы, тенденции воздействия и развития цифровой реальности на современную государственно-правовую сферу жизни, постановки фундаментальных задач юридической науки в части закономерностей развития права в условиях новой цифровой реальности.

Ключевые слова: цифровая реальность, цифровая экономика, цифровые технологии, государственно-правовая сфера, государство, право, информация.

В современных условиях в нашем мире, где происходит колоссальный стремительный рост объёмов информации, возникает необходимость создания мощных компьютерных центров, искусственного интеллекта, основным назначением которых будет хранение, анализ, изучение методов и средств извлечения, представления и использования знаний в различных областях общественной жизни, в том числе и в государственно-правовой сфере. Тезис о цифровизации права становится очевидным как для рядовых граждан, так и для юристов, учёных. Научное сообщество должно решить ряд фундаментальных задач для обеспечения успешного развития права в условиях цифровой реальности, о чем будет позже сказано в статье.

Согласно Программе «цифровая экономика Российской Федерации» праву отводится очень важная (инструментальная) роль в развитии цифровой экономики. Нормативно-правовое регулирование необходимо для множества мероприятий, которые необходимо реализовать в целях «формирования новой регуляторной среды, обеспечивающей благоприятный правовой режим для возникновения и развития современных технологий, а также для осуществления экономической деятельности, связанной с их использованием (цифровой экономики)». В данном случае право выступает своеобразным средством цифровизации. Для достижения реализации данной программы надо применить такие юридические технологии, как правовой эксперимент, оценка регулирующего воздействия, правовой мониторинг.

Компьютерные, цифровые технологии способны оказывать существенное влияние на само право, на его возможность оказывать регулирующее воздействие на общественные отношения, эффективность государственно-правовой системы, открывать пути в новых измерениях социальной реальности.

В целях реализации вышеуказанной Программы и обеспечения успешного правового регулирования цифровой экономики возникает необходимость принятия большого числа нормативно-правовых актов которые, по сути, должны перенастроить право на решение определенных этим документом задач. Это коснется многих отраслей права, в том числе трудового, гражданского, уголовного, административных и иных.

Действует ряд общепризнанных и официально действующих международных договоров и нормативных правовых актов Российской Федерации, обеспечивающих «информатизацию» российского общества и развитие компьютерных технологий, правовые массивы в области «антикоррупционного законодательства», законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Изучение развития как отечественного законодательства, права, так и зарубежного выявляет своего рода «циклические правовые массивы», практическая значимость которых имеет несколько аспектов:

1) именно «циклические правовые массивы» будут основным драйвером и магистральным направлением интеграции и дифференциации права в эпоху цифровизации.

2) концепция «циклических правовых массивов» (в случае ее разработки и обоснования) способна сформировать новый подход в правоприменительных процессах (а, возможно, и в других формах реализации права), связанный с выбором и анализом правовой нормы, юридической квалификацией конкретного (в смысле — рассматриваемого) правоотношения, разрешением юридических коллизий и восполнением пробелов в праве.

Право в условиях цифровой реальности существенно меняется, возникают новые виды общественных отношений, которые раньше не затрагивались законодательством, но сейчас уже лежат в сфере правового регулирования:

1) субъектами таких правовых отношений становятся так называемые «цифровые», то есть виртуальные личности. Такое «лицо», по сути, образуют цифровые данные о реальном человеке, его виртуальном или «цифровом» образе, а также его IP-адресе к которому привязан компьютер, с помощью которого совершены какие-либо действия в виртуальном пространстве.

2) напрямую связанных с юридически значимой идентификацией человека в цифровом пространстве — также входят в настоящее время в область правового регулирования в целях обеспечения законных прав, свобод и интересов граждан

3) возникающих по причине реализации человеческих прав в виртуальном пространстве, в том числе и новых прав, например, право на доступ в Интернет.

4) связанных с активным внедрением в процесс правового регулирования общественных отношений робототехники. Здесь на повестку дня встает вопрос о правосубъектности как типичных (государство, физические лица, юридические лица), так и нетипичных (роботы, компьютерные механизмы)

5) и в связи с тем возникающих нетипичных объектов, финансовых и регулирующих компьютерных технологии, информации, криптовалюты

6) связанных с использованием оцифрованных информационных массивов — информационных баз данных

Анализ области правового регулирования показывает, что в настоящее время наблюдается тенденция к расширению ее

границ, возникновению планомерного процесса, связанного со всё большим вовлечением видов общественных отношений в данную сферу. Необходимость в правовом регулировании определенных видов общественных отношений как идеологическими, так и материальными условиями. В современном обществе усиливаются тенденции к укреплению самоуправленческих начал в управлении различными общностями и процессами, что особенно наблюдается в Интернете. У людей появляется желание выйти из под жесткого государственного контроля, начать осуществлять свои намерения и действия в виртуальном пространстве, тем самым сократить сферу правового регулирования общественных отношений, многие государства это воспринимают как угрозу.

Существенно меняется форма права в условиях виртуальной реальности. Давно уже электронные версии различных источников права, нормативно-правовых актов размещаются в «Гарант», «КонсультантПлюс», и в иных Интернет-источниках, которые сегодня обрели большую популярность как среди рядовых граждан, так и профессиональных юристов, которые пользуются данными информационными базами все чаще для разрешения определенных юридических дел.

Перед правовой наукой стоят серьезные фундаментальные задачи, сопряженные с осмыслением происходящих с правом трансформаций в условиях виртуальной реальности, в числе которых:

1) выявление способов влияния стремительного развития цифровой реальности на право

2) постановка и разработка проблемы виртуального и реального в праве, развитие методологии юридической науки

3) Прогнозирование возможных сценариев изменения роли цифровой экономики в государственно-правовой сфере.

4) создание концепции опережающего отражения в праве общественных отношений в сферах, связанных с использованием компьютерных технологий.

Таким образом, отметим, что новая цифровая реальность предъявляет новые требования как к праву, так к и юридической практике, касающиеся в том числе разработки рациональных инструментов и моделей правового регулирования разных областей общественной жизни. Задача юристов — придать этой реальности правовую форму.

Литература:

1. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.
2. Глазкова М. Е. Применение европейских стандартов отправления правосудия в российском арбитражном процессе: монография. М., 2012.
3. Горохов Д. Б., Глазкова М. Е. Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2008. № 4.
4. Горохов Д. Б., Спектор Е. И., Глазкова М. Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5.
5. Коррупция: природа, проявления, противодействие: монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2012.
6. Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Лазарев В. В. Избранные труды: в 3 т. Т. 1: Закон. Законность. Применение закона. М., 2010.
7. Хабриева, Т. Я. Право в условиях цифровой реальности / Т. Я. Хабриева. — Текст: электронный // [сайт]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-v-usloviyah-tsifrovoy-realnosti???history=46&pfid=1&sample=8&ref=0> (дата обращения: 19.12.2020).

Проблемы осуществления следователем Следственного комитета Российской Федерации допроса лиц, неоднократно судимых, в условиях следственного изолятора

Ушникова Виктория Павловна, студент;

Кравцов Дмитрий Александрович, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

В статье затрагиваются важные вопросы, связанные с осуществлением такого вида следственного действия (далее — СИЗО), как допрос лица, неоднократно судимого, в условиях следственного изолятора, приведены статистические данные относительно содержания лиц в следственных изоляторах на территории Российской Федерации. Рассмотрены основные тактические приемы допроса лиц, неоднократно отбывавших наказания, предложены решения по данному вопросу путем внесения поправок в действующие УИК РФ и УПК РФ, а также даны практические рекомендации к процедуре осуществления допроса лица, неоднократно судимого и содержащегося в следственном изоляторе.

Ключевые слова: следователь Следственного комитета Российской Федерации, допрос, лица, неоднократно судимые, следственный изолятор СИЗО.

Следователь Следственного комитета Российской Федерации, являясь ключевой фигурой в расследовании преступных деяний, особенно тесно взаимодействует с различными правоохранительными органами, в частности с органами Федеральной службой исполнения наказаний России. Осуществляя свою розыскную деятельность, следователь СК России нередко прибегает к осуществлению разнообразных следственных действий, особенно допроса, в условиях следственного изолятора. К следственным действиям могут привлекаться как лица, впервые попавшие в уголовно-исправительные учреждения России, так и неоднократно отбывавшие наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Особую сложность представляют рецидивисты, оказывающие определенное воздействие на процесс расследования. В частности, необходимо изучить тактику производства следственных действий, а именно допроса рецидивистов и лиц, неоднократно привлекавшихся к уголовной ответственности, имеющих статус подозреваемого или обвиняемого, находящихся в следственном изоляторе, поскольку данная категория представляет собой наиболее сложную группу лиц, с которыми взаимодействует следователь при производстве допроса. Такие лица особо хорошо знакомы со своими правами и обязанностями, имеют определенные знания о тактических приемах следователя. В совокупности все эти положения представляют некую сложность в осуществлении следователем розыскной деятельности.

Согласно ст. 8 Федерального закона от 15.07.1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», следственные изоляторы представляют собой учреждения уголовно-исполнительной системы, обладающие правами юридического лица, в которых содержатся подозреваемые и обвиняемые лица, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу [1].

Исходя из статистических сведений в России, стабильно уменьшается количество лиц, содержащихся в следственных изоляторах, помещениях, работающих на условиях СИЗО при колониях и тюрьмах. В начале 2000-х годов доля лиц, содержа-

щихся в следственных изоляторах, была равна 25,6%. На начало 2020 года количество лиц, находящихся в СИЗО, составило 19,0%. А в апреле 2020 года в СИЗО содержалось более 100 тыс. человек, что составило 20%.

В соответствии с п. 11 Приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» в целях эффективного расследования преступлений необходимо взаимодействовать с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в том числе и оперативными подразделениями ФСИН России [2].

Следователь и иные лица, участвующие в следственном действии, должны беспрепятственно проникать на территорию СИЗО, также по письменному указанию следователя должен быть обеспечен приход подозреваемого или обвиняемого лица в место осуществления допроса. Администрация следственного изолятора должна организовать все мероприятия, потому как от правильной организации зависит успех проведения допроса [3]. Столь значительным является тот факт, что следователь может получать информацию от сотрудников изолятора, которая не требует процессуального закрепления и не будет доказательством по уголовному делу, но поможет следователю правильно спланировать допрос. Следователь должен взаимодействовать и с сотрудниками СИЗО, и с самой администрацией СИЗО, так как это сотрудничество представляет собой важный элемент в процессе осуществления расследования.

В соответствии со ст. 18 действующего УК РФ рецидивом признается реализация лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, нового деяния, содержащего в себе все признаки преступления [4]. Принимая во внимание это положение, можно сделать вывод, что рецидивная деятельность причисляется к наиболее опасному виду делинквентного поведения человека. Исходя из общих положений о рецидивной деятельности, можно сделать вывод о том, что преступное поведение каждого рецидивиста является по своему исключительным и неповторимым, и именно поэтому

следователь в процессе расследования преступления должен особым образом изучить личность преступника, который находится перед ним. Ввиду того, что лицо уже содержалось в местах лишения свободы, то на его мировоззрение оказалось определенное воздействие благодаря существующей атмосфере в данных исправительных учреждениях.

Для категории рецидивистов наиболее характерен безнравственный образ жизни, преданность конкретным обычаям и наличие преступных связей. Умалчивая свою причастность в совершении расследуемого преступления, они используют в процессе осуществления допроса различные хитрости, в частности, оговоры, также отказываются давать показания. Осуществляя такого рода действия, создающих конфликтную ситуацию, эти лица пытаются поставить в неловкое положение следователя, ведущего расследование данного уголовного дела.

Главным и наиболее распространенным следственным действием является допрос. Регламентируется гл. 26 УПК РФ, а именно ст. 187–190 УПК РФ [5]. Допрос является следственным действием, урегулированным уголовно-процессуальным законодательством, преследующее цель получения известных допрашиваемому лицу фактов и обстоятельств совершения преступления. При допросе лиц, неоднократно судимых, как в условиях следственного изолятора, так и за пределами СИЗО, следователю необходимо получить всю достоверную информацию о совершенном преступном деянии. Перед самой процедурой допроса следователь должен осуществить ряд предшествующих действий, среди них необходимо отметить: определение определенного круга обстоятельств, которые следует выяснить у лица, выявление устойчивых данных о личности подозреваемого или обвиняемого, определение даты и места производства допроса, подготовка технических средств фиксации допроса, а также организация взаимодействия следователя с администрацией и сотрудниками следственного изолятора.

При подготовке к допросу следователем также должны быть проработаны архивные материалы уголовных дел конкретного лица, так как из них можно выявить определенные приемы обмана или утаивания лицом каких-либо обстоятельств дела [6, с. 89].

Допрос рецидивиста следует начинать сразу с существа дела, при этом необходимо предъявлять значимые доказательства [7, с. 136]. Именно благодаря вербальному общению с лицом, неоднократно судимым, у следователя складываются определенные особенности личности данного лица. Благодаря жаргонным выражениям, которые, к слову, запрещено использовать в исправительных учреждениях, в том числе в СИЗО, следователь может узнать о психологической характеристике рецидивиста, систему ценностей, поскольку данные выражения говорят о принадлежности к определенной преступной группе. При использовании рецидивистом невербальных средств общения, таких как жестикуляция, мимика, следователь может сформировать представление о том, какое на самом деле состояние допрашиваемого, лжет он или же говорит правду.

Ввиду того, что рецидивисты знакомы с тактическими приемами допроса, знают свои права и обязанности, то процедура допроса может носить двоякий характер. В первом случае,

если рецидивист при наличии всех уличающих его вину обстоятельств признает свою вину и даст правдивые показания, то процедура допроса подчиняется общим тактическим приемам осуществления данного следственного действия. Во втором случае, если рецидивист, например, отказывается от дачи показаний, или же оказывает иное противодействие следователю, например, грубое поведение или высказывание угроз в отношении следователя, то тогда следователю необходимо принять приемы допроса в конфликтной ситуации. Во избежание отказа рецидивистом от ранее данных показаний, следует использовать методы аудио-, видео-фиксации.

Необходимо принять во внимание, что администрация следственного изолятора должна обеспечить безопасность следователя в процессе проведения процедуры допроса. Здесь важную роль играет реализация мер, направленных на защиту следователя от нападения рецидивиста и уничтожение вещественных доказательств, а именно, в процессе допроса должен присутствовать конвоир, на столе не должны находиться определенные предметы, такие как ручка, карандаш, лезвие и т.п., а также необходимо изготавливать копии вещественных доказательств, документов и т.п.

Учитывая все вышеперечисленное, можно сделать вывод о том, что в настоящий момент тенденция содержания лиц, в том числе и лиц, неоднократно судимых, в следственных изоляторах снижается. Следует отметить, что действующий УИК РФ требует существенных изменений, в частности, необходимо дополнить УИК РФ ст. 77.3, в которой будет говориться об включении сотрудников следственного изолятора в процесс осуществления следственных действий. Данное положение можно аргументировать тем, что указанные лица надлежащим образом знают специфику учреждения, личность лица, находящегося в статусе подозреваемого или обвиняемого, могут дать определенные показания относительно поведения лица, содержащегося в следственном изоляторе, что в свою очередь способствует успешному и эффективному проведению допроса. Также считаю нужным дополнить УПК РФ ст. 189.1, в которой будет говориться о возможности проведения допроса лица, содержащегося в следственных изоляторах сотрудниками следственных изоляторов, уполномоченных на осуществление данного права. Необходимо подчеркнуть, что данное положение не должно являться обязанностью уголовно-исправительного учреждения. Именно поэтому сотрудников, которые могут быть уполномочены на проведение процедуры допроса лиц, содержащихся в следственных изоляторах, должны проверять на знание положений, как УК РФ, УПК РФ, так и криминалистики.

Однако нужно отметить, что в целях осуществления эффективного и результативного допроса лица, неоднократно судимого и содержащегося в следственном изоляторе, следователю Следственного комитета Российской Федерации, особенно начинающему, следует обладать должной психологической выдержкой, а также эмоциональной устойчивостью. Необходимо быть корректным, терпеливым, объективным и беспристрастным. Именно тогда допрос лица, неоднократно судимого, увенчается успехом, и виновное лицо будет изобличено и привлечено к уголовной ответственности.

Литература:

1. Федеральный закон от 15.07.1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/1305540/>,
2. Приказ Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» // Гарант. Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1257488/>,
3. Приказ Минюста Российской Федерации от 14.10.2005 года № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» // Гарант. Режим доступа: <https://base.garant.ru/12142931/>,
4. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 27.10.2020 г.) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/,
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 27.10.2020 г.) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/,
6. Символика тюрем: Нравы уголовного мира всех стран и народов / Под ред. В. Н. Цветкова. — Минск, 1996. — С. 89.
7. Порубов Н. И. Тактика допроса на предварительном следствии: Учебное пособие. — М., 1998. — С. 136.
8. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 23.11.2020 г.) // КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/.

Юридическая ответственность субъектов образовательных правоотношений при реализации права на получение среднего общего образования несовершеннолетними гражданами

Фаизов Артур Внерович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет

Проблема юридической ответственности субъектов образовательных правоотношений — проблема не новая и достаточно изученная в юридической науке. Актуальность же исследования проблемы связана с радикальными изменениями, произошедшими в последние десятилетия в сфере образования, а вместе с тем в отрасли образовательного права. Вместе с социально-экономическими преобразованиями, менялась и сама система общественных отношений, а эти преобразования не могли не затронуть системы образовательных правоотношений. Ряд существующих проблем в практике юридической ответственности субъектов правоотношений за совершение правонарушений в сфере образовательных правоотношений описан в данной статье.

Ключевые слова: образовательные правоотношения, Федеральный закон «Об образовании в РФ», правовой статус субъектов образовательных правоотношений, юридическая ответственность субъектов образовательных правоотношений, дисциплинарная ответственность обучающихся, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, лишение родительских прав, злоупотребление правом.

Цель исследования состояла в выявлении пробелов в действующем законодательстве и комплексной теоретической разработке предложений по совершенствованию мер юридической ответственности субъектов образовательных правоотношений при реализации права на получение среднего общего образования несовершеннолетними гражданами.

Федеральным законодательством устанавливаются правовые, организационные и экономические основы образования в Российской Федерации, основные принципы государственной политики Российской Федерации в сфере образования, общие правила функционирования системы образования и осуществления образовательной деятельности, определяется правовое положение участников отношений в сфере образования. «Указанные виды правовых отношений определяют пределы законодательного регулирования» [3, с. 4–19].

В современном мире отмечают увеличение числа учащихся и сокращении при этом государственных расходов на образование. Данный факт никак нельзя обойти стороной, тем более он актуален и для нашей страны. Провозглашенное формальное равенство на образование сопровождается противоречием — усилением неравенства в плане доступа к образованию.

Главная задача законодательства об образовании, как говорит Шкатулла В. И., состоит в том, «чтобы закрепить за каждым человеком равное право на качественное образование и установить объем этого права, в том числе и уровень обязательного образования» [1, с. 12].

Он указывает на прямую связь между тем, как оно (государство) сформулировало цели образования и тем, какой будет сама система образования. Он пишет, что все недостатки системы образования проистекают также и от недостатков в процедуре установления государством целей и задач образования.

Федеральный закон от 29.12.2012 года № 273 «Об образовании в Российской Федерации» — это фундаментальный нормативный документ, призванный урегулировать правоотношения в сфере образования.

К иным законодательным документам, регулирующим образовательные и связанные с ними правоотношения, относятся указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти: Минпросвещения России, Росособнадзора и другие муниципальные нормативные правовые акты, регулирующие образовательные правоотношения и локальные нормативные правовые акты.

При таком объеме нормативно-правовых актов, содержащих нормы образовательного права, нельзя не отметить позицию многих ученых-юристов, согласно которой работа над систематизацией законодательства, регулирующего отношения в сфере образования не закончена.

Сырых В.М. В своей статье «Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» как предтеча Кодекса РФ об образовании: шаг вперед и три назад» профессор Сырых В.М., проводя анализ действующего образовательного законодательства, даёт критическую оценку действующему закону «Об образовании в Российской Федерации».

Он обличает действующий закон в неполноте, ввиду большого количества отсылок на другие нормативно-правовые акты, а законодателя осуждает за передачу своих полномочий Федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по выработке государственной политики в сфере образования.

Осинцев Д.В. и Барабанова С.В. отмечают, что: «образовательные правоотношения носят узкокорпоративный характер, поэтому во многих случаях основания для дисциплинарной ответственности индивидуализированы и даже уникальны, а уголовной ответственности подлежит в основном руководство образовательного учреждения» [6]. Изучив судебную практику, они нашли множество ошибок в квалификации правонарушений. Они также отмечают, что различия в терминологии, содержащейся в различных нормативных правовых актах, и её единообразном применении тормозят развитие образовательного законодательства и теории образовательных отношений. Нам видится, что данная проблема вытекает из сложившейся в российском законодательстве ситуации, когда образовательному законодательству характерна его объемность и разбросанность во множестве нормативно-правовых источников, несмотря на принятие нового Закона об образовании. Поэтому предлагаем вернуться к рассмотрению вопроса о кодификации Российского образовательного законодательства.

Чтобы упорядочить внутришкольные взаимоотношения в образовательном учреждении издаются локальные нормативные акты с целью регламентации должного поведения всех участников образовательного процесса. Повеление участников образовательного процесса, основанное на соблюдении этих правил будет называться дисциплиной.

Дисциплинарная ответственность — вид юридической ответственности, основным содержанием которой выступают дисциплинарные взыскания, применяемые администрацией

образовательного учреждения в отношении обучающегося, в связи с совершением им дисциплинарного проступка.

Например, за совершение дисциплинарного проступка образовательное учреждение в лице уполномоченных лиц или органов вправе применить к виновным обучающимся меры дисциплинарного характера, в том числе отчисление. Но исключение обучающегося из образовательного учреждения будет законным и обоснованным при условии соблюдения большого ряда обстоятельств.

Феклин С.И. пишет: «на сегодняшний день единственной законодательно предусмотренной мерой дисциплинарной ответственности является исключение из образовательного учреждения» [2, с. 12].

Защите прав и свободе детей в России уделяется особое внимание. С 2009 года в России действует институт полномочного представителя Президента РФ по защите прав и интересов детей. Помимо этого на уровне регионов действуют, а на уровне муниципалитетов могут создаваться комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП). Их правовой статус определен в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. N120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Они создаются в целях координации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в школах, других образовательных учреждениях, семье, социуме.

В ходе исследовательской работы нам удалось выяснить, что в существующей практике применение отчисления из образовательного учреждения становится маловероятным. По статистике КДН и ЗП администрации Бирского района за период 2017–2020 годов не было ни одного случая обращения образовательными учреждениями района в комиссию по вопросу отчисления обучающегося из образовательного учреждения. В то время как по данным ОМВД по Бирскому району за этот же период количество преступлений и правонарушений, совершенных несовершеннолетними стабильно и не уменьшается. Количество же несовершеннолетних, состоящих на учете в КДН и ЗП постоянно возрастает.

Всему виной жесткая позиция законодателя, борющегося за защиту прав и интересов детей и нежелание администраций попросту впустую тратить время, так как обучающийся все равно в месячный срок будет устроен в другое образовательное учреждение. Иногда поведение несовершеннолетних перерастает в злоупотребление правом, которые чувствуют отсутствие ответственности за свои поступки. Вызывает определенные сомнения, достаточность таких мер, как замечание и выговор. Для несовершеннолетнего это выглядит как пустое сотрясение воздуха и формирует чувство безнаказанности.

Соглашаясь с мнением Капитоновой Е. А., считаем, что в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» в качестве дополнительной меры дисциплинарного взыскания необходимо внести принудительное привлечение несовершеннолетнего нарушителя к труду в стенах своей школы. Страх от возможного получения наказания способен в перспективе хорошим образом сказаться на поведении ребенка, и в дальнейшем побудит его к воздержанию от нарушения дисциплины.

Закрепление обязанностей обучающегося в действующем законе «Об образовании в Российской Федерации» не покрывает полностью необходимости закрепления обязанностей в Семейном кодексе Российской Федерации, законе Российской Федерации «Об основных гарантиях прав ребенка». Считаем, что необходимо законодательно закрепить обязанности ребенка:

- в семье;
- в обществе

Как показывает судебная практика Бирского межрайонного суда по рассмотрению гражданских дел о лишении родительских прав за 2017, 2019 годы по-прежнему имеют место злоупотребление родителями такими неотъемлемыми правами ребёнка, как право жить и воспитываться в семье, на родительскую заботу и любовь, уважение человеческого достоинства.

Всего в 2017 году поступило 27 исковых заявлений о лишении родительских прав (20 было удовлетворено, по 4 принято решение об ограничении в родительских правах). В 2019 году поступило 23 исковых заявления о лишении родительских прав (21 было удовлетворено, по 1 принято решение о частичном удовлетворении исковых требований).

При установлении того или иного основания для лишения родительских прав суды исходят из виновного поведения родителей.

Как отмечено в обзоре судебной практики Бирского межрайонного суда: «Наиболее распространенное основание — уклонение от выполнения обязанностей родителей. Как правило, это дела о лишении родительских прав в отношении родителей, злоупотребляющих спиртными напитками, не заботящихся о здоровье, нравственном воспитании, физическом, психическом, духовном развитии, материально-бытовом обеспечении, обучении ребенка, либо отбывающие наказание в местах лишения свободы» [11].

Важным обязательством для родителей является обязанность обеспечению получения детьми основного общего образования. Неисполнение своих обязанностей влечет предупреждение или наложение административного штрафа в размере от ста до пятисот рублей.

Повторное в течение года совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 2 настоящей статьи, влечет наложение административного штрафа в размере от четырех тысяч до пяти тысяч рублей или административный арест на срок до пяти суток.

Но вызывает вопросы достаточность данных мер. Очень часто они не дают должного эффекта. Проблема неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних остается одной из самых серьезных с точки зрения ее социальных, экономических и демографических последствий, что говорит о необходимости совершенствования всего комплекса механизмов применения юридической ответственности в рамках семейного, административного и уголовного законодательства РФ.

Лишение родительских прав — это крайняя мера и ее применение возможно лишь в тех случаях, если реабилитационные и профилактические меры, направленные на сохранение семьи, исчерпаны, и нахождение ребенка в родной семье создает угрозу его жизни и здоровью.

Исходя из исследования материалов дел об административных правонарушениях в КДН и ЗП администрации муниципального района Бирский район обращает на себя внимание то обстоятельство, что нормы Кодекса об административных правонарушениях требуют ужесточения. Предлагаем ужесточить штрафные санкции для правонарушителей, для большего профилактического эффекта.

Возвращаясь к понятию злоупотребления правом нельзя не упомянуть про такое все чаще встречающееся в жизни школы явление, как «родительский экстремизм». Алёхина Е. В. на этот счет пишет: «Часто требования родителей к образовательной среде являются завышенными. В таком случае взаимодействие образовательного учреждения и семьи отягощается такой разновидностью девиантного поведения, как родительский экстремизм в образовательных отношениях» [4].

Не соглашаясь с тем обстоятельством, что Дацко Н. П. в своей статье всю работу с данной проблемой перекладывает на школу, хочется отметить, что автор изображает идеальную ситуацию в школе, забывая о том, в каких реалиях существует российская провинциальная школа. Проводимая оптимизация привела к тому, что в школах отсутствуют специалисты, способные заниматься вопросами, выходящими за рамки преподавания предметов (это социальные педагоги, психологи и т.д.). В малокомплектных школах существует проблема малочисленности педагогического состава, присутствует полифункциональность деятельности учителя. Иногда отсутствуют ставки заместителя директора по воспитательной работе, и эти функции за маленькую доплату приходится выполнять назначенному учителю в дополнение к своей основной нагрузке, что не может не сказаться на качестве работы.

В комплексе с упомянутой проблемой, существующий объем отчетности учителей — это негативный фактор, неблагоприятно сказывающийся на выполнении педагогическим работником своих профессиональных обязанностей. Излишнее нервное напряжение может привести к конфликтным ситуациям между участниками образовательных правоотношений. Общественность пытается донести до Правительства РФ вопрос уменьшения отчетности педагогических работников. Например, в рекомендательных письмах Минобрнауки РФ и Профсоюза работников образования РФ. С целью уменьшения количества отчетов муниципальными образованиями проводятся специальные мониторинги об уменьшении отчетности. Но говорить о решении данной проблемы еще рано, так как в основном, отчеты учителя вынуждены сдавать под давлением администрации образовательного учреждения, ввиду боязни последней проверок уполномоченными органами.

Поэтому, видится разумным закрепить в действующем законе «Об образовании в Российской Федерации» закрытый перечень отчетов для педагогических работников.

Также видим актуальной задачей органов власти задачу повышения уровня доверия к официальным структурам, призванным оказывать помощь субъектам образовательных правоотношений в случае нарушения их прав.

Принимая во внимание тот факт, что, к примеру, в Ханты-Мансийском автономном округе-Югра на региональном, местном и уровне образовательной организации созданы

специальные центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, предлагаем немного расширить круг решаемых вопросов данных центров и круг субъектов, которым может быть оказана помощь, включив в их список родителей обучающихся и педагогических работников, и законодательно закрепить обязанность создания на уровне муниципалитетов службу, которая бы могла взять на себя функции по консультации родителей, обучающихся и педагогических работников. В этой службе должны будут задействованы специалисты из различных областей: юристы, семейные психологи, социальные педагоги.

Перечень данных нами рекомендаций, что могут быть использованы конечно не исчерпывающий. Целью нашего исследования была попытка обнаружить проблемы законодательства в практике юридической ответственности за правонарушения в сфере образовательных правоотношений. Мы обнаружили некоторые существенные преграды на пути достижения целей юридической ответственности субъектов образовательных правоотношений и предложили свои рекомендации по совершенствованию мер юридической ответственности. Как нам видится решить это можно не только внося изменения в Российское законодательство в сфере образовательных правоотношений, но и соглашаясь со Смолиным С. Н., внося в комплексе с этими мерами изменения в государственную политику в сфере образования.

Литература:

1. Шкатулла В. И. Образовательное право России: учебник для вузов. — М.: Юстицинформ, 2016. — 774 с.
2. Фёклин С. И. Дисциплинарная ответственность обучающихся. Методическое пособие. — М.: Арсенал образования, 2011. — 65 с.
3. Бекетов О. И. Соловей Ю. П., Куликова Т. Б. Кодекс РФ об образовании как основа административно-правового регулирования образовательной деятельности / Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2017. — Том 12. — с.
4. Алёхина Е. В. Родительский экстремизм как фактор развития негативных образовательных отношений в инклюзивной школе / ФГБОУ ВО Воронежский государственный педагогический университет. Социальное воспитание, 2017 — Том 1 — с. 32–38.
5. Сырых В. М. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» как претеча Кодекса РФ об образовании: шаг вперед и три назад / Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2013. — Том 8. — С. 40–63.
6. Осинцев Д. В., Барабанова С. В. Административно-юрисдикционный статус образовательных организаций и педагогических работников / Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2016. — Том 11. — С. 5–16.
7. Дашинская З. П. Родители (законные представители) как участники образовательных правоотношений / Ежегодник российского образовательного законодательства. — 2013. — Том 8. — С. 88–96.
8. Российское образовательное законодательство. Философско-методологические и социально-правовые проблемы / О. Н. Смолин // Философские науки. — 2016. — № 1, 2, 3.
9. Дацко Н. П. Дисциплинарные увольнения педагогических работников в Российской Федерации. / Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия Право, 2016 — Том 1 — с. 67–72.
10. Совместное письмо Минобрнауки России N НТ-664/08, Общероссийского Профсоюза образования N269 от 16.05.2016. Рекомендации по сокращению и устранению избыточной отчетности учителей / [Электронный ресурс] — URL: <http://docs.cntd.ru/document/420359174>
11. Обзор судебной практики Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, по рассмотрению гражданских дел о лишении родительских прав, рассмотренным в 2019 году [Электронный ресурс] — http://birsky.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=28
12. Обзор судебной практики Бирского межрайонного суда Республики Башкортостан по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, по рассмотрению гражданских дел о лишении родительских прав, рассмотренным в 2017 году [Электронный ресурс] — http://birsky.bkr.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=26
13. Приложение к распоряжению Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 2 декабря 2016 года № 644-рп. Публичный отчет Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Об исполнении плана мероприятий об исключении излишней отчетности в работе педагогов» [Электронный ресурс] — <https://base.garant.ru/45217778/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/>
14. Приказ Департамента образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04 мая 2016 года № 703 «Об организации психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи обучающимся, испытывающим трудности в освоении основных общеобразовательных программ, развитии и социальной адаптации, но также при реализации адаптированных образовательных программ в образовательных организациях Ханты-мансийского автономного округа — Югры» [Электронный ресурс] — <https://base.garant.ru/45222012/>
15. Доклад начальника Отдела МВД России по Бирскому району подполковника полиции А. Ф. Зубаирова на заседании Совета Муниципального района Бирский район по вопросу «О состоянии борьбы с преступностью на территории Бирского района в 2019 году» [Электронный ресурс] — https://02.мвд.пф/служба/Otcheti_dolznhnostnih_lic/Otcheti_rukovoditelej_territorialnih_otd/омвд-россии-по-бирскому-району

Взаимодействие субъектов нотариальной деятельности с органами исполнительной власти в Российской Федерации

Фомочкина Инесса Вячеславовна, студент магистратуры
Калининградский филиал Московского финансово-юридического университета МФЮА

В статье рассматривается актуальное состояние взаимодействия субъектов нотариальной деятельности с органами исполнительной власти. Специфика нотариальной деятельности предусматривает обязанность нотариуса сотрудничать с органами исполнительной власти, а также с органами местного самоуправления. Данное сотрудничество носит непрерывный характер, ежегодно расширяется, но имеет ряд специфических проблем, обусловленных законодательством о нотариате.

Ключевые слова: нотариальная деятельность, нотариат, нотариус, органы исполнительной власти, органы местного самоуправления.

В ч. 1 ст. 48 Конституции Российской Федерации указывается, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи [1].

Нотариат — это система специальных уполномоченных органов, осуществляющих на профессиональной основе от имени государства нотариальные действия в случаях и порядке, установленных действующим российским законодательством.

В Российской Федерации предусмотрен институт нотариата, правовой базой которого являются «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате». Основы законодательства Российской Федерации о нотариате были приняты 11 февраля 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации. Главное изменение заключалось в появлении негосударственного нотариата, т.е. появились нотариусы, занимающиеся частной практикой.

Согласно Основам законодательства о нотариате нотариат призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конституциями (уставами) субъектов РФ, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [2].

Нашу современную жизнь невозможно представить без нотариальной деятельности. Нотариальная деятельность выполняет важнейшую функцию — регулирует жизнь граждан (физических лиц), юридических лиц и общества. Основными задачами нотариальной деятельности является защита прав и законных интересов граждан, государственных и негосударственных учреждений, организаций, общественных объединений, охрана всех форм собственности, предупреждение правонарушений путем своевременного удостоверения договоров и других сделок, совершения иных действий.

Согласно «Основам законодательства Российской Федерации о нотариате» нотариальные действия в Российской Федерации совершают нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой.

В случае отсутствия в поселении нотариуса право совершать ряд нотариальных действий имеют глава местной администрации поселения и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления поселения [3]. Ряд нотариальных действий от имени Российской Федерации на территории других государств совершают должностные лица посольских и консульских учреждений Российской Федерации, уполномоченные на совершение этих действий [4].

Нотариальная деятельность является одной из составляющих системы государственного регулирования и имеет только ей присущие черты, характеристики и направления своей деятельности. Нотариальная деятельность имеет публично-правовой характер. При этом нотариальная деятельность является самостоятельной системой взаимодействующей с различными органами исполнительной власти: правоохранительными органами, налоговыми органами, таможенными органами, органами, осуществляющими государственную регистрацию недвижимого имущества, административными органами государственной власти и т.д.

Гарантии нотариальной деятельности дают возможность нотариусу не зависеть от воли или желания, а также не попадать под давление заинтересованных лиц. При осуществлении различных видов нотариальных действий нотариусу и работникам нотариальной конторы становятся известны различные сведения и информация, которые касаются личных интересов граждан или деятельности юридических лиц. Основы законодательства РФ о нотариате содержат прямой запрет разглашать сведения и оглашать документы, ставшие известными нотариусу в результате исполнения им своих служебных обязанностей, а также любые сведения о совершенном или находящемся в производстве нотариальном действии. Такой запрет распространяется на нотариуса и в случае, если он сложил полномочия добровольно, либо прекратил заниматься нотариальной деятельностью по решению суда.

Сведения о совершенных нотариальных действиях выдаются по требованию суда, прокуратуры, органов следствия в связи с находящимися в их производстве уголовными, гражданскими или административными делами, а также по требованию судебных приставов-исполнителей в связи с находящимися в их производстве материалами по исполнению исполнительных документов, по запросам органа, осуществляющего государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, в связи с государственной регистрацией и по запросам органов, предоставляющих государственные и муниципальные услуги и исполняющих государственные и муниципальные функции, и нотариусов в связи с совершаемыми нотариальными действиями, то нотариус в установленные законом сроки обязан, предоставить требуемую информацию [5].

Также согласно ст. 21 УПК РФ указывается, что требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного

органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами [4].

Взаимодействие нотариата с налоговыми органами увеличивается с каждым годом, этому способствует постоянный и быстрый двусторонний обмен информацией. Каждый нотариус обладает квалифицированной электронной подписью, что дает ему доступ к Единому государственному реестру юридических лиц и предпринимателей. Постоянно появляются новые электронные сервисы и программы, помогающие ускорить и облегчить процесс регистрации предпринимательской деятельности и вносимых в нее изменений либо ее прекращения.

Кроме того, в налоговые органы нотариусом обязательно направляются сведения о выходе участника из организации, о переходе права собственности на доли в уставных капиталах организаций, сведения о переходе права собственности на доли в объектах недвижимости, акций (дарение, свидетельства о праве на наследство).

Нотариальное удостоверение сделок с недвижимым имуществом предусматривает тесное взаимодействие нотариата с органом, осуществляющим регистрацию сделок с недвижимым имуществом. Этому способствует увеличение электронного документооборота при запросах в Единый государственный реестр недвижимости с помощью электронной системы взаимодействия, которая основывается на наличии у нотариуса квали-

фицированной электронной подписи, различных сведений для совершения сделки, из которых можно увидеть аресты, запрещения, обременения и т.д., а также при отправке документов в электронном виде на государственную регистрацию. Кроме того, происходит обязательная подача на государственную регистрацию прав наследников на недвижимое имущество в соответствии со свидетельствами о праве на наследство.

Обязательному нотариальному удостоверению подлежат сделки по отчуждению недвижимого имущества, принадлежащего несовершеннолетнему гражданину или гражданину, признанному недееспособным, договора ренты и пожизненного содержания с иждивением (данные сделки производятся во взаимодействии с органами пенсионного фонда, органами социальной политики исполнительного органа власти), также сделки по отчуждению или договоры ипотеки долей в праве общей собственности на недвижимое имущество и др.

Нотариальная деятельность взаимодействует в той или иной степени практически со всеми органами государственной власти. Контроль над нотариальной деятельностью осуществляют Федеральная нотариальная палата, региональные палаты субъектов Российской Федерации и Министерство юстиции, в лице управлений Минюста РФ в субъектах РФ. Основы нотариальной деятельности регулируются законодательной властью. Но самое эффективное и постоянное взаимодействие происходит с органами исполнительной власти.

Литература:

1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/78dccb89fb8a04e896d5863e68edd708540f844c/
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/16af782a53aba40baf2354d690038c5a6afc4557/
3. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/dcf0cab70e9e5d6400f52bbcb5f8620b0bda2a4/
4. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/8059c5d42a3bde714063a0913194be6f61bf4877/
5. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/cf0885df18c79147db9a7f2600313d5ffc8cee37/
6. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/78b5ba80090569beee206dac703e1e32d21e9a3c/

Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации

Чернышова Елена Александровна, доцент;
Зайцева Ираида Николаевна, студент магистратуры
Астраханский государственный университет

В статье исследован вопрос осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации. Рассмотрены по пресечению незаконной предпринимательской деятельности. Предложены меры пресечения случаев ведения предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, налоговое правонарушение, субъект предпринимательской деятельности, налоговый орган, штраф.

Предпринимательская деятельность — в соответствии с гражданским законодательством РФ — инициативная самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или

оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Предприниматель может осуществлять любые виды хозяйственной деятельности, если они не запрещены законом, с момента государственной регистрации в качестве индивиду-

ального предпринимателя. Различают производственное, торгово-коммерческое, кредитно-финансовое, сервисное предпринимательство.

Налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность.

Субъектами предпринимательской деятельности в РФ могут быть не ограниченные в своей дееспособности граждане РФ, иностранные граждане, лица без гражданства, а также российские и иностранные юридические лица.

В РФ регулирование предпринимательской деятельности основывается на нормах гражданского права в отличие от большинства зарубежных государств, где предпринимательство регулируется нормами торгового (коммерческого, хозяйственного) права. Право на занятие предпринимательской деятельностью закреплено в ст. 34 Конституции РФ, в соответствии с которой каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. Отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, регулирует гражданское законодательство. Гражданским кодексом РФ определены права граждан заниматься предпринимательством без образования юридического лица, а также право создавать юридическое лицо самостоятельно или совместно с другими лицами. Юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться, в частности, в форме хозяйственных товариществ и обществ, производственных кооперативов.

Предпринимательская деятельность регулируется также отдельными законами: Законом РФ «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», Законом РФ «О несостоятельности (банкротстве) предприятий» и др.

Коммерческая деятельность, осуществляемая лицом, не зарегистрированным в качестве предпринимателя, является незаконной. В Уголовном кодексе РФ отдельную главу составляет перечень преступлений в сфере хозяйственной деятельности, среди которых такие, как воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, лжепредпринимательство, получение кредита путем обмана, ограничение конкуренции, злостное и фиктивное банкротство, уклонение от уплаты налогов и др.

Налоговыми органами на протяжении ряда лет проводится работа по выявлению фактов осуществления предпринимательской деятельности без государственной регистрации, за что установлена административная ответственность по ст. 14.1 КоАП РФ.

Однако, из года в год количество физических лиц, осуществляющих деятельность без государственной регистрации, не снижается. При том, что имеются случаи неоднократного привлечения к административной ответственности указанных лиц.

В целях побуждения физических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной ре-

гистрации налоговыми органами, направляются информационные письма в муниципальные образования, на территории которых осуществляется такая деятельность, а также на рынки. Согласно полученным ответам, Администраций муниципальных образований «Город Астрахань» и области лица, привлеченные к административной ответственности по ст. 14.1 КоАП РФ приглашены на очередное заседание комиссии по укреплению налоговой и бюджетной дисциплины, адаптации неформального рынка труда и борьбе с нарушением трудовых прав работников.

Необходимо отметить, что на протяжении ряда лет львиная доля привлеченных к административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации — это физические лица, осуществляющие розничную торговлю (более 70% от количества привлеченных).

Также осуществляют предпринимательскую деятельность без государственной регистрации физические лица в следующих сферах: ремонт авто; бытовые услуги; общепит; шиномонтаж колес; прием металлолома; услуги косметолога и парикмахера; прочие услуги.

Значительная часть предпринимателей уходит из легального бизнеса в «тень» или же изначально начинает свое дело нелегально с целью уклонения от уплаты налогов, что отрицательно сказывается на доходной части бюджетов как на муниципальном, так и на федеральном уровнях. Это влияет не только на наполняемость бюджетов в части налоговых поступлений, но и отрицательно сказывается на качестве предоставления оказываемых ими услуг (выполненных работ).

Согласно действующему законодательству нелегальным предпринимателям грозит административный штраф, как правило, в размере 500 рублей, что не стимулирует их регистрироваться и уплачивать налоги.

В качестве действенной меры по пресечению незаконной предпринимательской деятельности может явиться внесение изменений в часть 1 статьи 14.1 КоАП РФ в части увеличения размера административного штрафа.

Увеличение штрафа позволит частично компенсировать бюджету недополученные средства, в том числе от уплаты налогов физическими лицами в случае осуществления ими деятельности без официальной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Данная мера вызвана необходимостью решения актуальной проблемы не только для многих субъектов РФ.

В тоже время, проанализировав результаты работы по привлечению к ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации, можно сделать выводы, что проделанная работа цели по обелению рынка торговли и услуг не достигает. В качестве эффективной меры по пресечению незаконной торговли можно предложить повысить ответственность управляющих компаний рынками и арендаторов земельных участков, на которых располагаются торговые места (на которых организована сдача торговых мест в субаренду под торговлю), за сдачу торговых мест в аренду (субаренду) физическим лицам — не предпринимателям, а также на постоянной основе проводить

совместные рейды всех заинтересованных ведомств по пресечению незаконной торговли с одновременным изъятием товара.

Таким образом, можно считать целесообразным рассмотреть вопрос о возможности выступить с законодательной инициативой и внести на рассмотрение в Государственную Думу РФ законопроект о внесении изменений в КоАП РФ в части увеличения размера административного штрафа за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации.

Литература:

1. Налоговый кодекс РФ. Часть 1 (ред. от 01.10.2013) // Собрание законодательства РФ от 03.08.1998, № 3. Ст. 3824.
2. Налоговый кодекс РФ. Часть 2 (ред. от 01.10.2013) // Собрание законодательства РФ от 07.08.2000, 332. Ст. 3340.
3. Кодекс об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 05.10.2015) (с изм. от 30.10.2015) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
4. Налоги и налогообложение. По ред Л. А. Юриновой. Учеб. пособие. — СПб.: Питер, 2019. — 286с.
5. Дуканич Л. В. Налоги и налогообложение. — М.: Финансы, Юнити, 2018. — 181с.
6. Лапуста М. Г. Предпринимательство\ Учебное пособие. — М.: Инфра-М, 2018. — 224с.
7. Лыкова Л. Н. Налоги и налогообложение в России: учебник/Л. Н. Лыкова. — 2-е изд., перераб. И доп. — М.: Дело. 2018. — 384 с.
8. Майбуров И. А. Налоги и налогообложение. Учебник. — М.: Юнити — Дана, 2017. — 655 с.

Проблема обратной отсылки в международном частном праве

Честных Дарья Николаевна, студент

Научный руководитель: Ермолаева Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается один из самых дискуссионных вопросов международного частного права — проблема обратной отсылки как института международного частного права, а также особенности применения обратной отсылки в Российской Федерации. Автором делается вывод о расширении сферы действия обратной отсылки и постепенном уходе проблемы обратной отсылки.

Ключевые слова: международное частное право, обратная отсылка, право иностранного государства, коллизионная отсылка.

Обратная отсылка в течение долгого времени известна международному частному праву и признается одной из самых сложных и дискуссионных его проблем. Впервые она возникла в спорах о наследовании имущества, рассматриваемых английскими судами и осложненных иностранным элементом.

Обратная отсылка — это коллизионно-правовой институт, применяющийся при обращении суда одной страны к праву другой. В соответствии с ней иностранное право, подлежащее применению на основе коллизионной нормы, отсылает обратно к законодательству страны суда отказываясь регулировать спорное отношение.

Как справедливо отмечала Л. П. Ануфриева, обратная отсылка — это технический прием, благодаря которому облегчается регламентация правоотношений, осложненных иностранным элементом [4, с. 233].

Существует широкое и узкое толкование коллизионной нормы и от его вида зависит объем применения иностранного права. При узком толковании нормы суд подразумевает только лишь на иностранное материальное право, а при широком — совокупность материальных и коллизионных норм зарубежного права. И именно при широком толковании у правоприменителя возникает множество спорных вопросов, т.к. при отсылке коллизионной нормы только к материальному праву ситуация обратной отсылки исключается.

Все государства по-разному подходят к вопросу о возможности применения обратной отсылки. Австрия, Франция, Финляндия допускают ее применение в полном объеме, а Нидерланды — запрещают. Законодательство Алжира и Таиланда вообще не регулирует данный вопрос [8, с. 56].

Действующее российское законодательство подходит к данному вопросу с позиции отказа от обратной отсылки: любая отсылка российской коллизионной нормы к иностранному праву должна рассматриваться как отсылка к материальному, а не к коллизионному праву соответствующей страны. Исключение составляет отсылка к российскому праву, определяющему правовое положение физического лица. Однако данное исключение является не императивным, оно применяется по усмотрению суда [2, Ст. 1224]. С одной стороны, такая позиция законодателя упрощает работу российских судей, т.к. им не приходится изучать иностранные коллизионные нормы на предмет возможной обратной отсылки к российскому праву. В таком случае у них не возникнет сложностей с толкованием иностранного права и его применением, судьи смогут полно и объективно урегулировать отношения с точки зрения отечественного права. Но с другой стороны — сокращается сфера применения российского права. Так, в октябре прошлого года Компания Optimal Marine Corp. (Panama) подала иск к Публичному акционерному обществу «Страховая компания» Росгос-

страх» о выплате страхового возмещения. Однако судом в удовлетворении исковых требований было отказано. Одним из оснований для этого был пропуск Истцом срока исковой давности. Истец не согласился с решением суда и обратился в Десятый арбитражный апелляционный суд г. Москвы, который 10 февраля 2020 года при рассмотрении апелляционной жалобы указал, что отсылка к английскому праву, в силу ст. 1190 ГК РФ, как к праву, определяющему порядок исчисления исковой давности, не может влечь обратную отсылку к нормам российского права в силу применения коллизионных норм английского права. Следовательно, если по требованиям истца исковая давность регулируется английским правом, то его действие распространяется на все вопросы исковой давности в целом, без возможности отсылки к нормам российского права для отдельных вопросов, например, таких как правила исчисления и прерыва течения срока давности (как это пытается аргументировать истец). Таким образом, апелляционный суд, пришел к выводу, что суд первой инстанции обоснованно заявил о пропуске Истцом срока исковой давности [10].

Кроме сокращения сферы применения российского права, запрет применения коллизионных правовых норм другой страны, по мнению некоторых правоведов, фактически говорит об отказе российского законодателя от учета их содержания. Они приравнивают это к симуляции учитывания «международного» аспекта обстоятельства обратной отсылки, а также к вопиющему нарушению требований уважения суверенитета иностранного государства, выраженного в принципах сотрудничества и суверенного равенства государств [7, с. 212].

До недавнего времени круг отношений, на которые распространяется положение п. 2. ст. 1190 ГК РФ был прямо указан путем перечисления конкретных статей ГК РФ. Однако такого рода уточнение порождало вопросы о возможности применения обратной отсылки в случае использования коллизионных норм, относящихся к определению статуса физического лица, но содержащихся в иных нормативно-правовых актах. В 2013 г. был принят Федеральный закон [3, Ст. 5030], который исключил ссылки на конкретные статьи ГК РФ из п. 2 ст. 1190. Следует подчеркнуть, что нововведение не затронуло сферу влияния данного пункта (исключение также касается правового положения физического лица), а расширило пределы действия рассматриваемой обратной отсылки, в частности, на сферу семейного права.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Федеральным конституционным законом «О поправках к Конституции РФ» от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. — 1993 25 дек. — № 237; Российская газета. — 2020. — № 144.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552; 2019. — № 12. — Ст. 1224.
3. Федеральный закон от 30.09.2013 № 260-ФЗ «О внесении изменений в часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 40 (часть III). — Ст. 5030.
4. Ануфриева Л. П. Международное частное право. В 3-х томах. Том 1. Общая часть. М.: БЕК, 2002. 283 с.
5. Брун М. И. Международное частное право. М.: Издат. Комиссия общ-ва взаимопомощи студ. Моск. коммерческого ин-та. 1909. 313 с.

Невозможно не согласиться с мнением итальянского ученого Е. Витта, который считает, что решить проблему обратной отсылки, как способа применения коллизионной нормы, возможно только путем заключения между государствами международного договора, в котором бы регламентировались ситуации, требующие применение обратной отсылки, и наоборот [6, с. 133]. Следует заметить, что таких договоров есть, но их немного. Принятие обратной отсылки предусмотрено, например, в Конвенции, устанавливающей единообразный закон о переводном и простом векселях 1930 г. и Конвенции, устанавливающей единообразный закон о чеках 1931 г. Обратная отсылка в них установлена в отношении вопросов способности лица давать обязательства по векселям и чекам (Россия участвует в Женевской конвенции от 07.07.1930 г.).

По мнению М. И. Бруна, за всеми существующими в международном частном праве теориями отсылок стоит лишь желание законодателя легально отдать предпочтение своему закону перед иностранным [5, с. 35].

Ввиду нераспространения международных договоров, где решается проблема отсылки, правоприменитель каждого государства самостоятельно (на основании национального законодательства, судебной практики и доктрины) регулирует применение обратной отсылки.

Однако совершенствование коллизионного права ведет к отказу или к ограничению сферы применения обратной отсылки. Таким образом, проблема обратной отсылки в международном частном праве уходит на второй план. Ей было посвящено множество научных исследований, она породила горячие дискуссии среди юристов разных стран, а в теории до сих пор не сформировалось единогласное мнение о необходимости ограничения применения обратной отсылки или об отсутствии такой необходимости. На наш взгляд, при решении вопроса о возможности использования обратной отсылки необходимо учитывать несколько факторов: во-первых, ее свойства и особенности, а во-вторых, современное состояние правового регулирования правоотношений в сфере международного частного права и их тенденции развития. Многие теоретики и практики склоняются к мнению о том, что обратная отсылка в скором времени уйдет из широкого применения и останется лишь сферах права с жесткими коллизионными нормами.

6. Канашевский В. А. Международное частное право: Учебник / Изд. 2-е, доп. М.: Международные отношения, 2009. 752 с.
7. Костина О. В., Шевченко О. Р. Обратная отсылка в теории международного частного права // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2011. № 2. с. 207–213.
8. Марышева Н. И. Обратная отсылка в международном частном праве: российское законодательство // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 55–62.
9. Шеховцова Н. С. Проблемы применения обратной отсылки в международном частном праве // Молодой ученый. 2020. № 27 (317). С. 319–323.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 10.02.2020. по делу № А40–91648/2019 [Электронный ресурс] // СудАкт: Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/X2a0qO08e1YQ/> (дата обращения 15.12.2020)

Отграничение преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы и объединений, предусмотренных Особенной частью УК РФ

Шараухова Кристина Алексеевна, студент магистратуры
Алтайский государственный университет (г. Барнаул)

В статье на основании уголовного законодательства, доктрины, судебной практики рассматривается вопрос о разграничении преступного сообщества (преступной организации) с организованной группой, а также объединениями, выделенными в Особенной части УК РФ.

Ключевые слова: преступное сообщество (преступная организация), организованная группа, банда, террористическое сообщество, экстремистское сообщество, террористическая организация, экстремистская организация, незаконное вооруженное формирование.

При определении преступного сообщества (преступной организации) необходимо обратить внимание на его соотношение с другими группами, указанными в ст. 35 УК РФ. Закрепленные в ней формы соучастия определены законодателем по степени соорганизованности, предполагающую внутреннюю упорядоченность и систему взаимодействий. В ст. 35 УК РФ выделены четыре формы соучастия, две из которых предусматривают организованное совершение преступлений — организованная группа и преступное сообщество (преступная организация).

Поскольку законодатель предполагает самостоятельность каждой из форм соучастия, то это порождает необходимость закрепления существенных дифференцирующих признаков, позволяющих установить четкие границы между ними. Однако при формулировке он использует оценочные и расплывчатые критерии, что не лучшим образом сказывается на практике.

Такая форма соучастия как группа лиц отличается от преступного сообщества и от других форм отсутствием предварительного сговора на совершения преступления, выраженного в любой форме, а группа лиц по предварительному сговору отсутствием признака устойчивости. При попытке отграничения преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы возникают проблемы, которые отмечаются и правоприменителями.

При определении преступного сообщества законодатель использует термин «организованная группа», тем самым признавая за ним все ее признаки. Исходя из ч. 3 ст. 35 УК РФ, организованная группа обладает устойчивостью, заранее объединилась для совершения одного или нескольких преступлений.

При разграничении указанных форм следует обращаться к специфичным признакам преступного сообщества, которые, исходя из ч. 4 ст. 35 УК РФ, сводятся к структуре и направленности цели его деятельности. Однако опираясь на такие критерии не всегда можно с точностью определить, к какой форме относиться та или иная преступная группа. В частности, определенная структура может быть и у организованной группы, в том числе и достаточно сложная, а ввиду отсутствия четких критериев ее определения, есть риск признания такой группы преступным сообществом. Указание на совместность и возможность создания объединения для совершения одного или нескольких преступлений связывают организованную группу и преступное сообщество. Отличие проявляется в корыстной направленности и категории совершаемых преступлений, однако это не исключает того, что организованная группа не может совершать тяжкие и особо тяжкие преступления, преследуя корыстные цели.

В связи с чем представляется необходимым обращение к дополнительным признакам, выделяемым как в литературе, так и в судебной практике. В частности, В. Быков предлагает в качестве разграничения считать профессионализм членов преступного сообщества, проявляющийся при совершении преступлений, а также наличие коррумпированных связей с правоохранительными органами [3, с. 19]. Полагаем, такая позиция не является удачной, ввиду положенного в основу оценочного критерия, что при его закреплении приведет к проблемам его толкования. Как показывает судебная практика, суды редко выделяют профессионализм и коррумпированность

при признании объединения преступным сообществом (преступной организацией).

В. А. Брсоян и А. А. Крюков отмечают, что в основе критерия отграничения формально может выступать иерархичность структурированной организованной группы [2, с. 48]. Как отмечает Д. В. Токманцев с учетом сложившейся практики преступное сообщество имеет трёхуровневый тип внутргрупповых организационных связей, при этом каждая из нижестоящих ступеней подчиняется вышестоящим, в то время как обычная организованная группа, если и обладает иерархичностью, то только простой — двухуровневой [21, с. 72].

Другие авторы усматривают возможность отграничения в зависимости от роли руководителя. В частности, Н. С. Рязанов указывает на то, что для организованной группы характерно непосредственное участие ее лидера в совершении преступлений, ради которых создаётся криминальное формирование, в преступном сообществе функции лидера ограничиваются общим руководством: планированием преступной деятельности, распределением ролей и функций, дачей указаний [19, с. 235]. Однако судебной практике известны и другие варианты поведения лидера организованной группы.

Так, в приговоре Санкт-Петербургского городского суда было отмечено, что «Б., осуществляя функции руководителя преступного сообщества и обеспечивая его преступную деятельность, лично незаконно приобретал из неустановленного источника крупные партии наркотических средств и психотропных веществ и распределял их между руководителями организованных преступных групп, осуществлял контроль за деятельностью этих групп, которые осуществляли сбыт наркотических средств и психотропных веществ на территории Санкт-Петербурга, руководил их деятельностью через назначенных им руководителей — А. и Г. [18].

Характерным признаком для преступного сообщества является способность к «регенерации» (восстановлению) в случае противодействия со стороны правоохранительных органов, например, при привлечении к уголовной ответственности его участников. Об этом свидетельствует и судебная практика. В частности, приговором Волгоградского областного суда было установлено, что «сотрудниками неоднократно осуществлялись мероприятия, направленные на пресечение преступной деятельности сообщества. Так, в ноябре 2008 г. и апреле 2009 г. задерживался руководитель одной из организованных преступных групп, входящей в состав преступного сообщества (преступной организации). Однако руководство ей возглавило другое лицо, которое привлекло новых лиц, взамен выбывших участников. Кроме того, в ноябре 2009 г. были задержаны и заключены под стражу два организатора и руководители другого структурного подразделения. Несмотря на это, два других организатора, осознавая, что часть структурных подразделений перестала существовать, в период с декабря 2009 г. по июнь 2010 г. продолжили деятельность по управлению созданным ими преступным сообществом, усилив меры конспирации и требования к участникам входящих в состав преступного сообщества организованных преступных групп [16].

Заметим, что такую способность не всегда можно установить ввиду предпринимаемых преступным сообществом мер конспирации.

В литературе выделяют еще один критерий ограничения — количество участников, которое у преступного сообщества, должно быть не менее четырех, в то время как обычная организованная группа может признаваться таковой, насчитывая всего двух лиц.

Отметим также, что у рассматриваемых объединений не одинаковое уголовно-правовое значение. Организованная группа, в отличие от преступного сообщества, не образует самостоятельный состав преступления, однако предусмотрена в качестве квалифицирующего признака в ряде составов Особенной части УК РФ. Это же характерно для группы лиц и группы лиц по предварительному сговору.

Исходя из вышесказанного, установленные законодателем при определении форм соучастия признаки не дают чётких критериев, которые бы позволили отграничить преступное сообщество (преступную организацию) от организованной группы, в связи с чем в доктрине предлагаются дополнительные признаки, чтобы разрешить возникшую проблему.

Особенная часть УК РФ предусматривает целый ряд статей, устанавливающих ответственность за организационную деятельность, при этом часть из них связана с организацией определенных объединений. Анализ судебной практики подтверждает отсутствие четких критериев отграничения одного сложного группового образования от другого, что влечет за собой ошибки при квалификации преступлений, составы которых сформулированы единообразно. В связи с чем представляется необходимым уголовно-правовое толкование объединений и их соотношение с указанными в ст. 35 УК РФ формами.

В УК РФ предусмотрено несколько отдельных составов преступлений смежных со ст. 210 УК РФ, в частности, ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 239, 282.1, 282.2 УК РФ. Объединяет составы то, что они регламентируют сложные формы преступного взаимодействия и устанавливают уголовную ответственность за его осуществление.

На протяжении достаточно долгого времени одним из существенных вопросов остается соотношение преступлений, предусмотренных ст. 209 и 210 УК РФ. Из диспозиции ст. 209 УК РФ усматривается, что законодатель определяет банду как организованную группу, наделяя ее признаком «устойчивости». Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 постановления от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» разъясняет, что банда есть организованная устойчивая вооруженная группа, состоящая из двух и более лиц, заранее объединившихся для нападения на граждан и организации [11].

Тем не менее, несмотря на позицию законодателя и Пленума Верховного суда РФ, данный вопрос в науке уголовного права решается неоднозначно. Так, ряд авторов относит банду к разновидности преступного сообщества. Например, Р. Р. Галиакбаров утверждает, что об этом свидетельствует размещение состава рядом со ст. 210 УК РФ, которая является общей для бандитизма. Кроме того, основываясь на ч. 5 ст. 35 УК РФ, он подчеркивает, что закон связывает преступное сообщество

не только со ст. 210 УК РФ, но и другими статьями Особенной части, что лишний раз указывает на то, что банда — разновидность преступного сообщества [4, с. 57]. С такой позицией трудно согласиться, поскольку одним из признаков преступного сообщества (преступной организации) является структурированность, которой в соответствии с законом и судебной практикой банда не обладает. С.А. Жовнир упоминает следующую точку зрения в понимании банды, согласно которой банда представляется собой самостоятельную форму соучастия и не относится ни к организованной группе, ни к преступному сообществу [7, с. 118]. Такое утверждение представляется неверным, поскольку происходит смешивание форм соучастия и разновидности организованных групп. Исходя из этого, представляется верным рассматривать банду как видовое понятие по отношению к организованной группе.

По смыслу уголовного закона банду и преступное сообщество (преступную организацию) объединяют устойчивость и организованность, ввиду того что они определяются через организованную группу, тем не менее, есть ряд отличительных признаков.

Прежде всего, следует указать на вооруженность банды, предполагающей наличие у ее участников огнестрельного или холодного, включая метательное, оружия заводского или самодельного изготовления, различных взрывных устройств, а также газового и пневматического оружия. Для преступного сообщества это необязательно, оно вообще может не иметь оружия, поскольку его использование не требуется для ряда осуществляемых преступлений.

Также разграничение проводят по целям преступной деятельности указанных объединений. Банда создается в целях совершения нападений на граждан и организации. При этом закон не устанавливает конечной цели нападения на граждан и организации, в связи с чем это может быть и завладение чужими денежными средствами, иным имуществом, и убийства, изнасилования и другое. Таким образом, деятельность банды не обязательно связана с получением финансовой или иной материальной выгоды, в отличие от преступного сообщества.

Еще одним отличительным признаком является степень тяжести совершаемых преступлений. В отличие от преступного сообщества (преступной организации), бандой могут совершаться преступления любой степени тяжести. Однако, В.В. Дудина отмечает, что нападение, о котором говорится в ст. 209 УК РФ, может быть, по существу, только тяжким или особо тяжким посягательством [6, с. 82].

При отграничении банды и преступного сообщества иногда акцент делают на признак структурированности, присущий преступному сообществу, тем не менее, стоит упомянуть, что определенная структура характерна и организованной группе, а, следовательно, и банде.

Таким образом, можно сделать вывод, что приведенные критерии разграничения банды и преступного сообщества (преступной организации) являются условными, ввиду того что установленные законодателем цели их деятельности не являются взаимоисключающими, а вооруженность может присутствовать и у преступного сообщества, как и структурированность у банды.

При квалификации действий участников преступного сообщества следует обратить внимание на п. 21 постановления

Пленума Верховного Суда № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», где указано, что если участники преступного сообщества (преступной организации) наряду с участием в сообществе (организации) создали устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководили такой группой (бандой), то содеянное образует реальную совокупность и квалифицируется по ст. 209 и 210 УК РФ [14].

Так, Московский областной суд признал виновным Б. по ч. 2 ст. 210 и ч. 2 ст. 209 УК РФ, установив, что в ноябре 2007 г. руководитель преступного сообщества, создал устойчивую организованную вооруженную группу (банду), являвшуюся структурным подразделением преступного сообщества, которую возглавил один из активных участников преступного сообщества, в состав которой вошел Б. и другие неустановленные лица. Б., будучи участником устойчивой вооруженной группы (банды) и участником преступного сообщества, созданном в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений, совершил убийства граждан, а также незаконный оборот огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств [17].

Такая позиция Пленума Верховного Суда, в большинстве своем поддерживается, поскольку ст. 209 и 210 УК РФ устанавливается ответственность за разные объединения. Вместе с тем некоторые авторы отмечали, что подобное решение не соответствует принципу справедливости, ввиду тройного учета организованных преступных действий (как совершенные в составе организованной группы, банды, и преступного сообщества). В частности, указанной позиции придерживается Т.В. Якушева [22, с. 137].

Неясность представляет разграничение преступного сообщества с террористическим и экстремистским сообществами, ответственность за организацию которых предусмотрена в ст. 205.4 и 282.1 УК РФ. Возникающий вопрос относительно природы данных объединений, следует решать в пользу организованной группы, поскольку на это указывается в законе. Так, в ст. 205.4 УК РФ террористическое сообщество раскрывается через устойчивую группу лиц, что соответствует ч. 3 ст. 35 УК РФ, а в ст. 282.1 УК РФ прямо указывается, что экстремистское сообщество является организованной группой лиц, кроме того это отмечается и в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», согласно которому «под экстремистским сообществом следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений. Экстремистское сообщество может состоять из структурных подразделений (частей)» [13]. Помимо этого, преступное сообщество преследует цель получения прямо или косвенно финансовой и иной материальной выгоды, в то время как в ст. 205.4 и 282.1 УК РФ предусматриваются специальные цели, отличные от указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Несмотря на это, в литературе существует точка зрения, согласно которой террористическое и экстремистское сообщества являются разновидностями преступного сообщества (преступной организации), поскольку законодатель предусмотрел возможность наличия в их составе структурных подразделений, что не характеризует организованную группу, а присуще исключительно преступному сообществу. Однако несовпадение целей, указанных в ч. 4 ст. 35 и ст. 205.4, 282.1 УК РФ, исключает возможность придерживаться данной позиции. Также, С.В. Борисов отмечает, что формулировка ч. 4 ст. 35 УК РФ после внесения изменений в 2009 г., полностью исключает возможность признать экстремистское сообщество видом преступного сообщества [1, с. 66].

По мнению В.И. Гладких произошло смешение понятий разных форм соучастия [5, с. 36]. Аналогичного суждения придерживается и В. А. Попов, подчеркивая, что ст. 205.4 и ст. 282.1 УК РФ — примеры грубейшего нарушения правил законодательной техники, необоснованности и бессистемности внесения изменений в законодательство [10, с. 157].

Понятие преступное сообщество (преступная организация), закрепленное в ч. 4 ст. 35 УК РФ, не является базовым для террористической (ст. 205.5 УК РФ) и экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Это проявляется, прежде всего, в их правовой природе, для правильного понимания которой необходимо обращаться к нормам, регламентирующим деятельность юридических лиц. Как указывает А. Н. Мондохонов, разграничивая составы ст. 210 и 282.2 УК РФ, изначально общественное, религиозное объединение или иная организация носят легальный характер возникновения, пытаются достичь своих целей под видом законной деятельности, преступное сообщество создается исключительно с целью совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды [8, с. 68]. Полагается, что сказанное можно применить и по отношению к террористической организации, которая признается таковой только по решению суда.

Также в основе разграничения преступных формирований, а соответственно составов преступлений, предусмотренных ст. 210 и 205.5, 282.2 УК РФ, лежит цель функционирования. Террористическая организация направлена на пропаганду, оправдание и поддержку терроризма или совершение преступлений, предусмотренных ст. 205–206, 208, 211, 220, 221, 277–280, 282.1–282.3, 360 и 361 УК РФ [9], а экстремистская на осуществление экстремистской деятельности. Как видно, они не совпадают с целями преступного сообщества.

Разграничение также надлежит провести с незаконным вооруженным формированием (ст. 208 УК РФ). В соответствии с п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» незаконное вооруженное формирование представляет собой не предусмотренное ФЗ объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданную для реализации определенных целей (например, совершения террористических актов, насильственное изменение основ конституционного строя, нарушения территориальной целостности РФ) [12]. Тем не менее, определение не вносит ясности и вы-

зывает дискуссии, ввиду отсутствия единого подхода к пониманию его юридической природы.

Ряд авторов полагает, что в ст. 208 УК РФ не усматривается признаков соучастия. Так, Н.И. Сальникова утверждает, что деятельность незаконного вооруженного формирования не направлена на совершение преступлений, она не урегулирована законодательством, поэтому и представляет опасность и подлежит уголовной ответственности [20, с. 21]. Такая позиция представляется необоснованной, ввиду того что ч. 5 ст. 35 УК РФ указывает на ответственность за организацию и руководство преступным сообществом, в том числе и по ст. 208 УК РФ, что предполагает ее отнесение к одной из форм соучастия, а, следовательно, целью незаконного вооруженного формирования является совершение преступлений.

Думается, что незаконное вооруженное формирование является разновидностью организованной группы, с присущим ему признаком вооруженности, не обязательным для преступного сообщества. В свою очередь, для последнего характерен признак структурированности и специфическая цель, что не обязательно для незаконного вооруженного формирования. Анализ судебной практики также подтверждает данный вывод. Так, в приговоре Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 28 ноября 2013 г. было указано, что незаконное вооруженное формирование, участников которого был Г., характеризовалось сплоченностью и устойчивостью, которые достигались согласованностью совместных преступных действий и единством замыслов по насильственному изменению основ конституционного строя и нарушению целостности Российской Федерации, обеспечением контроля поведением участников и поддержанием внутренней дисциплины, стабильностью состава, тесной взаимосвязью между участниками, основанной на территориальном принципе компактного проживания и этнической общности, на участии в так называемом «Джамаате», на приверженности к радикальной исламской идеологии, на отношениях родства, дружбы и давнего знакомства. В наличии у участников данного незаконного вооруженного формирования имелись различные виды огнестрельного оружия, которое передавалось от одного участника другому [15].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно прийти к выводам, что установленные в ст. 35 УК РФ легальные признаки преступного сообщества (преступной организации) и организованной группы при их сопоставлении свидетельствуют об отсутствии четких критериев разграничения, что подтверждает необходимость внесения законодательных изменений в части установления дополнительных признаков при определении преступного сообщества (преступной организации).

В Особенной части УК РФ преступное сообщество (преступная организация) как конструктивный признак, предусмотрено только для ст. 210 УК РФ. Террористическое и экстремистское сообщества являются разновидностями организованной группы, несмотря на возможность наличия в их составе структурных подразделений, присущих исключительно преступному сообществу (преступной организации).

Главными отличительными признаками преступного сообщества (преступной организации) при соотношении с другими объединениями Особенной части УК РФ являются особая структура и цель преступной деятельности.

Литература:

1. Борисов С. В. Соотношение уголовно-правовых понятий «организованная группа», «преступное сообщество (преступная организация)» и «экстремистское сообщество» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — М.: Российская академия адвокатуры, 2010. — № 2. — С. 66–68.
2. Брсоян В. А. Уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью / В. А. Брсоян, А. А. Крюков // Сибирский юридический вестник. — 2004. — № 3. — С. 47–51.
3. Быков В. М. Организация преступного сообщества (преступной организации) // Законность. — 2010. — № 2. — С. 18–21.
4. Галиакбаров Р. Разграничение разбоя и бандитизма. Ошибка в теории ломает судебную практику // Российская юстиция. — М.: Юрид. лит., 2001. — № 7. — с. 56–57.
5. Гладких В. И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Рос. следователь, 2014. — № 5. — С. 34–38.
6. Дудина В. В. Отличие преступного сообщества от иных форм соучастия / В. В. Дудина // Право: история, теория, практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, июль 2016 г.). — СПб.: Свое издательство, 2016. — С. 80–83.
7. Жовнир, С. А. Понятие и признаки банды / С. А. Жовнир. // Труды Оренбургского института (филиала) московской государственной юридической академии. — 218. — № 37. — С. 118–137.
8. Мондохонов А. Н. Ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней): науч.-практич. комментарий / А. Н. Мондохонов. — М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2011. — 159 с.
9. О противодействии терроризму: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ. [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.11.2020).
10. Попов В. А. Преступное сообщество (преступная организация): вопросы теории и практики: дис... канд. юр. наук. — Екатеринбург, 2016. — 194 с.
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 17.01.1997 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php/> (дата обращения 20.11.2020);
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 от 09.02.2012 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php/> (дата обращения 20.11.2020).
13. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 11 от 28.06.2011 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного суда РФ. URL: <http://www.vsrfr.ru/second.php/> (дата обращения 20.11.2020);
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 от 10.06.2010 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.11.2020);
15. Приговор Буйнакского городского суда Республики Дагестан от 28.11.2013 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 04.12.2020).
16. Приговор Волгоградского областного суда от 25.10.2011 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 04.12.2020).
17. Приговор Московского областного суда от 26.03.2016 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 25.11.2020);
18. Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 03.04.2012 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 25.11.2020).
19. Рязанов Н. С. Проблемы квалификации преступлений по ст. 210 УК РФ / Н. С. Рязанов // Вестник Омского университета. Серия «Право», 2014. — № 1 (38). — 232–236 с.;
20. Сальникова Н. И. Незаконное вооруженное формирование не является разновидностью преступного сообщества // Рос. следователь, 2005. — № 3. — С. 20–22.
21. Токманцев Д. В. Признаки преступного сообщества / Д. В. Токманцев // Уголовное право, 2016. — № 5. — С. 69–77.
22. Якушева Т. В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации): диссертация... канд. Юр. наук. — Краснодар, 2016. — 219 с.

Незаконная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации

Шемякина Людмила Николаевна, студент магистратуры

Российский государственный университет имени Косыгина А. Н. (Технологии. Дизайн. Искусство) (г. Москва)

Общезвестно, что миграция населения — сложное и многогранное явление, затрагивающее многие сферы жизнедеятельности общества. Несмотря на то, что миграционные процессы в целом имеют позитивный характер, очевидно, что последствия незаконной миграции антисоциальны. Незаконная миграция, в частности, в политической сфере выступает в качестве непосредственной угрозы территориальной целостности и геополитическим интересам России; в экономической сфере способствует расширению масштабов «теневой» экономики, изъятию из финансового оборота значительной доли денежных средств (уклонение от уплаты налогов, вывоз денег за рубеж и пр.), обострению ситуации на рынке труда и в целом криминализации экономики; в социальной сфере приводит к усилению социальной напряженности, обострению межнациональных отношений, ухудшению криминальной обстановки в государстве.

В настоящей статье рассмотрена незаконная миграция как угроза национальной безопасности Российской Федерации, а также пути противодействия ей.

Ключевые слова: миграция, национальная безопасность, мигранты, незаконная миграция.

Ученые и специалисты под мигрантом понимают физическое лицо, которое осуществило пространственно-территориальное перемещение за пределы своего постоянного места жительства на срок не менее 24 часов [9, с. 112].

Правовой статус мигранта — это сложная юридическая конструкция, отражающая связь определенного лица с обществом, государством и конкретизирует права и обязанности мигранта, а также особенности их реализации.

Российская Федерация является одной из самой принимающей стран по количеству приезжающих мигрантов, куда приезжают иностранные граждане на постоянное место жительства. Однако, Российская Федерация также и отдает большое количество своих граждан для эмиграции в такие страны, как Израиль, США и Канада. В настоящее время россияне стали активно покидать страну, а также Россия стала транзитным пунктом между Европой и Азией.

Определение «нелегальные мигранты» включает в себя людей, которые незаконно пересекли границу государства, а также лица, оказавшиеся на территории государства на законных основаниях, но нарушившие порядок пребывания в данной стране.

Стать нелегальным мигрантом лицо может тремя способами: незаконное пересечение границы; законное пересечение границы, но нарушение сроков визы или отсутствие регистрации; получение учебной визы и осуществление иного вида деятельности. Существует путаница в терминологии в сфере незаконной миграции, что создает сложности на практике и споры между научными деятелями.

В России использовался термин «нелегальная миграция», но данный термин был уязвимым моментом для стран бывшего СССР, поскольку граждане оказывались на территории России законным способом, но нахождение их было нелегальным из-за условий безвизового режима. В период 1990–2000 гг. стал использоваться термин «незаконная миграция», то есть недокументированная и неучтенная. Данный термин был предложен международными организациями, которые солидарны в том, что границу мигранты пересекают законно, но осуществляют деятельность незаконно [6, с. 24].

Определяется три вида мигрантов в Российской Федерации, основываясь на причине установления статуса нелегала: нелегальное пересечение границы, нелегальное пребывание на территории РФ, осуществление нелегальной занятости. Российская Федерация — страна, в которой в 2020 году установлена высокая концентрация нелегальных мигрантов, поскольку является условным центром притяжения для бывших стран «союзников».

Согласно исследованиям, около 90% мигрантов являются гражданами именно стран бывшего СССР, остальные 10% мигрантов — это граждане из стран дальнего зарубежья: Китай, Бангладеш, Индия и Пакистан. Незаконную трудовую деятельность зачастую осуществляют граждане ближнего и дальнего зарубежья, ее нарушение заключается в том, что иностранное лицо осуществляет коммерческую, предпринимательскую и иные виды деятельности без разрешения на работу, без патента и без оплаты налогов.

Поэтому, понятие «незаконная миграция» можно рассматривать как процесс перемещения населения из одного государства в другое с нарушением существующих международных и национальных правовых норм, то есть это нахождение на территории Российской Федерации незаконных мигрантов.

Присутствие незаконных мигрантов в стране порождает собой целый ряд угроз безопасности государства.

Во-первых, незаконная миграция влияет на политическую сферу, выступая угрозой геополитическим интересам страны и ее международному статусу.

Во-вторых, в экономической сфере увеличиваются масштабы теневой экономики, значительная доля денежных средств «утекает» из финансового оборота страны.

В-третьих, для социальной сферы незаконная миграция вызывает рост таких явлений как безработица, социальная напряженность и ксенофобия.

Также ухудшается санитарно-эпидемиологическая обстановка из-за распространения острых инфекций и нетрадиционных для России заболеваний. Увеличивается международная преступность по следующим видам: наркобизнес, торговля людьми, акты терроризма, вооруженные нападения с национально-этническим

характером, появляется межконфессиональная напряженность, приобретающая насильственный характер [6, с. 24].

В настоящее время незаконная миграция рождает острую социальную проблему, значение которой возрастает в глобальном масштабе. В миграционном обмене участвует подавляющее большинство стран мира. Основными причинами миграции при этом являются серьезные экономические и политические кризисы. К эмиграции людей подталкивают голод, политические репрессии, межэтнические конфликты.

Главным шагом в совершенствовании и развитии миграционной политики стало принятие Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, в которой изложены идеи и предложения об усовершенствовании эффективности регулирования миграции, а также минимизации различного рода рисков, таких как социальные, правовые, культурные, экономические, политические, которые связаны с присутствием мигрантов на территории России [8, с. 131].

Противодействие незаконной миграции должно носить комплексный характер и включать в себя систему механизмов, для наиболее эффективного и достаточного разрешения проблемы и предотвращения угроз:

- необходимо ужесточение административной ответственности в отношении работодателей, которые нанимают нелегальных мигрантов, не имеющих разрешения на работу;
- разрешение и стимулирование въезда мигрантов именно в те регионы, в которых наблюдается дефицит рабочей силы;
- усиление контроля за: целью прибытия мигрантов, причиной выбытия из своей страны, а также составом прибывших мигрантов, особенно тех, кто впервые въезжает в страну;
- стимулирование притока высококвалифицированных специалистов с уровнем профессионализма, который соответ-

ствует экономическим целям и задачам инновационного развития страны;

— усиление работы по депортации граждан, если ими было не соблюдено и нарушено законодательство страны, при этом такой процесс должен носить невозвратный характер;

— реализация политики квотирования или ограничения въезда иностранных граждан на территорию страны с учетом национальных интересов [7, с. 119].

Кроме того, в отношении приезжих мигрантов можно применить такую новую миграционную процедуру как обязательное дактилоскопирование, для увеличения эффективности работы органов внутренних дел при выявлении лиц, которые скрывают свои данные, или которые пытаются покинуть территорию государства по поддельным, чужим документам, или которые ранее совершили правонарушение в отношении Российской Федерации.

Еще важной процедурой является подтверждение владения русским языком, знаний истории России и основ российского законодательства у приезжающих мигрантов.

При успешном прохождении этой процедуры выдается соответствующий сертификат, который необходим лицам, претендующим на получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу [9, с. 112].

Таким образом, незаконная миграция — это сложное политическое, экономическое и социальное явление, влияющее на национальную безопасность государства. Для организации этой работы необходимо полностью сформировать нормативно-правовое регулирование процесса миграции и борьбы с незаконными мигрантами. Борьба с данным процессом должна быть комплексной, при выявлении угроз и их предотвращении должны использоваться механизмы из различных сфер жизни общества.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63 — ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 30. — Ст. 3285.
3. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032.
4. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 45. — Ст. 6917.
5. Аксёнов А. А. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России // В сборнике: Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации. Материалы 6-й Международной студенческой научно-практической конференции. Государственный университет управления. — 2019. — С. 90–95.
6. Бугаевская Н. В., Батова Е. В. Правовые основы борьбы с незаконной миграцией // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. В. Кабакова. — 2019. — С. 24–31.
7. Лучшев С. П. Социально-политические и военные угрозы незаконной миграции для безопасности Российской Федерации // В сборнике: Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации. Материалы 6-й Международной студенческой научно-практической конференции. Государственный университет управления. — 2019. — С. 119–125.
8. Маюров Н. П., Прудников А. С. Организационно-правовые меры противодействия незаконной миграции в современной России // В сборнике: Актуальные проблемы юридической науки и практики. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. В 2-х томах. — 2019. — С. 131–134.

9. Прудников А. С., Шагиева Р. В. Противодействие незаконной миграции и пути его совершенствования//В сборнике: Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества. Материалы Международного форума. Под общей редакцией П. В. Терелянского. — 2019. — С. 112–115.
10. Сафарова С. Современное состояние и перспектива сокращения незаконной миграции в Российской Федерации//В сборнике: Организация Объединенных Наций и глобальные проблемы человечества в XXI веке. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Р. В. Нигматуллин. — 2019. — С. 223–227.
11. Чанбарисов А. Т. Международно-правовые основы противодействия незаконной миграции//В сборнике: Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы. материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному году языков коренных народов. — 2019. — С. 350–357.

Перспективы развития исполнительного производства

Шепелёва Олеся Александровна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

Автор статьи проводит анализ перспектив развития исполнительного производства. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования исполнительного производства в Российской Федерации.

Ключевые слова: исполнительное право, ФССП, судебные приставы.

Вопросы исполнительного производства занимают одно из ключевых и в настоящее время крайне уязвимых мест в механизме правовой защиты граждан и юридических лиц, что актуализирует задачу построения эффективной модели исполнительного производства, важным и необходимым элементом которой является внедрение информационных технологий. Тенденция к совершенствованию методов исполнительного производства является общемировой. На современном этапе развития информационных технологий большинство зарубежных моделей принудительного исполнения судебных актов, в том числе и российская модель, строятся на основе постепенного перехода исполнительного производства в электронно-цифровую среду [1].

Исполнительное производство регулирует исполнительное право, представляющее собой одну из самых молодых отраслей российского права. Следует отметить, что закон в этой сфере в настоящее время достиг определенной степени совершенства, позволяющего теоретически говорить о возможности достижения справедливости. Однако практическая сторона дела лишена безукоризненности [2].

Исполнительное производство как правовое явление главным образом изучалось представителями науки уголовного и гражданского (арбитражного) процессуального права, которые, как правило, под ним понимают особого рода деятельность, направленную на достижение определенного результата, отраженного в правоприменительном акте судебного органа, завершающую стадию соответствующего вида судопроизводства. Некоторые правоведы вводят в научный оборот термин «исполнительное право», предметом которого являются общественные отношения, направленные на принудительное исполнение судебных актов и актов иных органов (должностных лиц), основным специальным правовым источником которого в настоящее время является Федеральный закон «Об исполни-

тельном производстве», предлагается издание Исполнительного кодекса [3].

Исполнение судебных решений, или исполнительное производство, — это важнейший составной элемент любого судебного процесса, имманентно присущий ему, поскольку не будет смысла и целесообразности в существовании судебной системы и правосудия в целом, если судебные постановления (решения, приказы, приговоры и др.) не будут исполняться. Принимая во внимание целую систему факторов (финансовые трудности должника, психологические особенности личности и т.д.), можно резюмировать, что институт принудительного исполнения судебных решений не утратит своей актуальности на протяжении всего существования и развития правосудия [4].

Исполнительное производство может сопровождаться совокупностью административно-правовых, уголовно-процессуальных и превентивных мер, позволяющих как обнаружить имущество должника, так и принудить последнего к совершению предписанных действий [5]. Однако эффективность данных мер на современном этапе развития исполнительного права имеет ряд существенных недостатков межотраслевого характера. Между тем в настоящее время назрела острая необходимость в правовых средствах, способных снизить колоссальную нагрузку, приходящуюся на судебных приставов-исполнителей. Непринятие своевременных мер в данном направлении приведет к существенному снижению эффективности исполнительного производства, что недопустимо в связи с его высокой правовой и социальной значимостью [6].

Так, сегодня существует необходимость повысить прозрачность и доступность системы принудительного исполнения, уровня оперативности действий должностных лиц ФССП России в ходе принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также исключение

случаев предъявления на принудительное исполнение в ФССП России поддельных исполнительных документов.

В настоящее время ФССП России обеспечен переход на полноценный электронный документооборот с основными контрагентами, направляющими исполнительные документы на принудительное исполнение, — ФНС России, Главным управлением обеспечения безопасности дорожного движения МВД России, ФАС России и другими.

Данный переход позволил сократить сроки обмена процессуальными документами, исключить факты их утраты при передаче, обеспечить своевременную регистрацию исполнительных документов, минимизировать влияние человеческого фактора на процесс принудительного исполнения, а также существенно сократить значительные ресурсные и временные затраты.

Соответствующий вид исполнительного документа в настоящее время внедрен в автоматизированную информационную систему ФССП России.

Вместе с тем, существует необходимость скорректировать положения абзаца 1 части 5 статьи 23 Федерального закона от 4 июня 2018 г. №123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», предусмотрев, что удостоверение не выдается потребителю финансовых услуг и не направляется финансовым уполномоченным для принудительного испол-

нения в ФССП России в случае приостановления исполнения решения финансового уполномоченного в соответствии с настоящим Федеральным законом, а также в иных случаях, предусмотренных процессуальным законодательством Российской Федерации.

Данное совершенствование будет способствовать:

- сокращению сроков направления удостоверения финансового уполномоченного на принудительное исполнение до 1 суток за счет передачи в электронном виде, а также сокращению сроков их регистрации до 10 секунд и исключению ошибок, связанных с вводом необходимой информации вручную;
- повышению оперативности возбуждения исполнительного производства на основании удостоверений финансовых уполномоченных и исполнения требований, содержащихся в данных исполнительных документах;
- повышению прозрачности процедуры принудительного исполнения указанных исполнительных документов за счет исключения предъявления поддельных удостоверений от имени финансового уполномоченного;
- снижению количества отказов в возбуждении исполнительного производства за счет автоматизированного контроля за содержанием удостоверения финансового уполномоченного при его вынесении в форме электронного документа.

Литература:

1. Цирина М. А. Цифровизация исполнительного производства // Международное публичное и частное право. — 2020. — № 1. — С. 42–45.
2. Артебякина Н. А. Нарушение прав взыскателя и должника при взыскании задолженности в рамках исполнительного производства // Юрист. — 2019. — № 10. — С. 9–13.
3. Бакурова Н. Н. Понятие исполнительного производства в административном процессе // Административное право и процесс. — 2019. — № 5. — С. 39–44.
4. Щепотьев А. В., Воронцова Н. В. Совершенствование нормативно-правового механизма осуществления исполнительного производства посредством внедрения инструментария «амнистии» задолженности должника // Право и экономика. — 2018. — № 11. — С. 73–79.
5. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. — М.: Статут, 2019. — 510 с.
6. Усов К. Ю. Введение в России института декларирования имущества должником: за и против // Вестник исполнительного производства. — 2019. — № 1. — С. 61–79.

Эффективность исполнительного производства

Шепелева Олеся Александровна, студент магистратуры
Пензенский государственный университет

Автор статьи проводит анализ эффективности исполнительного производства. Делается вывод о наличии проблем правового регулирования исполнительного производства в Российской Федерации.

Ключевые слова: исполнительное право, ФССП, судебные приставы.

Процессуальное законодательство в целом и законодательство об исполнительном производстве в частности в последнее время испытывают на себе значительное внимание со стороны профессионального юридического сообщества. Проводимая в настоящее время реформа гражданского и арби-

тражного процессуального законодательства воспринимается многими как своевременная и оправданная в первую очередь в связи с объективно сложившейся перегруженностью судов [1].

Исполнительное производство как комплексная отрасль российского законодательства находится на стыке судебной

и исполнительной власти, поскольку включает в себя деятельность как органов правосудия в части вопросов, отнесенных к их подведомственности, так и Федеральной службы судебных приставов — федерального органа исполнительной власти. Исполнительное производство является системой исполнительных действий, образующих в совокупности юридическую деятельность, происходящую на заключительной стадии судебного или иного правоприменительного процесса и в сфере деятельности органов исполнительной власти, направленную на обеспечение принудительного исполнения исполнительных документов судов и других принудительно исполняемых документов [2].

Нельзя не учитывать, что в современный период добиться стопроцентного исполнения исполнительных документов в России невозможно, поскольку реальность исполнения зависит, как уже отмечалось, от самых различных факторов, и при отсутствии либо недостаточности имущества должника, а также при использовании должником внешне законных способов сокрытия своего имущества исполнение фактически невозможно [3].

Исполнительное производство может сопровождаться совокупностью административно-правовых, уголовно-процессуальных и превентивных мер, позволяющих как обнаружить имущество должника, так и принудить последнего к совершению предписанных действий [4]. Однако эффективность данных мер на современном этапе развития исполнительного права имеет ряд существенных недостатков межотраслевого характера.

Между тем в настоящее время назрела острая необходимость в правовых средствах, способных снизить колоссальную нагрузку, приходящуюся на судебных приставов-исполнителей. Непринятие своевременных мер в данном направлении приведет к существенному снижению эффективности исполнительного производства, что недопустимо в связи с его высокой правовой и социальной значимостью [5].

Несмотря на значительные расходы бюджета, исполнительное производство в действующей модели не может быть эффективным. Высокий спрос на принудительное исполнение вкупе с недостатком мотивации пристава и низкой платежной культурой должника требует существенной перестройки системы. Один из возможных вариантов — внедрение частной системы исполнения. Такая система ставит агента исполнения в один ряд с иными людьми «свободных профессий» — аудиторами, арбитражными управляющими, адвокатами и нотариусами. Судебный пристав-исполнитель в этой системе самостоятельно организует и финансирует свою деятельность, а также несет ответственность за результаты своей работы. Подобная система успешно действует как в развитых европейских правовых системах (Франции, Нидерландах, Италии), так и в государствах — наследниках системы социалистического права (Литве, Польше, Казахстане). В последнее время с предложениями о реформировании системы в этом ключе выступали Дмитрий Аристов, главный судебный пристав РФ, эксперты

Центра развития стратегических инициатив, а также НАПКА. При этом их взгляды на будущую систему принципиально различаются. ФССП и ЦСР предлагают передать в частные руки взыскание долгов с юридических лиц. При этом ФССП продолжит работу с гражданами и взыскание долгов в пользу бюджета (включая налоги). НАПКА, в свою очередь, предлагает отдать частным судебным приставам работу с долгами на сумму до 10 млн рублей независимо от личности должника. В зоне ответственности ФССП останутся только социально значимые взыскания — алименты, пособия, публичные долги. Основой корпорации выступят действующие коллекторские агентства или объединения [6].

Подобной точки зрения также придерживается М. А. Ерохова, которая утверждает, что «на фоне недовольства многих взыскателей работой государственной службы судебных исполнителей в качестве альтернативы допустимо ввести в российский правовой порядок частных судебных исполнителей. Их задача — взять на себя те функции по исполнению, с которыми государственные исполнители справляются наименее успешно. Полномочие, которое в любом случае должно остаться у государства, — это привлечение должника к административной ответственности за неисполнение решения суда» [7].

Интересную модель исполнительного производства предлагает М. А. Подлипная, которая утверждает, что «вопрос об эффективности исполнительного производства зависит не от частной или публичной модели исполнения, а от баланса прав и обязанностей взыскателя, должника, суда и судебного пристава-исполнителя. Действительно, баланс прав и обязанностей складывается не в пользу судебного пристава-исполнителя, поэтому в ближайшем будущем мы должны отказаться от прокредиторского исполнительного производства. Одним из принципов исполнительного производства является принцип преимущественной защиты интересов взыскателя, который назван в постановлениях Конституционного Суда РФ. Если интересам взыскателя предоставляется преимущественная защита, исполнительное производство возбуждается в интересах взыскателя, то взыскатель и должен нести бремя содержания исполнительного производства вплоть до его удачного завершения. Естественно, когда у должника отсутствует имущество для погашения задолженности, риск остается на взыскателе, уплаченный им исполнительский сбор из бюджета не возвращается» [8].

Таким образом, в настоящее время современные обстоятельства обуславливают фундаментальные исследования проблем кодификации законодательства об исполнительном производстве. Сегодня существует проблема эффективности исполнительного производства. Некоторые исследователи связывают это с раздутым законодательством, регулирующим исполнительное производство, с его пробельностью и отсутствием кодифицированного нормативно-правового акта. Заявленная проблема нуждается во всестороннем изучении и тщательной научной разработке [9].

Литература:

1. Гуреев В. А. Оптимизация исполнительного производства и упрощение процедур взыскания Федеральной службой судебных приставов: вызовы, проблемы и пути их решения // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2018. — № 8. — С. 3–9.

2. Исполнительное производство: Учебник / К. Л. Брановицкий, Д. В. Бурачевский, В. В. Долганичев и др.; под общ. ред. В. В. Яркова. — М.: Статут, 2020. — 576 с.
3. Ярков В. В. Небюджетная (частноправовая) модель исполнения: пределы использования // Закон. — 2018. — № 8. — С. 71–78.
4. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. — М.: Статут, 2019. — 510 с.
5. Усов К. Ю. Введение в России института декларирования имущества должником: за и против // Вестник исполнительного производства. — 2019. — № 1. — С. 61–79.
6. Кудрявцева А., Подгорный А. В погоне за эффективностью // Банковское обозрение. — 2019. — № 1. — С. 92–93.
7. Ерохова М. А. О частных судебных исполнителях в российском правовом порядке // Закон. — 2018. — № 8. — С. 62–70.
8. Подлипная М. А. Анализ государственной программы юстиции и актуальные вопросы развития органов принудительного исполнения // Вестник исполнительного производства. — 2018. — № 2. — С. 27–49.
9. Васильев-Локосов А. Е. Проблемы кодификации законодательства об исполнительном производстве // Юстиция. — 2018. — № 1. — С. 58–71.

Договоры в российском праве в период COVID-19

Шнайдер Людмила Анатольевна, студент магистратуры
Российский государственный социальный университет (г. Москва)

Статья посвящена теоретико-правовым аспектам исполнения договоров в условиях неблагоприятной эпидемиологической обстановки, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19.

Ключевые слова: COVID-19, исполнение договора, самоизоляция, предприниматель, ограничительные меры.

Contracts in Russian law during COVID-19 period

The article is devoted to the theoretical and legal aspects of the execution of contracts in an unfavorable epidemiological situation caused by the spread of the coronavirus infection COVID-19.

Keywords: COVID-19, performance of the contract, self-isolation, entrepreneur, restrictive measures.

Влияние пандемии COVID-19 на договорные отношения приобретает сегодня особую актуальность. Это обусловлено тем, что в рамках современного мира как между физическими, так и между юридическими лицами заключается огромное количество договоров, и каждая из сторон соглашения заинтересована в исполнении договорных обязательств. Введенные в нашей стране, так и во всем мире в целом ограничения, вызванные беспокойной эпидемиологической обстановкой, не позволили многим сторонам по договору исполнить свои обязательства и привели к нарушениям по соглашениям.

Цель — выявить и определить, какие сегодняшние изменения были внесены в законодательство нашей страны в отношении договоров.

Необходимо отметить, что новый коронавирус, который не «сбавляет» свои обороты уже практически целый год, своим появлением существенно изменил привычную жизнь большого количества людей на нашей планете.

Так или иначе COVID-19 коснулся как обычных работников по найму, так и предпринимателей. Дело в том, что введенные по всему миру ограничения, привели к тому, что вся планета отправилась на вынужденную «самоизоляцию» или карантин. Различные направления оффлайн бизнеса получили от властей уведомления о необходимости прекращения своей деятель-

ности и, как следствие, должны были закрыть свои торговые и офисные площади [6].

Следует заметить, что произошедшие обстоятельства не только вылились в вышеуказанные проблемы (ограничение перемещения, социальное дистанцирование и т.д.), но и создали целый ряд проблем правового характера. Граждане нашей страны на фоне принятых государством мер, ограничивающих распространение инфекции COVID-19, столкнулись с невозможностью исполнения своих договорных обязательств по различным видам соглашений. Таким образом, свою актуальность получает вопрос, касающийся возможности непосредственного использования пандемии COVID-19 как основания для устранения ответственности за отказ от выполнения договорных обязательств, изменения их условий, или за просрочку указанного в договоре периода исполнения.

Итак, изначально следует обратить внимание на то, что в некоторых регионах нашей страны распространение коронавирусной инфекции законодательно было признано в качестве обстоятельства непреодолимой силы [5]. Так, например, уже в начале марта текущего года, мэром нашей столицы Собяниным С. С., был подписан Указ «О введении режима повышенной готовности» [1]. В соответствии с данным нормативно-правовым аспектом эпидемия COVID-19 была

законодательно закреплена в качестве чрезвычайного и непреодолимого обстоятельства. Отсюда следует, что для ограничения ее распространения вводится режим «повышенной готовности», который фактически и является обстоятельством непреодолимой силы.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что коронавирус в указе мэра Москвы — это обстоятельство чрезвычайного характера. Однако опять же мы говорим о развитии событий в конкретном регионе, упуская тот факт, что наличие подобных актов — это, как оказалось, единичный случай.

В процессе рассмотрения правовой проблематики особый интерес имеют позиции современных авторов, которые имеют собственные формулировки понятия «непреодолимая сила».

По мнению Богданова Д. В., которое он высказывает в своей диссертационной работе «Освобождение от ответственности и её исключение в российском гражданском праве», под «непреодолимой силой» следует понимать внешние по отношению к деятельности должника, являющиеся чрезвычайными и непредотвратимыми для него обстоятельства, которые, в свою очередь, исключают гражданско-правовую ответственность [3].

Нельзя не согласиться с определением, предложенным Захаровой О. Н., для обозначения понятия «непреодолимая сила». Так, Захарова, в рамках своего учебного пособия «Договорные и внедоговорные обязательства» под непреодолимой силой понимает такое внешнее и объективное чрезвычайное обстоятельство, вредоносные последствия которого являются объективно непреодолимыми при сложившихся условиях [4].

Отметим, что Дмитриева О. В. в рамках своего труда «Ответственность без вины в гражданском праве» рассматривает непреодолимую силу как особое и специфическое основание освобождения, т.е. определенный «квалифицированный случай». В свою очередь, Дмитриева в качестве основного признака, отграничивающего «непреодолимую силу» от «простого» случая, выделяет признак «внешнего происхождения обстоятельства непреодолимой силы по отношению к деятельности правонарушителя» [7].

Отметим, несмотря на наличие различных трактовок, понятия «непреодолимая сила» в рамках исследований разных отечественных ученых-цивилистов в российском законодательстве по-прежнему отсутствует закреплённое понятие непреодолимой силы. Подобные обстоятельства при этом прослеживаются в виде так называемых отсылок, которые имеют место в правовых нормах различных действующих российских законов.

Итак, следует разобраться, что все-таки может быть отнесено к форс-мажорным обстоятельствам. Для этого следует обратиться к п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее ВС РФ) от 24.03.2016 № 7, который повторял п. 3 ст. 401 ГК РФ. До выхода нового Обзора ВС РФ (21 апреля 2020 г.) [2] к обстоятельствам непреодолимой силы не могли быть отнесены следующие предпринимательские риски: отсутствие необходимых материалов; нарушение обязанностей соглашения со стороны контрагентов должника; изменение курса национальной валюты по отношению к другим иностранным денежным единицам; финансовый кризис; девальвация; деяния преступного характера, совершение которых выполнено

неустановленными лицами, исключенные сторонами из соглашения обстоятельства.

В соответствии с проведенным анализом нового Обзора ВС РФ, можно обратить внимание на тот факт, что признание распространения COVID-19 форс-мажором не может быть универсальным для всех категорий должников. При этом вне зависимости от типа деятельности должников, условий их непосредственной реализации, региона, в котором работает организация. В связи с чем существование форс-мажора должно устанавливаться судом в соответствии с учетом тех или иных обстоятельств по конкретному делу.

Как следует из разъяснения высшей судебной инстанции нашей страны, на сторонах договора, заинтересованных в его исполнении, по-прежнему остается необходимость доказывания как факта, подтверждающего наличие действий непреодолимой силы в виде пандемии COVID-19 и введенных на фоне ее распространения ограничительных мер, так и собственного поведения, которое имело место при данных сложившихся обстоятельствах.

На основании вышеизложенного, можно проследить, что особую важность приобретает вопрос, касающийся квалификации факта распространения коронавируса. В то же время, не менее важным можно назвать введения, связанные с этими мерами, имеющими ограничительный характер в качестве обстоятельств непреодолимой силы или форс-мажора в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ при исполнении гражданско-правовых обязательств.

В ходе анализа п. 3 ст. 401 ГК РФ можно прийти к выводу, что орган судебной власти предоставляет оценку обстоятельств непреодолимой силы для каждого случая индивидуально. Таким образом, суд при вынесении решения обращает особое внимание на доказательства, которые были предоставлены сторонами по договору. Важно, что, возвращаясь к указу мэра Москвы «О введении режима повышенной готовности», в рамках которого распространение COVID-19 считается непредотвратимым и чрезвычайным обстоятельством, в действительности не влечет за собой автоматической квалификации судебным органом рассматриваемого обстоятельства в качестве форс-мажора. Однако будем считать, что данный региональный акт в дальнейшем может выступить в качестве привилегированного доказательства, которое будет рассматриваться судом как подтверждение наличия в определенный период времени обстоятельства непреодолимой силы.

Отметим, что в соответствии с п. 3 ст. 401 ГК РФ реализуется процесс разрешения вопросов, касающихся исключительно ответственности за ненадлежащее исполнение либо неисполнение того или иного обязательства вследствие наступления форс-мажора. Тем не менее, вопрос, касающийся именно прекращения договора в данной ситуации, должен быть рассмотрен в отдельном порядке. Однако он может быть назван не менее важным, так как только если будет прекращен договор, то исключительно при таких обстоятельствах компания сможет, к примеру, потребовать возвращения всей суммы изначально внесенной предоплаты.

Таким образом, возможны следующие варианты развития событий:

1. Прекращение обязательств вследствие невозможности их исполнения (ст. ст. 416, 417 ГК РФ).

2. Изменение или расторжение договора в связи с существенными изменениями обстоятельств (ст. 451 ГК РФ).

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что текущая практика, касающаяся разрешения спорных ситуаций в связи с коронавирусной пандемией, еще пока не сформировалась. На сегодняшний день судебные органы только возвращаются

к возобновлению своей работы после вынужденных ограничительных мер, поэтому судебные решения, касающиеся исполнения договоров начнут появляться, по большей мере, только в начале 2021 года. В настоящее время те организации, которые еще не успели решить вопрос по договорам и ожидают судебных тяжб, должны заняться сбором доказательств, так как это будет решающим фактором при вынесении судебного решения.

Литература:

1. Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ (ред. от 06.10.2020) «О введении режима повышенной готовности» // СПС Консультант Плюс.
2. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vsrfr.ru/documents/thematics/28857/> (дата обращения 17.12.2020).
3. Богданов Д. В. Освобождение от ответственности и её исключение в российском гражданском праве [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005482052.pdf (дата обращения 16.12.2020).
4. Захарова О. Н. Договорные и внедоговорные обязательства: учеб. пособие / О. Н. Захарова, Т. Ю. Елифанцева. — Иркутск: Изд-во БГУ. — 2019. — 101 с.
5. Идрисов Х. В. Пандемия коронавируса 2019-nCoV (COVID-19) как обстоятельство непреодолимой силы // Х. В. Идрисов. — Lex Russica. 2020. № 8 (165). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pandemiya-koronavirusa-2019-ncov-covid-19-kak-obstoyatelstvo-nepreodolimoj-sily> (дата обращения: 17.12.2020).
6. Коронавирус и существенное изменение обстоятельств [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.law.ru/blog/22273-koronavirus-i-sushchestvennoe-izmenenie-obstoyatelstv> (дата обращения 17.12.2020).
7. Крысанова Н. В. 98. 02. 031. Дмитриева О. В. Ответственность без вины в гражданском праве: учеб. Пособие. Воронеж: Изд-во ВВШМВД РФ, 1997. 136с. Библиогр.: С. 124–136 [Электронный ресурс] // Н. В. Крысанова. — Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 1998. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/98-02-031-dmitrieva-o-v-otvetstvennost-bez-viny-v-grazhdanskom-prave-ucheb-posobie-voronezh-izd-vo-vvshmvd-rf-1997-136s-bibliogr-s-124-136> (дата обращения: 17.12.2020).

Вопросы местного значения как предметная основа референдума, проводимого в муниципальном образовании

Яшин Андрей Дмитриевич, студент магистратуры
Московский гуманитарный университет

В статье дается теоретико-правовая характеристика вопросов местного значения как особой предметной составляющей референдума, проводимого в муниципальном образовании.

Ключевые слова: референдум, вопросы местного значения, голосование, актуальность, народовластие, местное сообщество.

Issues of local significance as the subject basis of the referendum held in municipal union

The article provides a theoretical and legal description of local issues as a special subject component of the referendum held in the municipality.

Keywords: referendum, local issues, voting, relevance, democracy, local community.

Объявление Российской Федерации на высшем уровне демократическим и правовым государством (ст. 1 Конституции Российской Федерации [1], далее — Конституция РФ, Основной закон) предъявляет особые требования к формиро-

ванию, законодательной регламентации и практике задействования демократических институтов на любых уровнях.

Законодательное закрепление местного самоуправления в качестве одной из важнейших основ народовластия продиктовано

его возрастающей ролью как способа жизнедеятельности муниципального сообщества, ориентированного на самостоятельное и под свою ответственность решение вопросов местного значения. Подобные установки находят отражение в местном референдуме.

Законодательная регламентация местного самоуправления в его традиционной демократической форме в системе организации публичной власти закреплена в Конституции РФ. В главе 8 Основного закона страны предусмотрена функциональная направленность местного самоуправления — «обеспечение решения вопросов местного значения». При этом категориальное понятие «вопросы местного значения» и его содержание в Конституции РФ не раскрываются [9].

Проблема определения перечня и специфики вопросов местного значения решается посредством того, что нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований может быть закреплён перечень этих вопросов, в т.ч. решаемых исключительно на референдуме [8].

В настоящее время вопросы местного значения наряду с полномочиями органов местного самоуправления представляют собой один из базовых элементов конституционного и муниципального права, определяющих развитие этих отраслей юридического знания [7].

Предметной основой местного референдума являются вопросы местного значения, к которым, как можно заключить из содержания ст. 2 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2] (далее — ФЗ № 131) относятся вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией РФ и данным Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

Вопросы местного значения как предметная основа референдума, проводимого на территории муниципального образования, обладают следующими особенностями:

а) они касаются жизнедеятельности населения конкретного муниципального образования (а не субъекта РФ или государства в целом);

б) решение по ним принимается населением или органами местного самоуправления самостоятельно под свою ответственность;

в) принятие решений по этим вопросам не всегда является исключительно предметной компетенцией референдума, при определенных обстоятельствах эти вопросы могут быть рассмотрены с принятием соответствующего решения органами местного самоуправления;

г) эти вопросы регламентируются Конституцией РФ (вопрос о муниципальной собственности), ФЗ № 131, законами субъектов о местном самоуправлении; отдельные аспекты, касающиеся этих вопросов, могут быть урегулированы представительными органами местного самоуправления;

д) принятое по ним на референдуме решение является окончательным, если не будет отменено судом;

е) решение вопросов местного значения олицетворяет собой критерий эффективности и целесообразности складывающихся форм осуществления власти на местах;

ж) вынесение рассматриваемых вопросов на местный референдум представляет собой единение общедемократического опыта и национально-исторической практики народовластия.

На современном этапе трансформации конституционной модели местного самоуправления можно вести речь о проявлении особого кумулятивного эффекта — института муниципальной (местной, поселенческой) демократии, ориентированной на решение вопросов местного значения.

Вопросы местного значения многоаспектны, в связи с чем видится целесообразным разграничение их в зависимости от содержания, порядка решения и правового режима реализации принятых с этой целью решений.

Первая группа: вопросы, находящиеся в непосредственном ведении муниципального образования, решаемые населением непосредственно под свою ответственность либо через своих представителей в органах местного самоуправления без вмешательства органов публичной власти. Эти вопросы перечислены в ст. ст. 14–16, 16.2 ФЗ № 131. В частности, это вопросы, касающиеся: установления, изменения и отмены местных налогов и сборов поселения; владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в муниципальной собственности поселения; организации в границах поселения электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, водоотведения, снабжения населения топливом в пределах полномочий, установленных законодательством РФ и др..

Вторая группа: вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения, право на решение которых посредством за действия процедур местного самоуправления закреплено в ч. 1 ст. 14.1, ч. 1 ст. 15.1, ч. 1 ст. 16.1 ФЗ № 131. К вопросам подобного рода относятся вопросы, касающиеся создания музеев сельского поселения; совершения нотариальных действий, предусмотренных законодательством, в случае отсутствия в поселении нотариуса; участия в осуществлении деятельности по опеке и попечительству и др.

Третья группа: вопросы, не указанные в качестве вопросов местного значения, но закреплённые в федеральном законодательстве и нормативных правовых актах субъектов РФ.

Содействие жителей муниципальных образований и органов местного самоуправления в решении этих вопросов логически может быть выведено на основе анализа ст. 4 ФЗ № 131.

Четвертая группа: отдельные вопросы государственного значения, переданные органами местного самоуправления на основании федеральных законов и законов субъектов РФ (гл. 4 ФЗ № 131).

Пятая группа: иные вопросы, определяемые конкретной ситуацией местного самоуправления.

Принятие решений по наиболее важным вопросам местного значения жителями соответствующих муниципальных образований отражает два взаимосвязанных явления: народовластие и политическую свободу личности, проявляющуюся в ее волеизъявлении, например, при участии в референдуме и иных формах непосредственного выражения мнения (митинги, пикеты, демонстрации).

«Классически» вопросы референдума производны от категории «вопросы местного значения». В частности, Закон г. Москвы от 05.10.2002 № 56 «Об организации местного самоуправ-

ления в г. Москве» [3] к вопросам местного значения относит вопросы, связанные с непосредственным обеспечением жизнедеятельности жителей муниципального образования, решение которых в соответствии с настоящим Законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

Закон Ставропольского края от 16.02.2004 № 9-кз «О референдуме Ставропольского края и местном референдуме» [4] в ст. 3 «Вопросы референдума» устанавливает, что на краевой референдум могут быть вынесены только вопросы, находящиеся в ведении Ставропольского края как субъекта Российской Федерации или в совместном ведении Российской Федерации и Ставропольского края, если указанные вопросы не урегулированы Конституцией РФ, федеральным законом.

В законах отдельных субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении делается акцент на том, что на референдум могут быть вынесены исключительно наиболее важные вопросы местного значения. В частности, такая норма включена в Закон Владимирской области от 29.06.1999 № 24-ОЗ «О местном самоуправлении во Владимирской области» [5] (ч. 1 ст. 34).

Объективно оценивая процедуру выбора вопросов, выносимых на обсуждение в формате местного референдума, можно отметить, что многочисленные изменения и «улучшения» законодательства в этом направлении сыграли противоречивую роль, обеспечив отбор действительно актуальных проблем, но существенно усложнив порядок проведения данного мероприятия.

На современном этапе развития российской государственности и местного самоуправления существует серьезная

проблема, заключающаяся в ограниченных возможностях отдельных регионов (значит — и расположенных на их территориях муниципальных образований) по использованию возможностей современных информационных технологий, киберкоммуникации для проведения местных референдумов, в т.ч. предварительного обсуждения и формирования перечня вопросов, выносимых для обсуждения на референдуме.

Переход на модернизированные рельсы анализа общественного мнения соответствует потребностям сложившейся информационной и научно-технологической ситуации в стране, а также является оптимальным способом решения проблем для отделенных ее территорий.

Результатом наличия такого рода проблем является нераскрытость и нереализованность потенциала местного референдума как формы демократии [10].

Е. В. Белоусова отмечает, что «цифровизация значительным образом упрощает анализ, прогнозирование и принятие управленческих решений, особенно, учитывая, что отдельные специфические проблемы муниципальных образований невозможно выявить без специальной аналитики, а цифровизация облегчает решение этой задачи» [6].

Следует признать, что использование потенциала цифровизации в технологиях подготовки и проведения референдума (особенно на современном этапе действия режима самоизоляции в связи с COVID-19) наряду с корректировкой отдельных положений Закона о принципах местного самоуправления способны сыграть позитивную роль в модернизации процесса проведения местных референдумов, а также использования потенциала этой формы народовластия.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (в ред. от 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст. 445.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 21.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. № 40.
3. Закон г. Москвы от 05.10.2002 № 56 «Об организации местного самоуправления в г. Москве (в ред. от. 20.11.2019) // Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 12.
4. Закон Ставропольского края от 16.02.2004 № 9-кз «О референдуме Ставропольского края и местном референдуме» (в ред. от 27.12.2019) // Ставропольская правда. № 35–36, 19.02.2004.
5. Закон Владимирской области от 29.06.1999 № 24-ОЗ «О местном самоуправлении во Владимирской области» (в ред. от 01.04.2004) // Вестник Законодательного Собрания Владимирской области. 1997. № 12.
6. Белоусова Е. В. Особенности цифрового документооборота на муниципальном уровне // Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений. XV международная научная конференция. Доклады и материалы (Москва 14–16 декабря 2019 г.) / под общ. ред. И. М. Ильинского. М.: МосГУ, 2019. С. 701–706.
7. Заболотских Е. М. Вопросы местного значения в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 3. С. 56–59.
8. Саубанов Р. Ф., Кудряшов Н. А. Право на местный референдум как муниципальное политическое право и его обеспечение органами местного самоуправления // Аллея науки. 2017. Т. 3. № 10. С. 600–603.
9. Фазлиева Л. К. Вопросы местного значения и вопросы ведения местного самоуправления: категориальное соотношение и содержание понятий // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 20. С. 26–30.
10. Шухман Э. А. Актуальные вопросы проведения местного референдума, как способа реализации права на местное самоуправление // Юридический факт. 2020. № 101. С. 3–10.

Пределы доказывания оказания помощи в предотвращении террористического акта

Яшонов Андрей Александрович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается статистика и виды уголовных дел по делам о террористических преступлениях, анализируются закономерности деятельности правоохранительных и судебных органов по доказыванию таких преступлений и виды используемых доказательств, а также теоретические вопросы методики расследования преступлений террористического характера.

Ключевые слова: доказывание, доказательства, террористическая деятельность, преступление.

Limits of proof of assistance in the prevention of a terrorist act

The article examines statistics and types of criminal proceedings in cases of terrorist crimes, analyzed patterns of proving such crimes by law enforcement and judicial authorities and the types of evidence used, as well as theoretical issues techniques of investigation of terrorist crimes cases.

Keywords: proof, evidence of terrorist activities a crime.

Целью доказывания оказания помощи в предотвращении террористического акта по уголовным делам о любых преступлениях является установление истины, на стадии предварительного следствия истина устанавливается в процессе следственных действий, в судебном следствии доказыванию подлежат обстоятельства, установленные ст. 73 УПК РФ.

Таким образом, перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию, является общим для всех составов преступлений, в то же время предмет доказывания существенно зависит от того, каким образом в Уголовном кодексе РФ сформулирован тот или иной состав преступления [8].

Предмет доказывания оказания помощи в предотвращении террористического акта по делам о террористических преступлениях регулирует закон. Процесс доказывания непосредственно в судебном заседании существенно зависит от полноты проведенного предварительного следствия, в ходе которого и возникает наибольшее число проблем.

При расследовании уголовных дел о преступлениях террористической направленности следователи и оперативные сотрудники сталкиваются с существенными трудностями, наиболее значительной из них является недостаточный объем исходной информации, ее противоречивость и вероятностный характер [3].

Уровень преступлений террористического характера непрерывно растет, так в 2016 г. было зарегистрировано 1127 преступлений террористического характера, в 2017 г. — 1531, в 2018–1633, по данным на август 2018 г. [9].

Данные статистики свидетельствуют об актуальности этого вопроса в виду нестабильной ситуации в мире в целом, необходимости тщательного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, связанных с преступлениями террористической направленности.

Большинство уголовных дел о преступлениях террористического характера, рассматриваемых окружным военным судом, связаны с публичными призывами или публичным оправданием терроризма (ст. 205.2 УК РФ). Так, из 65 уголовных дел преступления террористической направленности, рассмотренных окружным военным судом в 2018 г., 28 дел ка-

саются публичных призывов или публичного оправдания терроризма.

Согласно диспозиции ст. 205.2 УК РФ, объективная сторона преступления выражается в призывах к осуществлению террористической деятельности или публичном оправдании терроризма, или деяние может состоять из обоих признаков объективной стороны.

При поддержании государственного обвинения в судебном заседании государственному обвинителю необходимо сосредоточиться на исследовании и доказывании, в частности, следующих обстоятельств:

1) необходимо не только выявить, какие высказывания следует расценивать как призывы к осуществлению террористической деятельности, но и аргументировать, почему они являются таковыми, могли ли они воздействовать на волю людей, в каких фразах выражались и так далее;

2) согласно примечанию ст. 205.2 публичное оправдание терроризма должно свидетельствовать о признании подсудимым идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании;

3) действия подсудимого должны быть совершены публично, например с использованием сети «Интернет». Значительное количество этих дел касается опубликования на страницах в социальных сетях фраз и материалов, содержащих публичные призывы или публичное оправдание терроризма.

В доказывании составов преступлений, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ, используются протоколы осмотров страниц в социальных сетях и экспертные заключения, подтверждающие, что фразы, аудио или видеоролики содержат в себе публичные призывы или публичное оправдание терроризма. В ходе осмотров страниц в социальных сетях обязательно устанавливается факт доступности материалов, призывающих к террористической деятельности или оправдывающих терроризм, для публичного просмотра [2].

В случае если указанное деяние совершено с использованием средств массовой информации, то доказательствами должно также подтверждаться это использование. Согласно ст. 2 За-

кона РФ «О средствах массовой информации» под средством массовой информации понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием). При этом к средствам массовой информации относится любое периодическое печатное издание, вне зависимости от формы издания и от того, зарегистрировано ли оно как СМИ.

К другой крупной категории уголовных дел о преступлениях террористического характера, рассматриваемых окружным военным судом, относятся дела, которые связаны с организацией деятельности и участием в террористической организации (ст. 205.5 УК РФ). Из 65 уголовных дел о преступлениях террористического характера, рассмотренных окружным военным судом в 2018 г., 21 дело относится к организации деятельности и участию в террористической организации.

Уголовные дела данной категории возбуждаются, как правило, на основании представленных следователем результатов оперативно-розыскной деятельности. Наиболее распространенным поводом для возбуждения этих уголовных дел служат рапорта об обнаружении признаков преступлений.

Следует заметить, что материалы оперативно-розыскной деятельности, служащие основанием для возбуждения уголовных дел, широко используются в доказывании по делам о преступлениях террористического характера. Более того, использование в доказывании по данным уголовным делам информации, полученной оперативно-розыскным путем, строго говоря, становится объективной необходимостью, так как раскрытие многих опасных преступлений, например террористических актов, только традиционными процессуальными средствами бывает трудноосуществимо. Также, по мнению С. И. Захарцева, рост террористической угрозы вынуждает органы предварительного следствия использовать более надежные доказательства, такие как материалы оперативно-розыскной деятельности, вербальные же доказательства составляют меньшую часть всей доказательственной базы [5].

К таким материалам относятся аудио- или видеозаписи, зафиксированные на дисках, их стенограммы. Эти материалы содержат данные, которые подтверждают факты членства лиц в деятельности террористической организации. На них обычно фиксируются различные мероприятия (конференции, собрания, пикеты), проводимые террористическими организациями [2].

Другими доказательствами, которые активно используются в доказывании данной категории дел и подтверждают виновность лиц, являются экспертные заключения и протоколы обысков.

Так, после задержания членов террористической организации в их местах проживания незамедлительно производятся обыски, в результате которых обнаруживаются и изымаются предметы, прежде всего, литература, относящиеся к идеологии организации, непосредственно связанные с ней и ее деятельностью, составляются протоколы обысков. Изъятые предметы осматриваются и направляются на экспертизы. А затем уже экспертными заключениями, как правило, подтверждается, что

данные книги принадлежат к идеологическим источникам террористической организации [1].

В своей совокупности подобные протоколы обысков и экспертные заключения подтверждают факт наличия у лиц тех или иных источников, предметов, относящихся к организации, признанной террористической, что, в свою очередь, дополнительно свидетельствует об их членстве в террористической организации.

Важную роль в процессе доказывания преступлений террористической направленности является работа с обвиняемым (подсудимым).

Процесс допроса лица, совершившего преступление, четко регламентирован УПК РФ. На практике допрос обвиняемого может стать существенной проблемой для органов предварительного следствия, ввиду того, что большинство лиц, совершающих указанные преступления, являются конфликтными и склонны к проявлению агрессии.

Применение же насилия со стороны органов следствия недопустимо, поскольку доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания (ст. 73 УПК РФ). 52% следователей, 65% прокуроров и 51% судей поддерживают предложение о применении в данной ситуации института крайней необходимости.

Еще одним видом дел, рассматриваемых по уголовным делам террористической направленности, являются уголовные дела, рассматриваемые с применением особого порядка судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ) [4].

Обращение обвиняемого с ходатайством о заключении досудебного соглашения уже само по себе является свидетельством о доказанности обвинения, что значительно упрощает работу органов предварительного следствия, а также работу государственного обвинителя в суде.

Заключается большое количество досудебных соглашений с последователями радикального ислама. Это в основном молодые люди, поддавшиеся воздействию псевдорелигиозных деятелей, совершившие поджоги или попытки организации взрывов различных крупных учреждений. Заключение досудебного соглашения в данном случае помогает раскрыть не одно преступление, а, как правило, ведет к выявлению различных преступных группировок, преступных сообществ, террористических организаций. Так, если отдельные члены террористического сообщества или организации заключают досудебное соглашение, органам предварительного следствия остается лишь совершить определенные действия для установления всех соучастников — членов террористической организации, и их задержания, изъятия экстремистской литературы, оружия, что может вести к полной ликвидации террористической организации.

Очевидно, что досудебное соглашение является одним из наиболее благоприятных исходов для расследования уголовных дел террористической направленности, позволяющее изобличить не только одиночного члена террористической организации, но и всю организацию в целом. Так, необходимо повышенное внимание уделять мерам безопасности по охране и защите жизни

и здоровья лица, заключающего подобное соглашение. Как оказалось, строго доминирующим будет сотрудничество участников между собой — отказ от дачи показаний. То есть члены террористических организаций или сообществ будут бояться заключать указанное соглашение, пока существует возможность мести им за показания, данные против соучастников [6].

Таким образом, процесс доказывания указанной категории уголовных дел определяется их спецификой. Наибольшее зна-

чение среди всего массива доказательств приобретают материалы оперативно-розыскной деятельности, которые в случае, если они получены с соблюдением закона, могут послужить весомым доказательством в судебном разбирательстве. Также широкое распространение приобретает институт досудебного соглашения, большое количество дел рассматривается в особом порядке, что является показателем доказанности обвинения и существенно разгружает суд и органы следствия.

Литература:

1. Багаутдинов Ф. Н., Нафиков И. С. Актуальные вопросы реализации в уголовном судопроизводстве досудебного соглашения о сотрудничестве // Российская юстиция. 2015. № 11.
2. Бурковская В. А., Маркина Е. А., Мельник В. В., Решетова Н. Ю. Уголовное преследование терроризма: Монография. М.: Юрайт, 2018.
3. Гатауллин З. Ш. Обеспечение законности производства отдельных следственных действий по делам о террористических преступлениях // Российский следователь. 2016. № 14 // СПС КонсультантПлюс.
4. Драпкин Л. Я. Криминалистика: Учебник / Л. Я. Драпкин, В. Н. Карагодин. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2018.
5. Захарцев с. И., Игнащенков Ю. Ю., Сальников В. П. Оперативно-розыскная деятельность в XXI в.: Монография. М., 2015.
6. Axelrod, Robert and Hamilton, William D. The Evolution of Cooperation. Science, 2018: 1390–1396. 1981.
7. Комментарий к Закону Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (постатейный) / Под ред. В. В. Погуляева. М.: Юстицинформ, 2014.
8. Курс уголовного процесса / Под ред. Л. В. Головки. М.: Статут, 2016 // СПС Консультант Плюс.
9. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] Официальный сайт Генеральной Прокуратуры РФ URL: <http://crimestat.ru>

Проблемы квалификации террористического акта

Яшонов Андрей Александрович, студент магистратуры
Ульяновский государственный университет

В статье рассматривается проблема криминологического и юридического определения понятий терроризма. Уделено внимание исследованию направлений совершенствования законодательства.

Ключевые слова: террор, террористический акт, противодействие терроризму, преступления против общественной безопасности; уголовная ответственность

Problems of qualifying a terrorist act

The article deals with the problem of criminological and legal definition of terrorism. Attention is paid to researching the directions of improving legislation.

Keywords: terror, terrorist act, counteraction to terrorism, crimes against public safety; criminal liability

На сегодняшний день террористическая угроза приобретает масштабы мирового характера. Не обошла стороной эта опасность и Российскую Федерацию. В 90-х годах 20-го, а также в начале 21-го столетия наше государство неоднократно сталкивалось с совершением многочисленных террористических актов, в результате которых жертвами становились мирные граждане страны. Своими действиями террористы стараются посеять паническое настроение у мирного населения с тем, что государственная власть не в силах противостоять тер-

роризму и обеспечить защиту и безопасность общества, дестабилизировать межнациональную, политическую обстановку в России. Тотальными усилиями подразделений министерства внутренних дел и других специализированных ведомств и служб, Российская Федерация, на протяжении достаточно длительного времени противодействует террористической угрозе. Немалая роль в функционировании государственных и общественных структур по противодействию международному терроризму отводится международным организациям,

осуществляющих координацию между странами стран по пресечению и предупреждению этой всемирной угрозы. В этом направлении Российская Федерация так же активно развивает тесное международное сотрудничество со многими зарубежными странами и международными институтами.

Для обеспечения справедливого наказания за совершение общественно опасного, уголовно наказуемого, виновного деяния, необходима его правильная квалификация. При осуществлении квалификации преступления правоприменитель должен обладать высоким уровнем профессионализма, богатым практическим опытом, знать действующее законодательство и ориентироваться в нем [7]. Правильная квалификация террористического акта затруднена из-за ряда обстоятельств.

Во-первых, уголовно-правовая норма о террористическом акте, получившая формализацию в ст. 205 УК РФ, сконструирована таким образом, что устанавливает равную ответственность и за деяние, и за угрозу его совершения. Так, ч. 1 ст. 205 УК РФ содержит предписание об ответственности за «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угрозу совершения указанных действий в тех же целях»; ч. 2 и 3 ст. 205 УК РФ — за те же действия при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков. Это все приводит к тому, что как лица, совершившие террористический акт, так и лица, занимающихся вербовкой, склонением людей к терроризму, а также вооружением или подготовкой лица для совершения подобных преступлений, или финансированием терроризма — несут одинаковую ответственность [5].

Отдельно стоит отметить проблематику покушения на преступление, которые предусмотрены п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ, ч. 4 ст. 206 УК РФ и ч. 3 ст. 281 УК РФ. В данном случае будет отсутствовать логика при вменении лицу, совершающему покушение на террористический акт, захват заложника или диверсию сопряженные с умышленным причинением смерти человеку именно умышленного причинения смерти. Непосредственным дополнительным объектом подобных преступлений стала жизнь человека.

Во-вторых, в настоящее время субъективная сторона террористического акта характеризуется прямым умыслом и специальной целью, в качестве которой могут выступать альтернативно дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, либо воздействие на принятие ими решений. Пленумом Верховного Суда РФ обращено внимание судов на то, что названные цели являются обязательным признаком террористического акта.

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» закреплено несколько составов преступлений террористического характера. Название данной главы говорит о том, что к основному объекту охраны от преступлений террористической направленности следует относить общественную безопасность. В данном случае можно утверждать, что террористи-

ческие преступления можно отнести к разряду с наибольшей опасностью и угрозой для существования общественного миропорядка. В вышеуказанной главе Уголовного кодекса Российской Федерации закреплено несколько статей преступлений террористического характера, к ним относятся: ст. 205, ст. 205.1, ст. 205.2, ст. 205.3, ст. 205.4, ст. 205.5, ст. 205.6, ст. 207, ст. 211, ст. 277 УК РФ. Самым распространенным преступлением среди данной группы является террористический акт (ст. 205 УК РФ).

Являясь многоликим и сложным феноменом, осуществляющим преступные посягательства на многочисленные направления жизнедеятельности человека, террористический акт вместе с тем создает вопросы о том, какой состав должен включать в себя террористический акт, какие признаки, характеристики должны лежать в основе этого преступного деяния, закрепленного в уголовном законодательстве отдельной нормой.

Согласно статье 205 УК РФ под террористическим актом следует понимать: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [1].

Понятие террористический акт вытекает из более широкого определения, именуемого терроризм. Разграничение понятий террористический акт и терроризм отражено в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», где терроризм следует рассматривать как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанную с устрашением населения и иными формами противоправных насильственных действий» [2].

Важно отметить, что от точной квалификации террористического акта напрямую зависит положительный результат противодействия террористическим общественно опасным деяниям.

Стоит обратить внимание на проблему неточности определений, относящихся к статье 205 УК РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» рассматривая эту проблему, разъясняет, что деяния, указанные в статье 205 Уголовного кодекса РФ стоит квалифицировать как террористический акт только при наличии у лица цели воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями [1]. Кроме того, Верховный Суд РФ указывает, что «уголовная ответственность за совершение взрыва, поджога или иных действий подобного характера наступает только в тех случаях, когда данные действия оказывали на население устрашающий характер и создавали опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий» [3].

Также сложным понятием, толкование которого представляется весьма трудным, стоит рассматривать «устрашающий население характер». В Постановлении Пленума Верховного

Суда РФ вышеуказанное словосочетание раскрывается как действия, которые способны вызвать страх у людей за свою жизнь и здоровье, безопасность близких, сохранность имущества и т.п. В научной литературе понятие устрашение населения рассматривается как атмосфера общественного беспокойства, когда основной психологической основой считается страх, неуверенность, паника, граждан в безопасности своего здоровья и жизни, в защищенности прав и свобод, полное недоверие к органам власти, а также безысходное состояние и неуверенность в будущем [4].

Некоторые составы УК РФ наравне с террористическим актом совпадают по нескольким признакам, что в юридической практике нередко одно совершённое деяние может квалифицироваться ошибочно. В данном случае следует более внимательно рассматривать признаки объективной стороны сходных составов.

Например, по некоторым характеристикам объективной стороны террористический акт имеет достаточно много сходства с диверсией. Так, согласно ст. 281 УК РФ под диверсией понимается «совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва обороноспособности и экономической безопасности Российской Федерации». [5, с.555] Поэтому при квалификации стоит проводить более точное отграничение диверсии от террористического акта. Различия по объективной стороне между вышеуказанными составами можно определить в следующем:

поскольку диверсия рассматривается объективно в совершении взрывов, поджогов и иных общеопасных действий, то обозначенными действиями террористический акт не ограничивается, и он также может применять угрозу таковыми, кроме того, в широком значении террористическому акту присущи и иные насильственные действия, например: убийство, похищение детей и т.д.), а также угрозы их совершения;

при диверсии действия направлены на причинение вреда (повреждение и разрушение зданий, сооружений, объектов коммуникаций и жизнеобеспечения, массовые эпидемии и отравления населения и окружающей среды и многое др.), во время совершения террористического акта — на создание и расширение состояния страха у населения, государственных органов, общественных организации и иных институтов общества;

диверсанты осуществляют свои действия замаскировано, стараются не разглашать в открытую свою деятельность, а вот террористы при совершении террористических актов действуют открыто, предъявляют свои требования и амбиции к противоборствующей стороне непосредственно, а также с помощью использования технических средств передачи информации.

Кроме того террористическим актом и диверсией существует различие по элементу субъективной стороны — цели совершения преступления, которое заключается в следующем: совершение диверсионных актов осуществляется с целью ослабления государства, нарушения функционирования государственных органов власти, подрыва обороноспособности и экономической безопасности, дестабилизации в стране обще-

ственно-политической обстановки, при том как действия актов терроризма направлены на оказание психологического давления для принятия какого-либо решения или отказа от него в пользу террористов;

Также стоит обратить внимание, что моментом окончания диверсии считается момент нанесения вреда, в результате которого причинен материальный ущерб, окончание террористического акта наступает в момент появления опасности общественно опасных последствий.

Также террористический акт может иметь общие признаки с убийством, совершенным способом, опасным для жизни многих лиц. Преступник при совершении вышеуказанного вида убийства действует против потерпевшего способом, при котором создается опасность жизни иным лицам.

При совершении акта терроризма создается реальная угроза для жизни многих людей, в результате действия общеопасным способом. Однако причинение смерти одному или нескольким лицам не является конечной целью действий террориста. Напротив, при совершении убийства общеопасным способом преступник стремится к достижению своей цели, а именно — лишение жизни потерпевшего. Так же убийство может быть методом давления и запугивания на кого-либо, с целью контроля поведения в пользу интересов преступников. В данном случае убийство будет иметь террористический уклон [6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что совершение преступлений террористического характера носят угрожающий характер для стабильного развития социально политической обстановки нашего государства и всего мирового сообщества. Поэтому борьба с терроризмом всецело требует объединенных усилий всех органов власти и институтов гражданского общества, тесной координации государств и международных организаций на международном уровне в сфере противостояния террористической угрозе. Успех в этой борьбе зависит, прежде всего, от четкого законодательного регулирования противодействия данному опасному феномену. Среди преступлений террористического характера, закрепленных в УК РФ, наиболее распространенным является террористический акт.

В науке квалификация террористического акта продолжает вызывать широкие дискуссии среди ученых и остается актуальной, поскольку объектом преступлений террористического характера является безопасность общества. При квалификации террористического акта возникают проблемы, связанные с вопросами толкования некоторых определений, используемых в статье 205 Уголовного кодекса РФ. С принятием Постановления Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» данная проблема была частично решена. Довольно часто на практике террористический акт разграничивают с некоторыми смежными составами, к примеру, с диверсией (ст. 281 УК РФ), убийство, совершённое общеопасным способом (п. е ч. 2 ст. 105 УК РФ).

На основании изложенного, можно обобщить признаки состава террористического акта, которые отграничивают терроризм от вышеуказанных составов и без наличия которых квалифицировать преступление как террористический акт, не представляется возможным. К ним следует отнести:

совершение общеопасных действий или угроза совершения таковых;

направленность вышеуказанных действий на устрашение населения, общества;

наличие цели — оказание воздействия на принятие государственными органами власти, общественной организацией, физическим и юридическим лицом решения в пользу соблюдения требований террористов.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ ст. 205 (дата обращения: 07.04.2019).
2. О противодействии терроризму: [федер. закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ: принят Гос. Думой 26 февр.. 2006 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации.— 2006. № 11.— ч. 1 ст. 3.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» [Электронный ресурс].— Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 07.04.2019).
4. Лебедев В. М., Галахова А. В. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации. Комментарий. Судебная практика. Статистика.— М.: Изд-во Городец, 2015.— 1168 с.
5. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. проф. Л. Д. Гаухмана и проф. С. В. Максимова.— М.: Изд-во Эксмо, 2017.— 704 с.— (Российское юридическое образование).
6. Хабачиров М. Л. К проблеме противодействия терроризму: перекрытие каналов и источников финансирования актов терроризма и террористических организаций // Уголовно-правовая охрана личности и ее оптимизация/ Под ред. Б. Т. Разгильдиева. — Саратов: Сарат. гос. академия права, 2017. — С. 299–303.
7. Серебренникова А. В., Лебедев М. В. Трансформация нормы об уголовной ответственности за совершение террористического акта (статья 205 УК РФ 1996 г.) Colloquium-journal. 2017. № 6–1 (6). С. 11–15

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 51 (341) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова

Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова

Художник Е. А. Шишков

Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 30.12.2020. Дата выхода в свет: 06.01.2021.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.